

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

~~584~~
595

THE PENNSYLVANIA STATE
UNIVERSITY LIBRARIES

832

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ

Sem'ia volnodumtsev

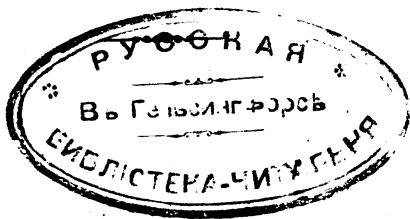
Историческая повѣсть

ВРЕМЕНИ

ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

П. Петрова и В. Ключникова.

Petrov, P. N.

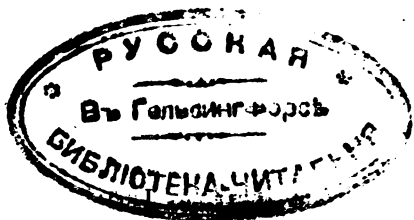
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. Маркса.

1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Заря новаго дня.	1.
II. Узникъ	15.
III. Братъя	32.
IV. Пустынька	47.
V. Въ Москвѣ	49.
VI. Новый Вавилонъ	75.
VII. Крушеніе надеждъ	86.
VIII. Возвращеніе блуднаго сына	99.
IX. Самъ себѣ врагъ	111.
X. Сиротка.	121.
XI. Женихъ.	133.
XII. Екатеринины орлы	147.
XIII. Соперники	156.
XIV. Опекунъ.	171.
XV. Выборъ	182.
XVI. Что посеяно, то пожинается	193.
XVII. Эпилогъ	206.

Заря новаго дня.

Раннее утро 28 іюня 1762 года обѣщало Петербургу самый пріятный день; блѣдно-голубое небо было безоблачно, въ воздухѣ тишь, на улицахъ полное спокойствіе. Солнце некло уже порядочно, хотя было всего девятаго половина. Вдругъ съ колокольни Рождественской церкви (замѣненной нынѣшнимъ Казанскимъ соборомъ) звонко прогудѣлъ ударъ колокола; за нимъ другой, еще звонче и напряженнѣе, третій, четвертый, чаще и чаще, словно съ лихорадочною поспѣшностью, колокола большіе и малые звонили, перекрещивая и сливая свои мѣдныя голоса... Слышались и до этого гдѣ-то звоны, и должно быть въ двухъ церквяхъ, но трудно было догадаться гдѣ именно, — а по трезвону во всѣ колокола Рождественской, обыватели стали понемногу, высыпать со всѣхъ сторонъ, и скоро отдѣльныя кучки сплотились въ одну громадную.

Люди, тѣсняясь, заняли не только внутренность церкви съ папертью, но и всю необширную ограду. Между тѣмъ, съ конца Прешпективной отъ Фонтанной рѣчки надвигалась другая сила народа, полускрытая въ облакахъ пыли.

Когда эта лава докатилась до Гостиного двора, все

С снѣга вольноудушцевъ.

ростя и прибывая, пыль разсыялась настолько, что можно было замѣтить порядокъ чинно и стройно выступавшихъ полковъ, Измайловскаго и Семеновскаго, окружавшихъ дорожную карету.

Въ нестройномъ говорѣ, покрываемомъ барабаннымъ боемъ; трудно было что-нибудь услышать или разобрать; но шумъ почти мгновенно смѣнился мертвою тишью, когда карета остановилась передъ оградой, и изъ дверей экипажа, опираясь на плеча фельдмаршала Разумовскаго и одного рослаго офицера, — въ послѣдствіи столь знаменитаго князя Орлова, — вышла молодая женщина въ придворномъ траурѣ. Весьма немногіе узнали въ ней Государыню Екатерину Алексѣевну, пока она спѣшно всходила по ступенямъ паперти.

Здѣсь уже ожидало ее духовенство, и во главѣ его преосвященнѣйшій Димитрій, архіепископъ Новгородскій, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ. Подойдя подъ благословеніе и приложившись ко кресту, Государыня вступила въ храмъ.

Тотчасъ начался молебенъ, всѣ затихли — и среди общей тишины рѣзко отразились въ ушахъ присутствующихъ слова возглашенія: «помолимся о благочестивѣйшей, самодержавнѣйшей, великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ нашей Екатеринѣ Алексѣевнѣ и о наслѣдникѣ ея, благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ...», но голосъ діакона внезапно заглушили извнѣ, за стѣнами церкви, громовые раскаты нѣсколькихъ тысячъ голосовъ: «ура! да здравствуетъ Императрица Екатерина!»

— Православные христіане, сынове государства российскаго! началъ едва внятно архіепископъ, постепенно возвышая голосъ, — Ея Величество, благовѣрная Государыня наша, снисходя на моленія вѣрныхъ своихъ подданныхъ, успокоенія ради церкви и отечества, грядетъ воспріяти скиптръ российскаго царствованія. По-

*

молимся, братія, да ниспошлетъ ей Всевышній силу и крѣпость на сей подвигъ!

Ораторъ указалъ глазами въ ту сторону, гдѣ, окруженная немногими прибывшими съ ней, горячо молилась Екатерина. При видѣ этого, взрывъ «ура!» и радостные клики уже со стороны бывшихъ въ церкви грянули подъ своды храма и не дали продолжать архиерею, — такъ что самое молебствіе возобновилось лишь по успокоеніи порывовъ народнаго чувства. Съ окончаніемъ молитвословія, Монархиня вышла изъ собора, и, сѣвъ въ карету, продолжала шествіе къ только-что отстроенному, Зимнему Дворцу, самые фасады котораго не всѣ еще были отштукатурены.

Петербургъ въ первые 59 лѣтъ своей жизни, какъ дитя-богатырь, росъ не по днямъ, а по часамъ. Трясины исчезли, болота подсохли, рытвины заровнялись; по бывшей пашнѣ проходили слободы и улицы, остатокъ лѣса стоялъ еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ за Фонтанкой. Адмиралтейскій же островъ сталъ принимать уже видъ цѣльнаго города, лишь съ небольшими пустырями. Каменный дворецъ основателя, въ которомъ провелъ онъ послѣдніе дни свои, оказался неподходящимъ даже его племянницѣ; для нея геніальный Растрелли, являсь на русскую службу, проектировалъ то монументальное зданіе, которое, называясь Зимнимъ дворцомъ, составляетъ теперь красу и гордость Невской столицы. Императрица Анна, начавшая жить на широкую ногу, дѣлала свои куртаги уже въ настоящемъ Зимнемъ дворцѣ, по крайнѣй мѣрѣ въ той части, которая выходитъ на уголъ отъ Невы къ Адмиралтейству. Елизавета Петровна, на половинѣ своего царствованія, рѣшилась застроить весь главный четвероугольникъ зданія Зимняго дворца, какъ оно есть; созданные съ цѣлаго государства работники напомнили въ послѣдній разъ московскіе порядки, проявивъ ту не-

истощимость средствъ, которыхъ въ Россіи какъ бы не подозрѣвается, но которыя, словно по манію волшебнаго жезла, являются къ услугамъ монарха, когда онъ кликнетъ къ своей Руси. Между Зимнимъ дворцомъ и Прешпективой, на которой стояла Рождественская церковь, проходилъ обширный лугъ, называемый Дворцовымъ и огражденный рѣшетками, съ проѣздомъ подлѣ самаго Адмиралтейства, отъ главныхъ воротъ, по линіи Большой Прешпективой и потомъ подлѣ домовъ Нѣмецкой слободы, начинавшейся отъ Прешпективой по берегу Мойки-рѣки до Луговой (нынѣшней Миліонной) улицы.

Молва о томъ, что было въ церкви, облетала окрестныя улицы—и народъ, всякаго званія, пола и возраста, стремительно бѣжалъ къ царскому жилищу, не давая себѣ отчета: зачѣмъ. У всѣхъ было одно инстинктивное желаніе — видѣть новую самодержицу.

Жара становилась пестерпимою; зелень палисадниковъ, листва липовыхъ аллей, передъ домами по бокамъ Прешпективой, сверкала на солнцѣ; деревянные мостки, замѣнившіе тротуаръ, накалились;—но толпа безъ усталіи слѣдовала за каретой, въ которой виднѣлась Государыня, медленно раскланивавшаяся на обѣ стороны, изрѣдка съ очаровательной улыбкой кивая знакомымъ лицамъ.

Вотъ она показалась въ фонарикѣ дворца, держа на рукахъ осьмилѣтняго сына и ласково кланяясь народу. При появленіи ея, толпа забушевала какъ море, и волны народныя, сплотясь еще тѣснѣе, подступили къ самымъ стѣнамъ царскаго жилища, покрывъ почти весь травяной коверъ Дворцоваго Луга. Сердца бились усиленно; никто не спускалъ глазъ съ средняго этажа дворца, гдѣ всѣ окна были настежь створены; смѣльчаки даже по лѣсамъ, поставленнымъ для штукатурки фасада, взбирались до самыхъ оконъ и лѣзли въ нихъ. Но Государыня болѣе не показывалась.

Между тѣмъ, всторонѣ, на Луговой улицѣ (нынѣшней Миліонной) и подлѣ Дворцовой гавани, противъ Адмиралтейства, полковые священники, разставивъ аналои, приводили народъ къ присягѣ.

Въ толпѣ у дворца кто-то крикнулъ, что Государынѣ поданъ экипажъ и она уѣзжаетъ. Народъ сплошную стѣной хлынулъ за Государыней по Невскому и окружилъ со всѣхъ сторонъ временный деревянный дворецъ у Полицейскаго моста. Это временное жилище изкусникъ Растрелли успѣлъ возвести въ одно лѣто 1754 года. Но быстрота сооруженія нисколько не умалила, поразительной красоты дворца.

Если бы потребовали точно обозначить его фигуру словами, то это было бы въ высшей степени затруднительно. Представьте себѣ, такъ-называемый *покой* изъ славянской азбуки, къ которому съ боковъ прилѣпились съ лица по два неправильныхъ придатка — одинъ шире, другой уже, — и если вы загнете эти приростки угломъ съ внѣшнихъ сторонъ, то планъ послѣдняго жилища Елизаветы Петровны выйдетъ полный. Что касается фасадовъ, то съ ними описателю представится не менѣе затрудненій чѣмъ съ планомъ. Средина дворца съ Перспективой отличалась особенной изысканностью. Тутъ соединились для произведенія праздничнаго эффекта — и скульптура, и позолота, и яркія краски. Въ цѣломъ это представляло одну изъ тѣхъ дорого стоящихъ игрушекъ, въ изобрѣтеніи которыхъ съ полнымъ блескомъ проявлялась неистощимость фантазіи гениальнаго графа Растрелли.

Въ этотъ дворецъ, послѣднее время пустынный, теперь же внезапно оживившійся, по немногу стали собираться сановники, съ трудомъ пробираясь въ тѣснотѣ.

Передъ экипажемъ Государыни, медленно двигавшемся отъ Адмиралтейства, шелъ замѣчательно - краси-

вый господинъ, лѣтъ тридцати пяти, въ атласной траурной епанчѣ; темный цвѣтъ ея еще болѣе возвышалъ блѣдность его миловиднаго лица.

— Шуваловъ! Шуваловъ! зажужжало въ толпѣ, почтительно раздававшейся на обѣ стороны предъ каретой Государыни.

Иванъ Ивановичъ былъ чѣмъ-то озабоченъ и даже не обратилъ вниманія на эти знаки почета, которымъ пользовалось въ народѣ имя основателя московскаго университета. Поспѣшность, съ которой онъ вышелъ изъ дому проявлялась между прочимъ въ недопудренныхъ нижнихъ завиткахъ его парика. Улыбка, изрѣдка появлявшаяся на мягкихъ губахъ его, на этотъ разъ была лишена той ѣдкой насмѣшливости, которая, по словамъ ненавистниковъ его былого величія, не сходила у него съ лица въ прежнія времена.

Посматривая по сторонамъ, идя близъ кареты къ деревянному дворцу, онъ вдругъ замѣтилъ въ толпѣ у самаго дворца Михайлу Илларионовича Воронцова, оттѣсняемаго народомъ, раздавшимся предъ каретой Государыни.

Невзрачное лицо Воронцова было сморщено явнымъ неудовольствіемъ, но то была не старческая брѣзгливость, а скорѣе борьба оскорбленнаго самолюбія съ сознаніемъ долга и опасности. Если привычка повелѣвать и сквозила въ общемъ выраженіи его физіоміи, то пробираясь въ толпѣ, онъ все-таки старался пройти никого не задѣвъ, что въ тѣ времена бывало несомнѣннымъ признакомъ придворнаго челоѣка. Воронцову, тѣснимому со всѣхъ сторонъ, пришлось бы плохо, еслибъ одинъ изъ офицеровъ, стоявшій при своемъ взводѣ, не скомандовалъ: «удайся! дорогу канцлеру!»

Первымъ ощущеніемъ основателя московскаго университета была потребность успокоить пріятеля и дать понять ему, какъ и что дѣлается, — хотя и самъ Шу-

валовъ, конечно, въ подробностяхъ зналъ еще немного — и только главное представлялось ему яснымъ, какъ дѣло рѣшеное. Поэтому, завидя канцлера, онъ стремительно бросился къ нему на встрѣчу, кое-кого толкнувъ не нарочно и не извинившись, крѣпко сжалъ Воронцову руку, прошепталъ ему на ухо: «мужайся!» и тутъ же прибавилъ вполголоса, но не въ состояніи будучи удержать тяжелаго вздоха: «все можетъ быть къ лучшему»...

Вздохъ этотъ оказывался рѣшительно въ разладѣ съ призракомъ улыбки, которую старался придать чертамъ своимъ тонкій куртизанъ.

Но простосердечный канцлеръ далеко не понималъ успокоителя и даже сердито отозвался: «что тутъ лучшаго, Иванъ Ивановичъ, не знаю! еще посмотримъ!»

И они зашумукали, подъ громкій смѣхъ уже подгулявшихъ гвардейцевъ. Нашептыванія эти пожалуй долго бы продолжались, еслибы усилившійся шумъ не заставилъ обоихъ министровъ поднять голову и осмотрѣться. Это было въ самую пору, потому что на нихъ валила толпа солдатъ, таща во дворецъ генераль-полицмейстера Корфа схваченнаго по недоразумѣнію.

Шуваловъ съ Воронцовымъ успѣли во-время уйти въ подъѣздъ. Конечно, ходы и выходы были имъ всѣ знакомы. По внутреннимъ корридорамъ оба пріятеля, задерживаемые на пути разными лицами, подошлѣли въ столовую, гдѣ Корфъ удостоенъ былъ милостиваго слова Государыни, въ эту минуту затронувшей самую чувствительную струну добряка генераль-полицмейстера.

— Вы, какъ видно, не хотѣли меня видѣть, а я васъ желала... и вотъ зачѣмъ...

Съ этими словами Государыня сняла съ себя и на дѣла на просіявшаго Корфа орденскую ленту.

— А! да и вы здѣсь, Михайло Иларіонычъ! обратилась государыня къ Воронцову:— что это вы такъ нахмурились?

Воронцовъ быстро подошелъ къ Ея Величеству, и подведя Государыню къ окну, едвали помня что говорить, прерывающимся отъ волненія голосомъ, спросилъ: «что вы намѣрены дѣлать, Ваше Величество?»

— Что за вопросъ!? сухо сказала Государыня, окинувъ его быстрымъ взглядомъ съ ногъ до головы.

— Это можетъ кончиться очень серьезно, шепелявилъ Воронцовъ, заикаясь болѣе обыкновеннаго, — на улицахъ толпы народа...

— За народъ будьте покойны! съ улыбкой сказала Государыня: — однако, что за невыносимая жара сегодня! прибавила она, небрежно растворяя окно.

Съ улицы, какъ бы на встрѣчу Государынѣ, загудѣли хоромъ крики восторга: «да здравствуетъ мать наша Екатерина!»

Воронцовъ какъ-то согнулся и сгинулъ изъ столовой, никѣмъ не замѣченный.

Народныя толпы между тѣмъ переполнили все пространство вокругъ временнаго дворца, изъ оконъ котораго виднѣлись, словно громадный муравейникъ, тысячи головъ, гомозившихся на одномъ мѣстѣ.

Когда Государыня подходила къ окну, привѣтственные клики неумолкаемымъ рокотомъ гремѣли ей навстрѣчу, шапки летѣли вверхъ, женщины махали платками, — толпа спланивалась еще тѣснѣе, такъ что пробраться къ ней не стало почти никакой возможности.

Торжествующій Корфъ, выйдя на улицу, не чуялъ ногъ подъ собою, гордо выступая и свысока глядя на всѣхъ, какъ вдругъ на него прямехонько наткнулся Николай Александровичъ Головинъ, своимъ разсѣяннымъ взглядомъ ни на кого собственно не смотрѣвшій, едвали что видѣвшій и занятый какими-то пріятными воспоминаніями, которыя, разгладивъ раннія морщины, сообщали мертвенно блѣдному лицу этого самаго ран-

няго русскаго мистика торжественное выраженіе, не лишенное надменности...

— Ишь-ты сычи да совы тудажь распорхались, да солнышко-то знать не свой братъ — очи заслѣпило! сострилъ съ неприличнымъ хохотомъ молодой купецъ, въ синей тонкой сибиркѣ, въ которомъ ни одинъ изъ обывателей Невской столицы того времени не затруднился бы признать извѣстнаго между купеческимъ людомъ весельчака, Ивана Меркулыча Щукина. Подлѣ мостковъ, замѣнившихъ тротуаръ, стоялъ щегольской бархатной фаятонъ — и на немъ возсѣдала Нимфодора Харитоновна Щукина, разодѣтая въ пухъ и въ прахъ, словно она завѣдомо собралась показать себя и заявить всѣмъ кому вѣдать надлежитъ, пользуясь настоящимъ торжественнымъ случаемъ, что она, Нимфодора, знакома со всѣми гвардейскими офицерами, что у нея, по милости мужа, денегъ куры не клюютъ, и что золотистая сытенькая вятка, запряженная въ ея фаятонъ, снабжена сбруей чистаго серебра. Сожитель-весельчакъ такихъ продѣлокъ супруги добродушно не замѣчалъ, ласково отвѣщая поклоны офицерамъ, какъ людямъ знакомымъ. Почти всѣхъ называлъ онъ по именамъ, прибавляя шуточки и прибауточки и собирая вокругъ себя порядочную толпу...

Меркулычъ, польщенный этимъ вниманіемъ, чувствовалъ себя, что называется въ ударѣ, и готовъ былъ цѣлый день потѣшать честной народъ неистощимымъ остроуміемъ; но въ то время, какъ онъ самъ таялъ, наслаждаясь своей находчивостью и мѣткостью своихъ словечекъ, чья-то тяжелая рука, сзади опустилась на его плечо, точно однимъ вѣсомъ своимъ повернула его налѣво кругомъ, и голосъ, хриплый, грубый, хотя и старающійся смягчить эту грубость, проговорилъ: «ты что это здѣсь дѣлаешь?» Меркулычъ, уступая повороту, взглянулъ въ лицо говорившаго, да такъ и замеръ на

полусловъ, съ разинутымъ ртомъ, въ крайнемъ изумленіи, смѣшанномъ со страхомъ, словно предсталъ ему выходецъ съ того свѣта. Предъ нимъ стоялъ рослый, богатырски-сложенный, но блѣдный и худой мужчина, силачъ, какъ видно не старый, а уже во вьющихся волосахъ и кудрявой бородѣ не оставалось ни одного темнаго волоса: они были совсѣмъ бѣлы и на солнцѣ казались даже серебристыми. Крупныя черты мужественнаго лица его поражали странною смѣсью живости съ какимъ-то неподвижнымъ упорствомъ. Нависшая гущина бровей скрывала въ глубокой тѣни большіе темные глаза; огонь ихъ казался потухшимъ, ходя по временамъ они метали едва уловимый холодный стальной блескъ. Въ одеждѣ силача также замѣтно было что-то странное. Бархатная поддевка нараспашъ рѣзко выдѣляла ветхую холстинную рубаху съ ремennымъ пояскомъ и крашенинные шаровары. занущенные въ высокіе лакированные сапоги. Въ свободной рукѣ держалъ онъ легкую шапочку, татарскаго покроя, отороченную бархатомъ, съ прокладкою узкаго гасика по всѣмъ швамъ осьми полочекъ и съ пуговицей прыденаго золота въ точкѣ схождения швовъ. Косой воротъ его неказистой рубахи тоже заканчивался запонкой чистаго серебра.

— Да это взаправду ты, Василій Никитичъ, аль тѣнь твоя? выговорилъ наконецъ Щукинъ въ видимомъ смущеніи, совсѣмъ не своимъ голосомъ.

— Я самый и есть, коли ты подлинно Иванъ Меркулычъ, а не какая-нибудь прелесть бѣсовская, какъ вы тамъ называете! неловко стараясь улыбнуться, отвѣтилъ пришедшій.

— Жена, а жена! крикнулъ Меркулычъ, пожавъ ему руку:— полно тебѣ зѣвать-то по сторонамъ! Право слово: галки въ ротъ влетятъ! входя въ прежнюю роль беззаботнаго говоруна, продолжалъ Щукинъ: — Вотъ онъ нашъ явленный-то! Смотри, говорить, живъ живе-

хонекъ! Рано, говоритъ, слышь, мы его въ поминаніе записали! Гдѣ пропадалъ — говори!

При этихъ словахъ онъ облапилъ силача и чмокнулъ отъ чистаго сердца.. Нимфодора Харитоновна, съ высоты своего величія, дружелюбно раскисывалась, что съ ея стороны было знакомъ величайшаго благоволенія. Но знакомецъ, холодно отвѣчая на привѣтствія мужа и жены, былъ нѣмъ какъ рыба — и только на усиленные разспросы Меркулыча бормоталъ: «здѣсь не время... не мѣсто... успѣешь... узнаешь все...»

— А ты, братъ, измѣнился, совсѣмъ измѣнился! постарѣлъ, хрычомъ такимъ смотришь — только молодецкимъ станомъ сдаешься на прежняго Василья Коржавина! Видно, братъ, уходили бурку крутыя горки. Вѣдь ты къ намъ? — такъ ступай, мы сейчасъ съ бабой будемъ. Кажется, все уже видѣли... Харитоновна, пустимся-ка домой...

— Побудемъ еще, Иванъ Меркулычъ, отвѣтила супруга, — вонъ гляди-ко: что это!.. Эна, глянь-ка? какого коня ведутъ...

Толпа, разступаясь, давала мѣсто двумъ придворнымъ конюхамъ, которые вели подъ узцы кровную бѣлую лошадь, покрытую богатымъ чепракомъ. Вскорѣ затѣмъ отъ дворца тронулся блестящій отрядъ кавалеровъ и дамъ верхами, въ сопровожденіи солдатъ; сотни штыковъ заблестѣли на солнцѣ; — и все это двинулось по Большой Морской.

Иванъ Меркулычъ сѣлъ на свой фэтонъ, взялъ возжи и, пользуясь свободнымъ проѣздомъ послѣ отхлынувшей толпы, пустилъ свою вятку обратно по Прешпективной къ Зеленому мосту и далѣе къ мѣсту своего обиталища. Сытый конекъ бѣжалъ усердно; только мелькала между липками бѣлая турецкая шаль, покрывавшая голову Нимфодоры Харитоновны. Они уже были чуть видны, когда Василій Никитичъ Коржавинъ,

ступивъ на Зеленый мостъ, услыхалъ дружескій голосъ называвшій его по имени. Голосъ и приглашеніе «сѣсть» послѣдовали съ изукрашенной линіи, на которой сидѣлъ, окруженный пятью или шестью нѣмцами-музыкантами въ новыхъ шляпахъ съ перьями и лентами, Прокофій Акиноіевичъ Демидовъ, тотъ самый чьи шутки, не столько остроумныя, сколько ѣдкия и даже дерзкія, переходили изъ устъ въ уста почти повсемѣстно въ царствованіе великой Монархини, теперь начинавшееся.

Демидовъ нарядился совсѣмъ по праздничному, въ бархатъ, кружева и золото, и представлялся радующимся нараспашку. Махая обѣими руками Коржавину, издали еще завидѣвъ его, онъ указывалъ ему мѣсто подлѣ себя на линіи, — и по знаку его, музыканты, потѣснившись въ обѣ стороны, дали возможность присѣсть Василию Никитичу, еще болѣе озадаченному праздничною картиною Демидова съ музыкантами. Когда приглашенный помѣстился какъ можно удобнѣе подлѣ хозяина, чья-то рука передала два серебряные бокала на такомъ-же подносіи и бутылку съ золотистою сладкою шипучкою шампанеи, какъ тогда называли. Коржавинъ невольно принялъ налитой ему бокалъ и поѣлуй развеселившагося хозяина, который, чокаясь, скороговоркой повторялъ: «Святой день! святой день! Заря нашего счастья!»

— Счастья?... протяжно и грустно, вполголоса, словно забывшись отзывался Коржавинъ.

— И ты не вѣришь? Ахъ ты, Ома непутный! Да я тебя! Только смѣй у меня не вѣрить! Да знаешь ли, что ты богохульствуешь! Вотъ-те Христосъ!

И Демидовъ крестился обѣими руками.

— Ты мнѣ повѣрь, а я очевидецъ; моими мужицкими лапами взялъ ея ручку, самъ какъ есть, — и не осердилась — узнала и по имени пазвала. «Я, говоритъ,

тебя, Прокофій Акипѣевичъ, пожалуй. Какой, говорить, чинъ хочешь? Такъ вотъ, говорить, что: будешь ты у меня штатскій совѣтникъ—довольно ли съ тебя за твою за прежнюю добродѣтель?» Вотъ у насъ какъ! А ты дурашка, такой хмурый еще! Говорятъ тебѣ — это ангелъ во плоти...

— Оно такъ, конечно, — и ангелъ — почему не быть ангеломъ! Да только одно, братецъ, пугаетъ: и ангеловъ земныхъ демоны смущаютъ. Вѣдь блаженные памяти .. ангельская душа...

— Ты мнѣ этого не говори — я знаю! кричалъ во все горло расходявшійся Демидовъ, — ты меня слушай — и не бойсь, ничего не бойсь! Коли я говорю, значить знаю, а ты не перечь — радуйся и веселись!

— Да оно такъ, конечно. А какъ въ нашей шкурѣ просидишь гдѣ-нибудь въ недобромъ мѣстѣ годика три-четыре—такъ радость, знаешь, и не скоро на умъ пойдетъ при новой перемѣнѣ...

— Да что ты мнѣ рассказываешь, я вѣдь про тебя всю подноготную зналъ, перебилъ Демидовъ.

— А!.. зналъ—такъ чего-жъ не подсобилъ? Небойсь пальцемъ не пошевелинулъ чтобъ выручить! съ холоднымъ укоромъ проговорилъ Коржавинъ.

— Да нельзя было — ничего не подѣлать бы, развелъ руками Демидовъ:—за то ужъ теперь наше дѣло только Господа Бога молить, чтобы благополучіе російскому государствію даровалъ... Эй, музыка! ваяя живѣй, братцы! Хочу веселиться и радоваться въ теперешніе часы... Наша значить взяла!.. Святой день! святой день! А ты, хмурый, пей!—знаешь, вино веселитъ сердце человѣческое! А вино доброе!

И снова бокалы очутились въ рукахъ Демидова съ Коржавинымъ—и они выпили ихъ подъ веселые звуки духовой музыки, лившейся въ воздухъ чистой струей при дружномъ усердіи тоже нѣсколько подгулявшихъ

музыкантовъ. Струя шампаней мало по малу разглаживала и пасмурное чело недовѣрчиваго Коржавина, — какъ вдругъ на всѣхъ перекресткахъ словно изъ земли выросли военные патрули и принудили веселившихся прекратить катанье.

Когда линия остановилась въ Хамовой улицѣ за Симономъ передъ домомъ Демидова, проворные слуги, вынимая изъ экипажа гостя съ хозяиномъ и бережно поддерживая ихъ при подъемѣ на лѣстницу, не могли замѣтить существенной разницы въ выраженіи лица хозяина и гостя. Подъ гостепріимной сѣнью Демидова, въ отведенномъ для него покоѣ, Коржавина ослѣнило полное забвеніе того что съ ними было. Напрасно ждали его къ горячимъ штямъ Меркулычъ съ Нимфодорой. Мало того, громкая барабанная дробь подъ самыми окнами проходившихъ полковъ и даже прослѣдованіе артиллеріи, въ то время несравненно болѣе дававшей гулу чѣмъ теперь — не производили никакого впечатлѣнія на уснувшего. Даже не разъ посылаемые ретивые слуги Прокофья Акинѣевича не въ состояніи были растолкать страннаго гостя въ такомъ чудномъ нарядѣ и между тѣмъ такъ запросто-расположившагося у надменнаго богача, предъ которымъ пресмыкались и очень родовитые люди.

II.

Узникъ.

Паралельно съ Невской Прешпективой, только позади ея, линія, отдѣлявшая Лабиринтъ отъ городской земли, была гранью образовавшейся уже Итальянской улицы, въ первое время еще очень пустынной, на которой кое-гдѣ выглядывали маленькіе домики. Рукавъ Глухаго протока, еще незакрытый гатью, въ теченіи двухъ третей года перерѣзывалъ эту такъ-называемую Итальянскую улицу, обыватели конца которой, сообщались съ Невскою Прешпективою только по тропинкамъ позади дворцовыхъ садовъ. Впрочемъ, съ приближеніемъ къ Каравайной улицѣ, новенькія строенія можно было назвать даже красивыми. Ихъ конечно было немного. Между этимъ оазисомъ въ пустынь и самой уединенной частью Итальянской, на углу оканчивавшейся здѣсь Садовой улицы, высилось одно мрачное зданіе съ рѣдкими окнами наружу и съ крѣпкими желѣзными воротами съ двухъ сторонъ, съ Итальянской и съ Садовой. Ставни рѣдкихъ оконницъ въ первомъ этажѣ были наглухо закрыты; во второмъ же—изъ окошечекъ за желѣзными рѣшотками, въ зимнюю пору проглядывало кое-гдѣ блѣдное мерцаніе огоньковъ, но и то не всегда и на короткое время. Мостки подлѣ этого загадоч-

наго зданія были совершенно новы и чисты, какъ будто бы пѣшеходы боялись своими ногами осквернить ихъ. Можетъ быть и проходящихъ бывало немного. Можно было однако замѣтить, что сами обыватели Итальянской улицы, пробираясь въ грязную пору и утопая въ вязкомъ илѣ немошеннаго полотна, обходили новые мостки, держась поодаль отъ этой вѣчно-запертой твердыни. Сосѣди вообще не любили распространяться или пускаться въ объясненія того, что это было за зданіе, — хотя всѣ конечно знали, что это было присутственное мѣсто, въ которомъ заправлялъ дѣлами секретарь и при немъ находилось около десятка подъячихъ. Большая часть ихъ тутъ и жили, но инымъ приходилось и прихаживать. Часто водили сюда арестантовъ съ приличнымъ конвоемъ, большею частью только по одиначкѣ.

Въ одинъ изъ весеннихъ дней 1756 года, часу въ 8 утра, къ воротамъ съ Садовой подкатила тѣлежка, на которой сидѣли четверо.

Судя по плащамъ извѣстнаго покроя и плоскимъ шляпамъ, видно было, что трое изъ пріѣхавшихъ гренадеры. Оставивъ лошадь, одинъ изъ нихъ, въ сумкой черезъ плечо, сталъ стучаться въ ворота, — между тѣмъ какъ двое другихъ помогали сойти съ тѣлеги закованному, въ ручные и ножные кандалы, рослому мужчине богатырского сложенія.

Закованный былъ въ какомъ-то нарядѣ, словно не русскомъ — не то въ рясѣ, не то въ узкомъ полукафтанѣ, обрисовывающемъ станъ. Изъ-подъ черной овечьей шапочки выбивались длинные кудрявые волосы; онъ былъ съ бородой, оказывавшейся гораздо темнѣе волосъ. Очутившись на землѣ, онъ сдѣлалъ невольное движеніе, какъ бы разправляя свои заковенные члены; но и это естественное движеніе заставило спутниковъ взять его подъ руки и поскорѣе ввести въ ворота.

Это была *тайная канцелярія*.

Черезъ минуту сопровождавшіе ввели закованнаго въ обширную палату очень мрачнаго вида, гдѣ было поставленно два стола—и за однимъ изъ нихъ сидѣлъ и проворно писалъ еще молодой человѣкъ, какъ впоследствии оказалось секретарь. Лицо его поставило бы въ затрудненіе самого Лафатера. Едва ли бы пресловутый фізіономистъ по этимъ неподвижнымъ, угловато и какъ бы небрежно вырубленнымъ чертамъ разгадалъ характеръ и наклонности этого чиновника, слышшаго у своего начальства самымъ исправнымъ дѣльцомъ. То былъ Степанъ Ивановичъ Шишковскій, такъ хорошо извѣстный знати въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II; тогда конечно онъ былъ въ высокихъ чинахъ, съ выяснившеюся заслуженной репутаціей. Въ лицѣ его впрочемъ не таилось ничего злаго, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ; развѣ особенно внимательно впивавшіеся въ каждое лицо глаза отталкивали своей неотразимой назойливостью. Глаза эти были какого-то тускло-водянаго цвѣта съ едва примѣтными рѣсницами, — такъ что когда онъ устремлялъ на кого-нибудь прищуренный глазъ свой, то зрачокъ дѣлался совсѣмъ безцвѣтнымъ и какъ бы блистающимъ.

Гренадеръ съ сумкой на спинѣ выступилъ впередъ и подалъ секретарю запечатанный въ бумагѣ нѣсколькими печатами ключъ, а затѣмъ, сдѣлавъ налѣво кругомъ, остановился передъ Шишковскимъ, давая возможность ему самому отпереть сумку освобожденнымъ изъ-подъ печатей ключикомъ. Черезъ мгновеніе Шишковскій сидѣлъ уже, внимательно читая бумаги. Присутствующіе какъ бы замерли на своихъ мѣстахъ.

Пробѣжавъ бумаги, секретарь позвонилъ. Съ двухъ сторонъ, сзади его стула, прошли люди—и онъ однимъ движеніемъ руки выслалъ гренадеровъ, приведшихъ узника.

До сихъ поръ привезенный смотрѣлъ какъ-то сосредоточенно на одного читавшаго бумаги. Теперь взглядъ

его упалъ случайно на боковую стѣну, гдѣ въ глубокой, нарочно-устроенной нишѣ расположены были разные орудія пытки. Какъ ни сосредоточено было выраженіе угрюмаго лица привезеннаго, но при видѣ ихъ онъ не могъ побѣдить невольнаго волненія. Оно впрочемъ пролетѣло только минутной дрожью по мускулистому лицу его. Достаточно было одного взгляда Шишковскаго, чтобы двое принялись съ ловкостью мастеровъ своего дѣла снимать ножные оковы.

Опять погрузился секретарь въ чтеніе бумагъ. На этотъ разъ онъ что-то по временамъ отмѣчалъ на особомъ листикѣ, а затѣмъ какъ-то угловато зѣвнулъ и принялся строчить форменное заглавіе допроса.

— Какъ зовутъ? прозвучали обычные слова въ мертвой тиши угрюмой канцеляріи.

— Василій Никитинъ Коржавинъ, отвѣчалъ привезенный, потупясь.

— Сколько лѣтъ?

— Сорокъ четыре.

— Изъ какихъ?

— Изъ посадскихъ, теперь купчина.

— Когда былъ на духу?

— Въ минувшу четырехдесятиціу.

— Сколько далъ за записку попу?

— Пять алтынъ, что и люди даютъ.

— Не увертывайся — за пять алтынъ вашего брата не записываютъ.

— Да я вѣдь православный христіанинъ — и весь родъ нашъ храма божьяго не обѣгалъ, проговорилъ Коржавинъ, впервые поднимая голову.

— Я не о родѣ спрашиваю, а о тебѣ... Ну, да что тутъ толковать! рассказывай все, ничего не скрывай, коли не хочешь въ тотъ уголокъ...

И Шишковскій указалъ глазами и привѣтливымъ кивкомъ головы на орудія пытки.

Судя по свободному объясненію Коржавина, можно было заключить, что онъ не находилъ надобности что-либо скрывать, а напротивъ очень обстоятельно обрисовалъ свое семейное положеніе, — сказалъ, что женатъ онъ будетъ уже лѣтъ съ двадцать, — что есть у него Ерофей братъ младшій, моложе еще сестра, Марою зовутъ, дѣвка, замужъ не собирается, отрেকшія престестей міра...

При послѣднихъ словахъ Шишковскій поднималъ на него глаза свои — и какъ бы про себя, думая вслухъ, выговорилъ: «да на Вѣтъ свой міръ есть — чего хочешь, того просишь: удовлетвѣять всячески. — И Ерофей также престестей міра бѣжитъ?» заключилъ онъ скороговоркою.

— Братъ въ науку вдаль, хочетъ всю философію произойти и разныя мудрости политичныя, съ уваженіемъ и легкимъ оттѣнкомъ какой-то хорошей зависти произнесъ Коржавинъ.

— Эна куда мужичье-то забирается! отозвался секретарь, — ну, а тамъ что твой умникъ затѣять намѣренъ? Министровъ учить, что-ли, какъ ты? Грамотки писать Воронцову? Экая ты у меня преумная голова!...

— Всякій сынъ отечества обязанъ рачить о прибыткѣ общемъ — тѣмъ паче государю своему, на то и присягу принимали. Что знаю — не потаилъ. Какъ передъ истиннымъ Богомъ, монархинѣ блага желаю — и отъ полного моего рабскаго усердія, всемѣрно, пользу приносить тщился...

— Ты мнѣ, братъ, не пой турусы-то на колесахъ. Безъ тебя найдется много рачителей; — коли всякій аршинникъ на свой образецъ съ пользой какой-то будетъ соваться — на что будетъ похоже? Да вѣдь ты врешь!... вѣдь и эта грамотка Воронцову у тебя подлогъ одинъ, чтобы замазать другія твои скаредныя дѣлишки, да какъ-нибудь увильнуть?... Знаете вы вѣдь,

что Михаилъ Илларионычъ — душа простая, — вотъ и подѣзжаешь мелкимъ бѣсомъ, а у самого что на умѣ?

— Графъ Михаилъ Ларионычъ, извѣстно, истый слуга отечества, господинъ разумный. Кому-жъ какъ не ему смекнуть, что нашъ братъ дѣльно представляетъ. А что злые люди находятся и клеветуютъ, такъ вѣдь все можно наказать — и на Христа фарисеи Пилату вадили, самозванцемъ нарекли, противникомъ Кесарю...

— Вотъ и прорвался! съ торжествующей улыбкой перебилъ Шишковскій, — и видно, что начетникъ, а еще говоришь, что въ церковь ходишь. Какъ же такое великое имя Иисусово въ пустомъ дѣлѣ приводишь — или у васъ все ни почемъ?

— Я къ примѣру сказалъ твоей милости, отвѣчалъ Коржавинъ, поднимая тяжелый взглядъ свой въ упоръ на Шишковскаго, — затѣмъ что вороги должно быть наклеветали, коли сюда меня привезли.

— А ты знаешь своихъ вороговъ? — назови хоть одного.

— А какъ ихъ знать! У всякаго человѣка есть вороги...

— Да ты не увертывайся, а говори, какъ же ты прикидываешься вѣрнымъ рабомъ благочестивѣйшей государыни, а износишь скаредныя ругательства на высочайшій санъ и злокозненно судишь о нѣкихъ великихъ персонахъ?

На лицѣ Коржавина изобразился ужасъ, мгновенно смѣнившійся яростью — глаза его сверкнули какъ сталь — не владѣя собою, онъ усиленно протянулъ руки вверхъ, такъ что зазвенѣли кандалы, и голосомъ полнымъ грознаго волненія вскрикнулъ:

— Кто-жъ это на меня показываетъ! Дайте мнѣ моего обидчика съ очей на очи!

— Потихе, потихе! кротко остановилъ его Шиш-

ковский:—я знаю, что ты лицедей хорошій; да у насъ вѣдь есть другія средства допытаться. Ты признавайся, какъ и когда ты осмѣлился изрыгнуть такія хулы злокаредныя...

— Мнѣ признаваться нечего, совѣсть моя чиста, успокоиваясь проговорилъ Коржавинъ и замолкъ, потушая какъ въ началѣ допроса.

— Говори, коли туда не хочешь! опять указавъ на орудія пытки, какъ-то разсѣянно проговорилъ Шишковскій, выйдя изъ за стола, и самъ принялся ходить по канцеляріи, съ разныхъ точекъ озирая Коржавина.

Но осмотръ этотъ повидимому не только удовлетворилъ недовѣрчиваго секретаря, а еще поселилъ въ немъ самомъ сомнѣніе въ точности поданнаго доноса на Коржавина. Степанъ Ивановичъ даже не *страцалъ* пыкою привезеннаго. Сдѣлавъ ему нѣсколько стороннихъ, по всей вѣроятности придумываемыхъ съ цѣлью испытанія почвы, пезначительныхъ вопросовъ, онъ приказалъ отвести его въ № 5, освѣдомившись предварительно: «кажется, пятый свободенъ?»

— Пятый и третій, глухо отозвался сержантъ, какъ въ послѣдствіи оказалось исправлявшій должность квартирмейстера въ этихъ номерахъ, гдѣ находили себѣ на неопредѣленное время пріютъ гости въ обители Степана Ивановича.

— Въ пятомъ будетъ ему поспокойнѣе, съ разстановкой сказалъ Шишковскій,—иное и поразмыслить можетъ, и припомнить, что запоматовавъ.

И мановеніемъ руки далъ знакъ, по которому вывели Коржавина.

Черезъ дворъ, въ самую даль, по узенькой лѣсенкѣ Коржавинъ и его провожатые поднялись на какую-то площадку, гдѣ довольно низко отъ полу начинались пяты тяжелого свода. Сержантъ отворилъ маленькую дверь, въ которую высокій Коржавинъ, сгорбившись

съ трудомъ прошелъ, — а пока онъ выпрямлялся, замокъ щелкнулъ вслѣдъ за глухимъ стукомъ захлопнувшейся двери.

Коржавинъ былъ уже приготовленъ ко многому.

Мало по малу глаза его съ трудомъ стали различать, что онъ находится въ каменномъ мѣшкѣ, куда свѣтъ проникаетъ изъ маленькаго оконца до котораго отъ полу было полтора роста его; за этимъ оконцемъ виднѣлась какая-то другая глухая стѣна, впрочемъ способная освѣщаться. Ходить въ этой камерѣ нельзя, а можно было только стать, сѣсть и лечь поджавъ ноги, особенно такому великану, какъ Коржавинъ.

Долго-ли пробылъ онъ въ какомъ-то забытіи, онъ не могъ дать себѣ отчета; но привелъ его въ самосознаніе звукъ отворявшейся двери. Чья-то рука поставила подлѣ него кружку съ водой и кусокъ хлѣба.

Эту неприхотливую трапезу, судя по появленію на верху стѣны свѣтовыхъ пятенъ во время дня, Коржавинъ не трогалъ сутокъ трое. Потомъ однакожь голодъ пересилилъ; онъ воспользовался умѣренной порціей и регулярно ожидалъ ея появленія каждое утро. Потянулись долгіе темные дни, одинъ за другимъ и одинъ какъ другой безъ всякой перемѣны. Праздникомъ были для заключеннаго тѣ рѣдкіе случаи, когда его водили въ канцелярію для новыхъ допросовъ.

Шишковскій иногда грозилъ, но къ пыткамъ не приступалъ. Настали холода, узника снабдили нагольнымъ тулупомъ и кенъгами; далѣе этихъ вещей впрочемъ не простирали о немъ заботливость.

На первыхъ порахъ, онъ, по временамъ, раза два или три приходилъ въ отчаяніе, имъ овладѣвало что-то въ родѣ бѣшенства и онъ бился головой объ стѣну въ безсильной злобѣ, — но какой-то стыдъ и смутное сознаніе, что такъ не подобаетъ человѣку, удерживали его.

Съ теченіемъ времени онъ сжился со своимъ грустнымъ положеніемъ.

Въ первые мѣсяцы онъ конечно не считалъ времени, но впослѣдствіи сталъ считать — и изловчился даже проводить на закопченной стѣнѣ черепкомъ отъ какой-то кружки видную ему черту въ привычныхъ полупотемкахъ.

Такъ насчиталъ онъ годъ, и другой, и третій, все еще не теряя надежды на освобожденіе.

По расчету узника, протекло уже пять лѣтъ его лѣтосчисления, была глубокая зима, когда, приведенный для допроса въ канцелярію, Коржавинъ видѣлъ въ первый и послѣдній разъ особу въ лентахъ, обратившуюся къ нему съ внушеніемъ не дозволять себѣ впередъ такихъ поступковъ. «Нынѣ великій государь императоръ Петръ Θεодоровичъ, по монаршему своему милосердію, выпустить тебя велѣлъ на волю и жить тебѣ гдѣ пожелаешь. И на это вотъ тебѣ абшидъ».

Съ пятилѣтнимъ узникомъ при этой вѣсти сдѣлалось дурно. Онъ на минуту потерялъ чувства; но стражи вспрыснули водицей, и дружески поддерживая, помогли выйти изъ воротъ.

Квартирмейстеръ же, отсчитавъ пятьдесятъ рублевиковъ, положилъ ихъ въ кошелекъ, отобранный на первомъ привалѣ гренадерами, везшими Коржавина изъ Москвы. Сидя на улицѣ на столбикѣ, бывшій узникъ жмурился отъ непривычнаго ему солнечнаго свѣта и вяло раздумывалъ о томъ, куда преклонить голову. Родина, родня, знакомые — все казалось ему чѣмъ-то далекимъ, невѣроятнымъ, какъ сонъ, какъ сказка. Богъ вѣсть, уцѣлѣло ли что изъ прошлой жизни да и гдѣ, въ какихъ мѣстахъ его искать... Не вѣрнѣе ли будетъ вершуться въ тюрьму? Въ тюрьму опять? Коржавинъ, невольно вздрогнувъ отъ этой мысли, сжалъ кулаки — сжалъ и почувствовалъ въ рукѣ скомканную бумагу, развернулъ ее... Читать онъ еще умѣлъ хорошо, письмъ

было четкое—онъ могъ безъ труда прочесть свое имя и разрѣшеніе получить за указные прогоны отъ ямской канцеляріи лошадей и подорожную. Тутъ, словно повязка спала съ глазъ его, въ головѣ просвѣтлѣло, Коржавина обуяла внезапная безсознательная радость—и онъ пустился даже бѣжать куда стоялъ лицомъ, прямо въ лѣвую сторону. На поворотѣ открылся обширный, деревянный гостиный дворъ и вправо блеснула адмиралтейская игла. Василій Никитичъ совсѣмъ понялъ гдѣ онъ и какъ и чтó—и съ увѣренностью пошелъ шагать по большой Прешпективной въ лѣвую сторону къ Ямской.

Знакомый постоялый дворъ призналъ онъ безъ труда — и тамъ съ жадностью поѣлъ давно невиданныхъ штей, говядины, каши, — не откладывая уже добылъ подорожную и до вечера еще выѣхалъ въ Москву. Въ Невской столицѣ вновь явился онъ въ день торжественія мира съ Пруссіей, но уже по своимъ коммерческимъ дѣламъ, которыя во время его заключенія, какъ легко можно себѣ представить, крѣпко запутались.

Хлопоты въ теченіи недѣли не дали ему дохнуть—не только подумать о посѣщеніи старыхъ знакомыхъ, считавшихъ его уже мертвымъ. Погруженному по горло въ занятія, Коржавину впрочемъ и въ голову еще не приходили условія общежитія, какова напимѣръ необходимость поддержки знакомствъ. Утромъ 28 іюня онъ рано отправился въ военную коллегію, но никого тамъ не нашелъ — и возвращаясь попалъ въ самый кипетъ народнаго движенія. Случай привелъ его къ группѣ, гдѣ стояли Щукины, а потомъ кинулъ его къ Демидову. Къ вечеру, выспавшись, Коржавинъ имѣлъ бесѣду съ хозяиномъ, и тотъ, исполняя обѣщаніе, рассказалъ ему о безплодныхъ попыткахъ облегчить его судьбу, дѣланныхъ при покойной императрицѣ даже такими вліятельными людьми, какъ Михаилъ Илларионовичъ Воронцовъ и Иванъ Александровичъ Головинъ.

— Иванъ-то Александрычу ты, братецъ мой, можеть обязанъ и освобожденіемъ, говорилъ Демидовъ, — слышали мы, кажись доподлинно, что Александра - то Иваныча Шувалова онъ не разъ о тебѣ прашивалъ, да тотъ все отпѣкивался; — ну а при Петрѣ-то Ѳедоровичѣ, извѣстно, можеть и струсилъ; — да и то сказать, чтожъ ему тебя — не на солонину же посолить, когда тайшую-то уничтожили, чтобъ и духу не было.

Коржавинъ, ничего не говоря, перекрестился.

Настало молчаніе. Думы, занявшія каждого изъ собесѣдниковъ, безъ сомнѣнія были различныя, какъ можно было заключить по выраженію лицъ. Рѣзкія черты Демидова какъ-то смягчились и округлились подъ впечатлѣніемъ блистательной будущности, тогда какъ его товарищемъ овладѣвало тоскливое чувство, отъ котораго онъ не въ силахъ былъ освободиться.

Хозяинъ это замѣтилъ, и желая развлечь его, или лучше сказать, затронуть его живую струну, родственное чувство къ брату и сестрѣ, — спросилъ: «а Марфута Никитичну давно видѣлъ?»

— Да какъ тебѣ сказать? — на волѣ не до того еще было — и не знаю гдѣ она. Жена говоритъ, будто переселилась къ вамъ поближе, въ вашу сиверную сторону; слышь, игуменьей стала у старовѣровъ, скитомъ заправляетъ...

— Что же я-то не слыхалъ ничего!? отвѣтилъ Демидовъ, — и гдѣ бы это было въ нашей-то сторонѣ? Близо не можеть быть — ярославскихъ недавно видѣлъ — ничего не знаютъ; въ новгородской сторонѣ и быть не можеть; со Пскова вѣсти есть.... да тамъ ея нѣтъ... пересчитывалъ онъ въ раздумѣ.

— Ужъ извѣстно не тамъ! вставъ и прохаживаясь неровными шагами, отвѣтилъ Коржавинъ, — коли не перепуталъ, такъ на Вытегрѣ гдѣ-то, въ лѣсахъ...

— Ужь вѣдомо не въ городѣ! Чтѣ старицамъ — какое спасеніе души въ суетѣ мірской!..

— Ну да вѣдь не то въ расчетѣ... Жилось бы! — гдѣ лучше, тамъ и слава Богу. Сестра моя, самъ знаешь, — штука! Не опростоволосится. Должно быть, золотое дно нашла, коли рѣшилась въ такую даль.

— Да развѣ она такая? съ улыбкой протянулъ Демидовъ.

— Ужь тамъ какъ знаешь смѣлкой, а задаромъ не пустится какъ зря. Вѣдь не худо было и на Вѣткѣ, а коли пустилась въ лѣса, такъ было бы за что!..

— Да просто надоѣло съ людьми жить — захотѣла въ чувствіе прійти...

— Держи карманъ, такая дѣвка! Пожалуй при людяхъ она тебѣ турусы подпуститъ, коли увидитъ простяновъ; пожалуй и канунъ прочтетъ нараспѣвъ, какъ кому требуется, коли бородачи или старухи какія съ тугой мошной, — нужно же разлакомить чѣмъ ни на есть... Ну, а коли поддадутся — это ужъ ихъ дѣло.

— Гмъ! какъ бы сеображая отозвался Демидовъ, — чтожь, скопидомкой сдѣлалась, али тамъ суета женская обладаетъ и роскошества любить? продолжалъ онъ тономъ допросчика.

— Всяко бываетъ, да она вѣдь не перестарокъ какой — всего тридцать съ хвостикомъ и изъ себя, самъ знаешь, не образина. Такъ бархату, атласу иль парчицѣ мѣсто найдетъ — приаидитъ куда слѣдуетъ; вѣдь только званіе что старица — а извѣстно въ кельѣ-то своей сердце не камень. Живой человекъ, можетъ и блажь взбредеть... Да и какъ не взбрести, братецъ ты мой, ѣсть пьеть хорошее, а какъ понаѣдутъ мѣховщики изъ Сибири, такъ и разливанное море!..

— Ой ли? осклабившись и прищелкнувъ пальцами, невытерпѣлъ Демидовъ: — э, братъ, да вѣдь и мы молоды бывали — смѣкаемъ... А я бы ее желалъ повидать...

— Зачѣмъ же дѣло стало! Меркулычъ, я думаю, знаетъ. Пошлютъ къ ней. Посули лишь: на общину молъ даю столько-то — сама къ тебѣ явится...

— Эхъ, ты, забулдыжная голова! о сестрѣ какъ отзывается!..

— Да мнѣ что! Правда дороже всего...

Въ это время вошедшій молодецъ почтительно доложилъ, что Иванъ Меркулычъ съ сожительницей прислали освѣдомиться, не здѣсь ли Василій Никитичъ Коржавинъ — и коли здѣсь, такъ къ себѣ прошають. Тутъ и человекъ ихній съ лошастью.

— Ну, а ты чтожь сказалъ? спросилъ Демидовъ голосомъ, въ которомъ слышалось обычное высокомеріе.

— Я вашей милости докладываю, а мы сами ничего не можемъ.

— Такъ чегожь ты? Развѣ не знаешь — самого человека подавай.

Молодецъ вышелъ, а вслѣдъ за нимъ у дверей показался, въ новой поддевкѣ, сытый кучеръ съ окладистой бородой, и сталъ молча отвѣщать поклоны въ поясъ богачу, какъ извѣстно любившему почеть.

— Зачѣмъ, бишь, тебя Меркулычъ-то прислалъ? ласково спросилъ его Демидовъ.

— За Коржавинымъ Васи́ліемъ Никитичемъ, отвѣтилъ тотъ, еще ниже кланаясь.

— А почему хозяинъ твой знаетъ, что у меня онъ?

— Да наши парни видали, какъ ваша милость изволила кататься съ имъ.

— Такъ я поѣду, отозвался Коржавинъ.

— Какъ хочешь... Да гдѣжь тебя искать-то будетъ?

— Гдѣ!? коли не у Щукиныхъ, такъ къ тебѣ ворочусь.

— Смотри же, молодецъ, поди-ка сюда! запустивъ руку въ карманъ широкихъ шароваровъ и гремя серебромъ, заботливо наказывалъ Демидовъ: — вотъ тебѣ

крестовикъ на гулянку, а коли доставишь друга опять ко мнѣ цѣла и невредима — еще столько же получишь...

— Не извольте сумнѣваться, еще разъ откланиваясь и пятясь къ дверямъ говорилъ награжденный кучеръ; а за нимъ, обнявшись по братски и чмокнувшись съ хозяиномъ на прощанье, послѣдовалъ и нашъ знакомецъ.

Демидовъ смотрѣлъ въ открытое окно, какъ усадили Коржавина въ извѣстный намъ фаэгонъ Щукиныхъ, и усердный кучеръ погналъ свою сытую лошаду въ лѣвую сторону.

Переѣздъ былъ недолго. Ѣхать впрочемъ приходилось тихо, потому что народъ на улицахъ кишма кишилъ, а на Аничковомъ мосту стоялъ патруль. Слѣдуя по Перспективой отъ оранжерей Аничковскихъ, лошадка своротила влѣво на пышную Садовую, гдѣ, за строеніемъ Разумовскаго, возвышалось новое зданіе, домъ канцлера Воронцова, несовсѣмъ впрочемъ оконченный. Между палатами пышнаго вельможи и Чернышевскимъ переулкомъ стоялъ пустырь, поросшій мхомъ и кустарникомъ. Завернувъ въ переулокъ, лицомъ къ пустырю, красовались небольшіе новенькіе еще хоромы въ одно жилье съ зелеными ставнями. Ворота, покрашенные красной краской, носили на себѣ еще свѣжіе слѣды яркаго малеванья въ современномъ вкусѣ, отличавшемся какъ извѣстно пестрымъ узоромъ раскрашиванья чистыми колерами, что было верхомъ роскоши. Каждая калѣвка обведена была особою краской, а все въ цѣломъ представляло довольно нарядный видъ. Открытыя окна завѣшены были кисейными занавѣсками; за ними въ полусвѣтѣ бѣлой іюньской ночи можно было замѣтить огни на столѣ въ главной горницѣ, изъ которой неслись звуки оживленнаго разговора.

Прибытія Коржавина кажется не замѣтили — и онъ, никѣмъ не опрошенный, какъ бы въ распахъ очутил-

ся посреди компаніи. Первая увидѣла его хозяйка, а на возгласъ ея: «Вотъ и Василій Никитичъ!» кто-то смѣвшій къ нему задомъ — быстро обернулся и бросился ему на шею.

Нѣсколько мгновений прошли въ этихъ нѣмыхъ изліяніяхъ чувства. Василій Никитичъ первый пришелъ въ себя — и какъ бы утомившись или просто подѣвляніемъ какого-то холода, опустилъ лежавшаго у него въ объятіяхъ на стулъ, проговоривъ: «Фу, чуть не задушилъ, прости Господи! насилу узналъ тебя!..

Это былъ младшій братъ, который дѣйствительно настолько перемѣнился за двѣнадцать лѣтъ, протекшихъ отъ ихъ послѣдняго свиданія, что положительно сталъ на себя не похожъ. Ему было съ небольшимъ тридцать лѣтъ, но не только высокій лобъ его былъ совершенно обнаженъ, а и на всей головѣ оставалось лишь нѣсколько жиденькихъ прядокъ за ушами вродѣ косичекъ. Исхудавшее морщинистое лицо его подернулось старческой мертвенностью. Глаза, совсѣмъ впалые, глядѣли нѣсколько принужденно, точно ихъ беспокоилъ огонь отъ свѣчей. Одѣтъ былъ Ерофей Никитичъ чрезвычайно бѣдно, хотя опрятно. Истертый французскій кафтанъ, давно потерявъ свой первоначальный цвѣтъ, теперь представлялъ даже знатоку въ матеріяхъ загадку — изъ чего онъ сшитъ. На исхудалой шеѣ мотались остатки кружевного шейнаго платка, сквозь прорванные узоры котораго виднѣлось изношенное бѣлье, которое впрочемъ нельзя было упрекнуть въ нечистотѣ. Ростомъ Ерофей былъ невысокъ, сложенъ вообще недурно, но такъ исхудалъ, что кафтанъ съ плечъ спускался въ безчисленныхъ складкахъ, какъ бы вздернутый на вѣшалку.

Этотъ оставъ человѣческій, предъ появленіемъ брата такъ растрогавшимъ его, повѣствовалъ пронзительнымъ надорваннымъ голосомъ что-то повидимому силь-

но его интересовавшее. Судя по усиленной быстротѣ раз-
 машистыхъ движеній, которыми рассказчикъ сопровож-
 далъ свою рѣчь, онъ уже вошелъ въ паеость, а объ-
 ятія и выказанная братомъ холодность до того его оше-
 ломили, что онъ уже болѣе не произносилъ ни слова,
 видимо недовольный и собою и едвали не всей компа-
 ніей. Онъ былъ страшно самолюбивъ. Начавъ учиться
 уже взрослымъ и пріобрѣтя по времени довольно об-
 ширныя знанія, онъ вообще былъ раздраженъ неудачами
 при устройствѣ блестящей карьеры, которая видимо
 ускользала отъ него. Не успѣвъ прицѣпиться къ коле-
 су фортуны за границую, онъ мечталъ, что любезные
 соотечественники, при первомъ появленіи его, должны
 пасть во прахъ предъ такой знаменитостью; но, благо-
 даря добротѣ Бехтѣева, пріѣхавъ съ этимъ диплома-
 томъ въ Петербургъ, еще разъ жестоко разочаровался.
 Ему, какъ оказывалось, не представилось даже возмож-
 ности получить мѣсто секретаря въ какой либо колле-
 гіи, когда случалось выписывали на такія должности ни-
 чѣмъ не заявившихъ себя иностранцевъ.

Отказъ слѣдовалъ за отказомъ. Болѣзненное само-
 любіе при каждомъ такомъ случаѣ естественно поро-
 жало въ Ерофеѣ новыя терзанія. Онъ едва не обезу-
 мѣлъ послѣ мѣсяца, проведеннаго въ бесплодномъ ис-
 каніи должности, рѣшившись даже снизойдти къ скром-
 нымъ кондиціямъ домашняго наставника, что въ бар-
 скихъ домахъ составляло среднее между дядькою и учи-
 телемъ. Ученость и знаніе языковъ давали ему надеж-
 ду быть принятымъ въ лучший домъ—тотчасъ же какъ
 только бы онъ заикнулся объ этомъ. Но опять не тутъ-
 то было—его довольно неучтиво выпроводили, когда
 онъ заявилъ, что не хочетъ чесать головы своимъ вос-
 питанникамъ, говоря, что это лакейское дѣло. А одна
 барыня даже обругала, назвавъ ученаго мужа неучтив-
 цемъ, за то что смѣлъ онъ съ ней спорить и ей пе-

речить въ такомъ дѣлѣ, которое безъ слова принимаютъ на себя французы — да еще какіе мастера фризуру модную строить, да и одѣты-то какъ — одинъ кафтанъ чего стоитъ, да и съ рекомендаціями отъ хорошихъ людей. Притопнувъ ногой, гнѣвная особа приказала впередъ ни подъ какимъ видомъ не пускать къ себѣ на глаза учителяшку, что вздумалъ такъ умничать. Идя отъ нея, онъ даже про себя смѣялся такому невѣжеству. «Не вѣдаютъ что творятъ — прости ихъ Господи — нѣсть пророка во отечествѣ» и успокоенный глаголомъ вѣчной истины, онъ даже нашелъ въ себѣ силы рассказать все добросердечнымъ хозяевамъ и гостямъ ихъ, къ немалой потѣхѣ присутствующихъ, въ звонкомъ смѣхѣ которыхъ онъ и не подозрѣвалъ, что рѣчи его ихъ забавляютъ. Приемъ же брата окочательно лишилъ его и той малой доли самоувѣренности, которая послѣ всѣхъ неудачъ въ немъ еще оставалась. Почему-то ему показалось особенно обидно заявленіе брата, что насилу узналъ его.

«Видно кровь тебѣ нисколько не говорить!» прошепталъ онъ, собравъ послѣднія силы, неслышными почти шипящими звуками: кровь душила его.

Онъ потихоньку отыскалъ свою шляпу, выбрался въ другую комнату, а потомъ и совсѣмъ изъ дому Щукиныхъ.

III.

Братья.

Июль зашелъ за половину. Василий Никитичъ Коржавинъ устроилъ уже дѣла свои — и, по мѣрѣ освобожденія отъ заботъ, чаще и чаще подумывая о братѣ, начиналъ тосковать, что его не видитъ. Мѣстожительства онъ не могъ узнать, потому-что, разобиженный холодною, Ерофей почти незамѣтно исчезъ изъ веселой компаніи Щукиныхъ. Въ первую минуту думали, что онъ ушелъ на другую половину дома или въ садикъ, но когда дѣло дошло до ужина, отсутствіе Ерофея всѣ замѣтили по пустому прибору.

Много было толковъ по этому случаю, но никто изъ присутствующихъ не заподозривалъ теплоты братскаго чувства въ Василии, а всѣ рѣшили, что исчезновеніе Ерофея было однимъ изъ проявленій его болѣзненнаго настроенія; хозяйка же говорила, что онъ и въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя нездоровымъ. Но куда онъ ушелъ? далеко ли?—эти вопросы оставались открытыми, такъ какъ никому не было извѣстно, гдѣ онъ пристроился.

Большинство думало, что онъ перебивается съ ночлега на ночлегъ въ копѣечныхъ пріютахъ гдѣ-нибудь по окраинамъ Петрова города. Одинъ острякъ даже по этому поводу высказалъ мысль, что для людей за-

мятыхъ небомъ какъ Ерофей Никитичъ — самый лучший способъ витанія на землѣ — птичій; носится себѣ изъ края въ край — здѣсь посидѣлъ, прикурнулъ, тамъ встряхнулся, водицы испилъ — и опять на ходу. Такая издѣвка надъ безпріютностью брата тронула Василья за живое — и взглядъ его на пустослова, будучи подмѣченъ, каждому далъ бы почувствовать какую тяжелую рану тупымъ орудіемъ нанесъ вѣтранный острякъ въ сердце этому суровому человѣку, какимъ представлялся по наружности богатырь Коржавинъ. Тутъ же за ужиномъ слышались медоточивыя соболѣзнованія двухъ-трехъ добряковъ, по словамъ ихъ, страдающихъ за меньшую братію. Подъ грубой оболочкой старшаго Коржавина обитала напротивъ искренность, у которой не хватало ни красокъ для описанія, ни блеска въ изложеніи тамъ, гдѣ онъ предавался порыву естественнаго чувства — а порывъ этотъ былъ чистъ и святъ, какъ все что выходитъ изъ сердца не по наитію какихъ-либо побужденій и расчетовъ для достиженія своей корыстной цѣли.

Мысль, что братъ страдаетъ, а онъ не въ состояніи уничтожить этихъ страданій, потому что самъ находится чуть не въ крайности, щемила Василю сердце — и не разъ въ послѣдствіи онъ пускался на поиски брата, но поиски эти оказывались бесплодными. Куда направиться и гдѣ искать — этотъ вопросъ сильно мучилъ Василья; у всѣхъ знакомыхъ онъ перебывалъ, выспрашивалъ окольными дорогами, подозрѣвая даже возможность умышленнаго сокрытія настоящаго мѣстожительства брата. Зналъ онъ, что Ерофей гнѣвенъ былъ въ послѣдній вечеръ, только онъ никакъ не отгадывалъ, да и не могъ вообразить себѣ истинную причину его гнѣва. Не подвернись счастливый случай — Василій могъ бы находиться цѣлые мѣсяцы въ такомъ тяжеломъ положеніи, не имѣя силъ оставить Невскую столицу не

узнавъ ничего о братѣ, хотя дѣла въ Москвѣ требовали его скорѣйшаго прибытія.

Было послѣ вечерень. Василій Никитичъ Коржавинъ сталъ переходить отъ Канцлерскаго дома (нынѣшняго Сената) къ мосткамъ деревянной Невской набережной, направляясь къ Исакиевскому мосту, когда отъ поповскихъ домовъ увидѣлъ всходящаго на мостъ брата Ерофея, погруженнаго въ свою обычную мечтательность.

Пуститься бѣгомъ за нимъ вслѣдъ, несмотря ни на лошадей, ни на пѣшеходовъ, догнать и схватить за руку — было дѣломъ двухъ-трехъ мгновеній.

— Наконецъ-то я тебя нашелъ!.. едва выговорилъ онъ, запыхавшись.

При звукахъ знакомаго голоса, мечтатель поднимаетъ глаза и какъ бы не довѣряетъ себѣ, что видитъ брата.

— Что тебѣ отъ меня надобно? спросилъ онъ словно у посторонняго.

— Куда идешь? переспросилъ Василій.

— Къ себѣ.

— Куда къ себѣ?

— Ну, къ намъ, если хочешь. Извѣстно, на-островъ, гдѣ я живу.

— Да у кого живешь-то?

— Такъ, кой у кого; тутъ недалеко.

И онъ хотѣлъ уже прибавить шагу, чтобъ уйти отъ брата.

— Чтожь ты? постой! куда бѣжишь?

— Оставь пожалуйста, я только-что сталъ немного приходить въ себя отъ той закуски, которой ты меня, не видавшись столько лѣтъ, попотчивалъ...

И съ тяжелымъ вздохомъ, махнувъ рукой, Ерофей пошелъ быстрыми шагами. Василій за нимъ.

— Да ты, Ерофей; никакъ совсѣмъ съ ума сшелъ? куда бѣжишь, сумасшедшій?

— Радъ бы сойдти, только бы сердце не страдало, какимъ-то дѣлanno-внушительнымъ и вмѣстѣ равнодушнымъ голосомъ отвѣчалъ Ерофей.

— Съ чего страдать-то? что ты сердишься, что ли?

— Мнѣ сердиться? — за это, братецъ мой, не сердятся. Приходится терпѣть, а сердиться что же!.. тѣмъ же тономъ повторилъ Ерофей.

— Да говори пожалуйста по человѣчески. Тебя кто обидѣлъ, чтоль?

— Сердцу нанесена обида, а не мнѣ.

— Кѣмъ?

— Отъ кого бѣгу я.

— Да ты бѣжишь отъ меня.

— Ну должно быть тобой.

— Ты, я вижу, въ какія-то загадки играешь — ребячешься — это ужъ наконецъ тягостно.

— Я знаю, что я тебѣ давно въ тягость, много твоихъ денегъ перетратилъ...

— Экъ тебя куда метнуло! Да развѣ я про то говорю?..

— Ты-то не говоришь, да я знаю, что я тебѣ много задолжалъ; чтожь дѣлать — потерпи!

— Опять ты свое занесъ — какой тебѣ тамъ долгъ мститса?

— Извѣстно какой. Коштъ твой, что ты истратилъ на мое образованіе въ землѣ нѣмецкой.

Такъ перокоряясь и то останавливаясь, то бѣгая другъ отъ друга, братья, идя по набережной Невы, очутились на углу 3-й линіи. Ерофей остановился. Василий тоже.

— Я тебя не понимаю, сказалъ онъ, — коли гнѣвенъ, такъ и скажи — разойдемся.

— Нѣтъ, ужъ тутъ я тебя не отпущу, мы пришли; здѣсь наша лачуга; проходи, коли подлинно не шутишь, что мы съ тобой по старому...

Василій, желая уничтожить въ немъ предубѣжденіе, не прекословилъ, а напротивъ вошелъ охотно въ пріютъ, предложенный Ерофею Коржавину, до того малознакомымъ имъ обоимъ, бывшимъ купеческимъ сыномъ, теперь придворнымъ артистомъ, славой о которомъ полна была столица и знакомствомъ съ которымъ дорожили люди высокопоставленные.

Глядя на высокіе хоромы, застроенные бывшимъ государственнымъ канцлеромъ Головкинымъ (сыномъ, конечно, нашедшимъ грустный конецъ своей коловратной жизни въ ледяныхъ пустыняхъ сѣвера), — Василій Коржавинъ ломалъ себѣ голову, надъ вопросомъ: какъ же пристроился здѣсь его братъ. А дѣло было такъ просто, что не стоило и трудиться.

Въ одинъ изъ первыхъ дней новаго царствованія, вечеромъ, въ ту пору когда спектакль кончился и посѣтители зрѣлища почти всѣ разошлись, — сторожъ сталъ гнать какую-то личность, прислонившуюся къ стѣнѣ подъ навѣсомъ у входа въ бревенчатый театръ итальянца Локателли, гдѣ на этотъ разъ было русское представленіе труппы Волкова и онъ самъ выполнялъ свою лучшую роль — Владисана.

— Поди ты, ради Господа Бога, проваливай, говорятъ тебѣ толкомъ! ворчалъ сторожъ, нѣкогда старый служивый.

— Оставь ты меня... и безъ того тошнехонько! жаловалась подозрительная личность, — говорю, оставь!.. дай вотъ тутъ постою...

— Да чего стоять, ступай, братецъ! ступай и больше ничего къ себѣ!.. взявъ уже за руку и оттягивая упиравшагося неизвѣстнаго человѣка, говорилъ сторожъ.

— А куда я пойду? отчаянно простоналъ тотъ, — оставь!

— Да домой, говорятъ же тебѣ.

Въ это время на заднемъ крылечкѣ показался изящ-

но сложенный молодой человекъ въ плащѣ и широкополой шляпѣ. Весело напѣвая, онъ сбѣжалъ по ступенькамъ, жадно вдохнулъ теплынь лѣтней ночи, точно вырвавшись изъ какой-то духоты, снялъ шляпу и помахалъ ею себѣ въ лицо — поравнялся со спорившими и хотѣлъ пройти мимо, какъ вдругъ до него долетѣли слѣдующія слова:

— Некуда мнѣ домой, нѣтъ у меня дома... Вѣдь я тебѣ не мѣшаю тутъ...

— У кого это дома нѣтъ? У тебя, дружокъ? спросилъ онъ, остановясь.

— Да, у меня! съ бѣшенствомъ отчаянія отвѣтилъ Ерофей Коржавинъ:—это, кажется, не порокъ—сколько можетъ голышей есть въ городѣ! не я первый, не я послѣдній.

— То-есть какъ? — негдѣ и переночевать? продолжалъ тотъ, подходя ближе, причеъ сторожъ, разглядѣвъ его привлекательное, чисто-русское лицо, обложенное короткими, рассыпчатыми кудрями, почтительно поклонился.

— Негдѣ и переночевать! ѣдко передразнилъ Ерофей.

— А у меня есть гдѣ... Коли хотите, пойдемте ко мнѣ. Я — Волковъ, актеръ... У меня не Богъ знаетъ какія палаты, да все лучше чѣмъ на улицѣ — авось вы не осудите... Въ этомъ предложеніи было столько искренности, теплоты чувства, дружескаго участія; большіе черные глаза Волкова сіяли такою кротостью и вмѣстѣ благородствомъ, когда онъ за словомъ протянулъ руку Коржавину, что Ерофей тутъ же раскаялся въ невольной вспышкѣ и раскланявшись съ ловкостью француза, безотчетно послѣдовалъ за новымъ знакомцемъ.

Вотъ они сравнялись, заговорили, взялись подъ руку и пошли. Черезъ полчаса Волковъ узналъ всѣ несчастія и неудачи Ерофея, и дружески пожимая ему руку, предложилъ «не разставаться вѣкъ».

Художникъ по призванію, Федоръ Григорьевичъ Волковъ, независимо другихъ его качествъ, сдѣлавшихъ неожиданную потерю его предметомъ сожалѣній его друзей и всѣхъ его знавшихъ, отличался какъ извѣстно добротою и безпритязательностью. Кто только имѣлъ случай сдѣлаться ему извѣстнымъ, тотъ могъ располагать его жилищемъ и его кошелькомъ совершенно какъ своимъ—даже не дѣлая различія и въ самомъ носильномъ платьѣ, пока это не надоѣдало слугѣ, безъ чиновъ отнимавшему барскій кафтанъ или иную часть костюма у беззащитнаго постояльца. О нашемъ Ерофѣѣ конечно нельзя было сдѣлать такого заключенія. Онъ былъ, какъ говорила прислуга Волкова, бѣденъ да честенъ — и своему новому знакомцу-хозяину не былъ нисколько въ тягость по своей образцовой истинно-французской деликатности. Онъ былъ всѣмъ доволенъ — и съ того самаго дня, какъ гостепріимный хозяинъ привелъ его отъ театра Локателли, всѣ настолько сжились съ нимъ, что безъ него самая обстановка была неполна. Самъ хозяинъ и братъ его Григорій привязались всею душою къ новому знакомцу.

Ерофей привелъ старшаго брата въ небольшую гостиную Волкова, еще издали пріятно поразившую слухъ Василя Никитича сочетаніемъ оживленныхъ голосовъ съ веселымъ смѣхомъ.

Это была очень небольшая комната съ чисто-выструганнымъ поломъ, со стѣнами обитыми холстомъ такъ же какъ и потолокъ; по загрунтованному холсту, замѣнявшему нынѣшнія обои, межъ узорнымъ орнаментомъ прямо написаны были пейзажи въ рамкахъ, созданныхъ какъ и все прочее привычною кистью комнатныхъ мастеровъ канцеляріи строеній. Мѣстами эти художники умѣли гдѣ слѣдовало прикрыть и золотомъ, такъ что, на разстояніи, рамки производили надлежащій эффектъ. Мебели, обитой красной бараканомъ въ этой комнатѣ

наставлено пропасть, даже было тѣсно. У печки стояли клавикорды, съ живописью и вставками слоновой кости съ чернымъ деревомъ, и по тому времени, превосходнаго тона. Надъ ними висѣли три скрипки и очень старыя — одна Амати. Въ уголкѣ у оконъ между листьями плюща выглядывалъ бронзовый бюстъ Буало Депрео, а въ другомъ углу гипсовый Мольера.

Хозяинъ съ братомъ Григорьемъ и его женою да человекъ пять гостей, сидя вразсыпную у диваннаго стола, вели самую безпритязательную бесѣду. Василій Никитичъ сразу хорошо себя почувствовалъ, глядя на пріятельныя лица и глаза устремленные къ нему на встрѣчу. Самъ онъ былъ одѣтъ на этотъ разъ хоть куда: плюсовое полукафтанье не казалось много-ношеннымъ, сапоги скрипѣли безукоризненно, не издавая обычнаго у тогдашнихъ купцовъ запаха дегтя. Не видно было при немъ и прежней шапочки, рѣзавшей глаза. Онъ держалъ въ рукахъ любимый большинствомъ людей положительныхъ неуклюжій картузъ съ околышемъ. Одно обличало въ немъ особу не высшаго круга — это отсутствіе парика — и еслибы не эта маленькая особенность, Василю Никитича можно было бы выдавать за какого угодно иностраннаго негоціанта. Это не укрылось при первомъ взглядѣ отъ тонкой наблюдательности жены Григорья Григорьевича Волкова, въ то время когда Ерофей знакомилъ Василю съ своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ.

— Благодарствую за носѣщеніе, садитесь, говорилъ Волковъ, — заранѣе вѣрю, что вы человекъ хорошій, когда называетесь братцемъ Ерофея Никитича. Мы сами — мужики простые: рады и иноземцамъ — тѣмъ паче своимъ роднымъ

Такой пріемъ естественно помогъ Василю принять участіе въ бесѣдѣ по душѣ, тѣмъ болѣе что рѣчь велась о предметахъ ему знакомыхъ. Недавно прибывшій

изъ-за границы курьеръ иностранной коллегіи описывалъ житіе въ Кенигсбергѣ, плаванье моремъ до Англіи, особенности Лондона поразившія русскую примѣчательность, очеркъ житія-бытія парижскаго, норовъ Голландцевъ, скучные разѣзды по нѣмецкой сторонѣ — и братья Коржавины, перебивавшіе чуть не по всѣхъ этихъ мѣстахъ, какъ нельзя болѣе способны были держать реплику. Трудно было узнать Ерофея, увлеченнаго разговоромъ, — казалось онъ, вступивъ въ этотъ кружокъ, сталъ совсѣмъ другой человекъ. Глаза его загорались необычнымъ огнемъ, мѣткія замѣчанія, порой остроты такъ и сыпались у него. Самому Василю, сперва помалчивавшему, въ этой бесѣдѣ чувствовалось такъ отрадно, что онъ готовъ бы слушать и сидѣть, говорить и глядѣть на всѣхъ цѣлые часы, дни, не замѣчая полета времени.

Мало-по-малу, въ уютную гостиную набралось обычныхъ посѣтителей съ десятокъ и больше — и всѣ входили тихонько, присаживались къ боку сосѣда, погружаясь въ слухъ, завлеченные интересомъ разсказа двухъ бывалыхъ въ Европѣ Коржавиныхъ.

Еслибы Василій, на минуту отвлекшись отъ нити разговора, съ своей обычной проницательностью оглядѣлся кругомъ, ему представился бы любопытный подборъ личностей весьма даровитыхъ, и впоследствии украсившихъ своею славою царствованіе молодой монархини, теперь начатое.

На диванѣ, положивъ руку на высокую спинку стула хозяина, и кутаясь въ клѣтчатою шали, сидѣла жена Нарыкова, года за три боярышня, дочь воеводы изъ Ярославля, а теперь такая же лицедѣйка какъ и мужъ, еще не пожалованный Императрицею — по сходству съ польскимъ графомъ — въ Дмитревскіе. По ту сторону стола, танцовка Аксинья Ивановна играла въ свои козыри съ повѣсой Тузовымъ.

Два-три еще неопредѣлившіеся амплуа о чемъ-то шушукали, сидя на окошкѣ. Умное лицо Шумскаго казалось проникнуто было серіознымъ вниманіемъ къ разсказамъ о бытѣ нашихъ образованныхъ сосѣдей, гдѣ уже на актера не указываютъ пальцами, какъ чернь въ Петровомъ городѣ, и гдѣ актрисы, впрочемъ пѣвицы скорѣе, бываютъ даже въ высшемъ обществѣ.

— То-есть какъ высшемъ? перебилъ господинъ курьеръ иностранной коллегіи, говоря съ убѣжденіемъ и судя по опыту а не по слухамъ, — въ Парижѣ на примѣръ, извѣстно, въ высшемъ обществѣ, коли аббатовъ да маркизиковъ считать будешь — да вѣдь это кутилы. По моему мнѣнію вѣтреные французы не дошли еще до истиннаго уваженія къ артисту... Въ Англіи оно конечно — тамъ людей цѣнятъ по достоинству.

— Да и у насъ то же будетъ, погодите немного!.. не желая давать развитіе щекотливому вопросу, добродушно помиривъ различіе взглядовъ сапожничьяго хозяина, — станутъ больше писать для театра люди порядочные — и русскій народъ полюбитъ театръ; а нашъ братъ конечно готовъ себя превзойти—давайте только пьесу хорошую...

— А развѣ у васъ Александръ Петровичъ не въ хорошіе ужъ попалъ? вмѣшался въ разговоръ скромно сидѣвшій въ уголкѣ человекъ среднихъ лѣтъ, какъ видно слѣпой почитатель Сумарокова — и несмотря на природную кротость, ярый врагъ его порицателей; это былъ Федоръ Степанычъ Рокотовъ, по профессіи портретный живописецъ, бывавшій при дворѣ и считавшій себя за знатока приличій высшаго свѣта. Замѣчательно, что этотъ самый Рокотовъ, бывая часто у Ломоносова, къ великому лирику, по странному противорѣчію характера, не проявлялъ особеннаго сочувствія, хотя былъ убѣжденъ въ его высокомъ умѣ и глубокой учености. Это можно

объяснить тѣмъ, что Ломоносовъ велъ себя очень просто и естественно, не становясь на ходули, не крича о своемъ гениіи и не скрывая своихъ слабостей.

Съ Рокотовымъ никто не хотѣлъ вступать въ споръ, зная, что малѣйшее неосторожное слово можетъ взорвать эту добрую душу.

Дмитревская впрочемъ любила выводить изъ терпѣнія гнѣвнаго художника. Разъ подмѣтивъ слабость во впечатлительномъ живописцѣ, отъ природы одаренная живымъ остроуміемъ и большая охотница посмѣяться, она никогда не упускала случая поставить отца русской драматургіи въ комическое положеніе — не пропустила и теперь.

— А слыхалъ ли ты, Ѳеодоръ Степанычъ, очень сдержанно и серіозно спросила она нашего артиста, — что твой Александръ Петровичъ недавно потерпѣлъ сильный афронтъ? Онъ всѣмъ уши прожужжалъ, что Вольтеръ ему пріятель, а тотъ возьми да и напечатай, что Александра Сумарокова и въ глаза не знаетъ и велитъ схватить какъ самозванца, если только онъ станетъ еще разъ нахально хвалиться своими сношеніями съ онымъ великимъ философомъ!

— Плюньте, сударыня, тому въ рожу, кто вамъ оную пасквилю осмѣлился изрыгнуть! загремѣло въ дверяхъ, такъ что стекла зазвенѣли — и вслѣдъ затѣмъ какая-то растрепаная фигура въ развѣвающейся хламидѣ, нѣкогда голубой, подскочила къ гостямъ ихватила по столу кулакомъ, — никогда сего быть не могло — ты подай мнѣ его сюда моего обидчика... такой человѣчишко не стоитъ облѣзлаго поросенка!.. Самъ богатырь Коржавинъ нѣсколько привсталъ даже, при этомъ неожиданномъ выходѣ; ему показалось, что передъ глазами его началось какое-то представленіе, только никакъ ужъ не прологъ. Всѣ же прочіе просто повскакали съ мѣстъ; одна половина присутствующихъ впрочемъ хохотала,

какъ видно приученная къ такимъ выходкамъ со стороны пришедшаго.

Побагровѣвшее лицо его проявляло на этотъ разъ сильнѣйшее возбужденіе.

Жрица Мельпомены, первая причина этой вспышки, напротивъ не измѣняя ни тона голоса, ни спокойной осанки, холодно отрѣзала: «а если это не обидчикъ, а обидчица — тогда что?»

— И ее подавай! не отступая и передъ этимъ препятствіемъ, рыкнулъ тотъ, задыхаясь отъ бѣшенства и протягивая передъ собой костлявыя руки, какъ бы желая задушить въ нихъ неоказавшійся на лицо предметъ его негодованія.

— А если это не живое существо, а газета, аугсбургская вѣдомость? думая поправиться перебила Дмитревская.

— Давай мнѣ этотъ поганый листокъ! Я знаю что съ нимъ сдѣлать, — да скажи ты мнѣ, кто его принесъ!

— Ни листка не дамъ и ничего не скажу, съ прежнимъ хладнокровіемъ отвѣчала артистка, даже къ вящему усиленію гнѣва особы засмѣявшись.

— Какъ ты смѣешь! захлебывался уже не владея собою драматургъ, — въ респектъ передъ директоромъ твоимъ, коли забылась! Я научу тебя почтительному обращенію. Будешь ты у меня знать, какъ издѣваться надъ почтенными людьми!

И онъ рвался ударить тростью шутницу, на этотъ разъ зашедшую гораздо дальше чѣмъ она сама думала. Всѣмъ стало тягостно и неловко. Встревоженный хозяинъ бросился въ объятія гнѣвнаго поэта, стараясь заглушить ожидаемый потокъ крѣпкихъ словъ, на которыя бывалъ щедръ, приходя въ запальчивость, легко раздражавшійся директоръ. «Ваше высокородіе, Александро Петровичъ, кричалъ Волковъ своимъ густымъ

баритономъ:—помилуй, умиლოსердись, переложи гнѣвъ на милость...

Артистку между тѣмъ куда-то спрятали—и только съ величайшимъ трудомъ, усадивъ въ почетныя кресла и поднеся на серебряномъ подносиѣ стопу прохладительнаго, могли усмирить клокотавшій въ груди поэта, праведный гнѣвъ на забывшуюся «шваль», какъ повторялъ онъ постепенно-утихавшимъ голосомъ, съ начинавшимся уже обычнымъ глухимъ хрипѣніемъ.

— Да это что за божокъ такой непутный? у кого-то едва слышно спросилъ Василий Коржавинъ, все еще не придя въ себя отъ неожиданности.

— Сумароковъ, послышался отвѣтъ тонкой фистулой, настолько прорѣзавшей неугомонившійся еще воздухъ, что поэтъ услышалъ свое имя, обернулся—и поймавъ устремленный на него взглядъ Коржавина, яростно крикнулъ:

— Ну да, Сумароковъ! Что кому до меня?... Я самый и есть Александро Сумароковъ, добавилъ онъ, стуча себѣ въ грудь кулакомъ,—что филиномъ-то глаза палишь?

— Такъ вотъ это гусь какой! пробурчалъ Коржавинъ казалось вполголоса, но и это не укрылось отъ остраго слуха все еще неуспокоившагося писателя.

— Это кто такой у тебя? обратился онъ къ Волкову, — ты научи этого невѣжу соображать, что онъ говорить—я ему вовсе не гусь, а російскій дворянинъ и бригадиръ...

— А я тебѣ развѣ филинъ достался? вставъ, выпрямился въ весь свой ростъ Коржавинъ — и какъ видно произвелъ до того сильное впечатлѣніе на поэта, что тотъ, мгновенно сообразивъ невыгуду начинать распрю съ такимъ силачемъ, поспѣшилъ обратить въ шутку сказанное, и засмѣявшись нѣсколько принужденно, примолвилъ: «люблю молодца за находчивость — это по нашему».

Волковъ радъ былъ такому обороту и велѣлъ подать вина.

Съ подносомъ, на которомъ красовались высокія кубовастыя рюмки, подошла къ успокоившемуся директору сама виновница всей этой кутерьмы—и заливаясь звонкимъ смѣхомъ, проговорила вродѣ заученой тирады, ловко сдѣлавъ реверансъ, какъ бы опускаясь на колѣни передъ поэтомъ громовержцемъ:—«великій, не погнущайся принять достоюльную дань уваженія отъ послѣдней рабы».

— Только смотри у меня! величественно протягивая руку за рюмкой и жестпкублируя другой рукой, напыщенно произнесъ драматургъ.—не шутить такъ—въ послѣдній разъ спускаю! А затѣмъ, согнувъ указательный перстъ и заводя его въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Коржавинъ, отнесся къ нему въ поощрительномъ тонѣ: «ну бери и ты—выпьемъ! Я люблю находчивыхъ людей».

— Мнѣ что, на всякій чохъ не наздравствуешься! отвѣтилъ тотъ, и неглядя на Сумарокова, выпилъ рюмку.

Сумароковъ проглотилъ пилюлю, но не смѣлъ показать, что онъ понимаетъ эти слова, выразившія антипатію, если только не холодное презрѣніе къ особѣ пользовавшейся такою громкою извѣстностью у любезныхъ соотчичей. Затѣмъ уже на эту комету сдержанный Коржавинъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія—и вскорѣ затѣмъ, мигнувъ Ерофею, вышелъ съ нимъ, не многими замѣченный изъ подъ гостеприимнаго крова артиста, гдѣ не задолго передъ этимъ съ такимъ наслажденіемъ уивался сладостью дружеской бесѣды.

— Вотъ нелегкая-то принесла! Не дай Богъ еще разъ гдѣ-нибудь встрѣтятся—тогда уже не стерплю, вырвалось у него.—А дрянной, я тебѣ скажу, человѣчишко! Видно, что хвастунъ и трусишка! Небось, прикусилъ бы языкъ, какъ бы усудобили посидѣть гдѣ мнѣ

пришлось на размышленіи, хоть бы мѣсяць какой — научился бы тогда полагать храненіе устамъ своимъ!

— Гм! проворчалъ про себя Ерофей: — ты такъ думаешь? Нѣтъ, братъ, ты этого человѣка не разумѣешь...

Онъ схватилъ брата за руку, и глаза его засверкали тѣмъ огнемъ, который поразилъ Василя Коржавина во время бесѣды у Волкова.

— Возьми ты одно только, что увеселять народъ православный велятъ, а грошей попадаетъ не беремъ какое. Посмотрѣть посмотрять, да не очень-то раскошеляются. А онъ и піэсу поставь, напиши ее, и смотри чтобъ ее разучили. Только-что наладить, назначить представленіе, анъ глядишь актеръ подрался аль на-дебоширилъ, и его надо выручать, а тутъ прижимають... Кому сгоряча согрубилъ, тотъ тебѣ врагъ на всю жизнь и язвить изподтишка... А свои-то помѣстышка не Богъ знаетъ какія, да и тѣ давно заложены да перезаложены — и росты впору выплачивать... А кабы не то, онъ бы душа человѣкъ — простой препростой — зато и любимъ его... Да и не трусь онъ: такъ, братецъ, всякаго отпечатаешь, кого слѣдуетъ, что хватайся за бока да почесывайся; что твой Кантеміръ — вѣдь ты читалъ?

— Ну, да это ихъ дѣла, отвѣтилъ Василій, — пускай путаются какъ хотятъ, а ты-то въ этой компаніи можешь и лишній. Поѣдемъ лучше домой. Приходи завтра къ Меркулычу, да и съ Богомъ.

Братья разстались, обнявшись.

IV.

Пустынька.

Въ лѣтнюю пору, неоглядная глушь лѣсовъ олонечкихъ можетъ возбудить восторгъ самаго равнодушнаго зрителя. Широко, по всему кругозорухватило зеленое море лиственницы и елей; тамъ и сямъ пролегаютъ поросшія тростникомъ болота и лужайки травы чуть не въ ростъ человѣка, да неподвижныя воды громадныхъ озеръ съ пустынными островками. Сѣрый, угрюмый гранить горныхъ кряжей; извилистыя, быстробѣгущія рѣки съ утесистыми берегами, отмели, множество пороговъ, пѣнистыя стремнины, мѣстами водопады; скалы, покрытыя мохомъ и лѣсомъ; мертвая тишь кругомъ и блистательная лазурь холоднаго неба, — все это могущественно дѣйствуетъ на душу; въ особенности наклонную къ созерцанію.

Съ незапамятныхъ временъ, такія картинныя мѣста, сильно поражающія воображеніе съ перваго взгляда, избирались пустынножителями для поселенія. И не только старинныя пустынники одарены были такимъ ясновидѣніемъ при выборѣ мѣстъ, но и въ описываемую пору окрестность Каменозерской киновіи, какъ ее величали старовѣры, или Марейной пустыни, извѣстной тутошнымъ олончанамъ, славилась живописными видами.

Въ лощинѣ, межъ двухъ чуть не отвѣсныхъ краей, залегло продольное свѣтлое озерко, по ту сторону кончающееся далекимъ плесомъ; за нимъ неширокой полосой идутъ луга и сѣнокосы на необозримое пространство вдаль — и этотъ оазисъ съ обоихъ боковъ какъ бы врѣзанъ въ рамку вѣковаго дремучаго лѣса. Отъ самаго плеса тянется поемный лугъ, на которомъ начался сѣнокосъ. Вечернее солнышко косыми лучами отбрасываетъ длинныя тѣни ольховыхъ кустарниковъ, ослѣпительно сверкая по лезвіямъ кость. Тамъ и сямъ сгребають накошенную траву не то крестьянки, не то горожанки въ какомъ-то хмуромъ одѣяніи. Холстъ ихъ долгорукавокъ не дерюга, только странно, что цвѣта-то онѣ не бѣлаго, а словно сѣраго. Да и на головахъ цвѣтнаго платочка не увидишь, всѣ косынки и повязки темныя: Это черницы. Марейна пустынь десятковъ пять-шесть ихъ прокармливаетъ — и все одна другой краше. Завелась эта община не такъ давно — усердіемъ какихъ-то гостей богатыхъ. Нераскольники поговаривали, что такая мнимая пустынька для купеческихъ ночлеговъ здѣсь въ глуши заведена. Самое ближнее жилье верстѣ сорокъ, а весной да осенью въ водополь и совсѣмъ проѣзду нѣтъ стороной. Поневолѣ завернешь въ пустыньку, гдѣ для своихъ старовѣровъ готово всякое удовольствіе, а православнымъ и воротъ не отворять, хоть кричи раскричись — ужь знаютъ.

Снаружи эта прозываемая киновія бревенчатыми стѣнами обнесена — и стѣны высоты порядочной, а ворота здоровые. Ходила молва, будто стѣны въ два ряда рублены и середина землей забросана. Снаружи пустынька эта точь въ точь, какъ старые остроги. Коли взять бы ее кто задумалъ, пришлось бы осаду вести правильную; да и пересѣчь сообщенія трудно, потому что съ одной стороны она плотно прислонилась къ дремучему лѣсу. На густомъ зеленомъ фонѣ его, изъ за высокихъ стѣнъ

торчитъ верхъ колокольницы да одноглавая *молельня*. Урядъ заведенъ здѣсь монастырскій, и какой-то *бѣлый* попъ состоитъ отцомъ и учителемъ у этихъ *неапстхъ христовыхъ*, какъ называютъ ихъ раскольники; а начальствуетъ мать Марѳа премудрая—книжная, богомольная, смиренная, благодати исполнена, по медоточивымъ рассказамъ мѣстныхъ книжниковъ съ выбритыми гуменцами. И урядлива и приглядна, и на все урокъ дать; «да и о дѣлахъ съ ей—хоша и съ бабой—а толковать препользительно», отзываются купцы, пользовавшіеся гостепріимствомъ киновіи, и оставлявшіе въ каждый проѣздъ на Марѳино разумное строительство малую толику серебреца чистаго и отъ мѣховъ лисьихъ и куньихъ сороковъ нѣсколько. Благодаря щедрымъ снабженіямъ добрыхъ дателей, новосозданная обителька, для кого слѣдуетъ гостепріимная, не нуждалась въ средствахъ существованія. Очи завистливыя да злыя языки невоздержныя, на чужое добро привыкшіе невѣсть какъ зариться и въ чужой карманъ расчитывать, въ вѣркихъ кладовыхъ премудрой матери Марѳы представляли серебро мѣшками, а всякаго жита на лѣта многа,—но не доводя до такихъ можетъ-быть и черезъ чуръ хватавшихъ размѣровъ, безъ малѣйшаго нарушенія строгой правды можно было поручиться, что хозяйство Каменозерское велось блистательно и приумножалось примѣтно глазу, растя не по днямъ, а по часамъ, если принять во вниманіе недавность существованія здѣсь общины. Никакъ всего пятая зима миновала съ заведенія въ здѣшнихъ палестинахъ пустынножительства гостепріимныхъ сестрицъ, а обитель ихъ, вся еще новенькая какъ съ иголочки, была словно полная чаша. Какія бы выгоды мѣстныя ни представляло тонко угаданное перепутье, но устроить въ короткое время все съ такимъ порядкомъ, чинностью, подобрать такіе прекрасные волосы у крылошанокъ, благообразныхъ на под-

боръ, одѣть ихъ, упитать, завести всему свое мѣсто и время, такъ чтобы всѣ поспѣвавшіе могли только ахать да благословлять щедрое небо,—все это было дѣломъ очень тонкаго изворотливаго и предприимчиваго ума. Есть русская пословица: спрашивай не у стараго, а у бывагаго—и это изрѣченіе могло быть примѣнено во всей силѣ къ матери Марѣ, сѣдинами не убѣленной и даже нетолько не утратившей дѣвичье благообразіе, но еще умѣвшей возвышать его сановитостью, поступью, обращеніемъ и голосомъ. На любаго, самаго предубѣжденнаго противъ нея, Марѣа производила съ перваго взгляда впечатлѣніе, положительно выгодное. Келейницы называли ее подъ секретомъ боярыней, возлюбившей житіе пустынное, отрекшися отъ соблазновъ и тревоженій суетнаго міра. Такъ важна она была и такое величіе умѣла сообщить своему вполне-милому личику. Умѣла сдвигать бровки—и маніемъ бѣлой руки побуждать къ безусловному исполненію самыхъ непокорныхъ, никогда не возвышая своего серебрянаго голоса, даже не отдавая прямаго рѣзкаго приказанія. Дружескія слова: «изволь, любовь твоя или сердце мое, сдѣлать такъ и такъ» исключали всякую возможность уклониться и требовали немедленнаго повиновенія. Незнакомаго человѣка мать Марѣа всегда бывало окинетъ однимъ взглядомъ—и если удастся ей заглянуть прямо въ лицо и въ очи осматриваемаго—она уже понимала: кто это и какъ съ нимъ дѣлаться. Начинаясь бесѣда и ведена была съ неподражаемымъ искусствомъ, съ такой заманчивостью для собесѣдника, что въ концѣ концовъ онъ оказывался вполне готовымъ сдѣлать для матери Марѣы все, чего она желала. Да и могло-ли быть иначе, когда особа настолько одаренная наружными прелестями, въ полномъ цвѣтѣ развитія, пускаетъ въ ходъ самыя надежныя нити къ сердцу пужнаго человѣка, между тѣмъ какъ ея собствешные планы и цѣли рѣшительно зама-

скированы и не подозрѣваются личностью, на которую она дѣйствуетъ.

Одѣвалась Марѳа великолѣпно, поражая прежде всего своею внѣшностью. Никому и въ голову не приходило, что это загадочное существо было дочерью ямщика Накиты Коржавина, впоследствии мелкаго кулака-торговца, — что росла она среди грубаго и тупаго невѣжества, гдѣ слова *книга* и *книжное* возбуждали нелѣпый, чуть не суевѣрный ужасъ и стояли въ понятіи въ уровень съ Антихристомъ и его кабалою, влекущую въ геенну.

Казалось бы, что могла вынести изъ такой обстановки настоятельница дѣвичьей раскольничей общины, кромѣ страсти къ преобладанію, къ усладѣ своимъ властвованіемъ; казалось бы, за удовлетвореніемъ тупаго честолюбія, могли ли ей быть доступны требованія другой, настолько враждебной духу силы какъ наше тѣло съ его прихотями; — и однако же она была скорѣе и прежде всего женщина, для которой имѣло цѣну все, чѣмъ можетъ быть красна жизнь въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, когда довольство даетъ просторъ разъигрываться прихотямъ. Марѳа не отказывала себѣ ни въ мясѣ, ни въ сладостяхъ, ни во всякомъ другомъ баловствѣ, хотя бы оно могло привести къ непріятнымъ слѣдствіямъ. При такомъ образѣ жизни, она легко могла попасть въ просакъ — и попадалась не разъ, но горькій опытъ научалъ ее лишь быть осторожнѣе, а никакъ не отвѣждалъ отъ повторенія прежнихъ паденій. Ни веселья, ни шутокъ, ни трапезы сладкой она сама не презирала и другимъ не запрещала, признавая, что если живетъ она, то слѣдуетъ давать жить и другимъ, — что человѣкъ всегда человѣкъ и женщина въ извѣстную пору должна быть женщиной. Только бы эти влеченія держались въ уздѣ приличій и разъ установленнаго обихода, не могли бы никому колоть глазъ или возбуждать ропотъ неудовольствія, если не горечь обви-

неній и осужденій. Сама же она, бывая нерѣдко въ столицахъ, разрѣшала себѣ пользоваться всѣми благами и примапками міра сего, упивалась ими съ услажденіемъ, но только все это оставалось шито да крыто. У ней составилось бездна довольно-странныхъ знакомствъ, гдѣ выказывалось ей всевозможное угожденіе, хотя люди эти, дружески относившіеся къ ней, нетолько не знали навѣрное кто она, но даже готовы были голову прозакладывать, что предметъ ихъ сочувствія — особа высшаго круга и отнюдь не раскольникъ, не самозванка-черница, а тѣмъ болѣе не глава цѣлой семьи настолько же загадочныхъ личностей женскаго пола, какъ безусловно ей подчиненныя сестры кто съ борка, кто съ сосенки. Очень естественно, что не разрывая связей съ міромъ, а напротивъ стараясь играть въ немъ усиленную роль, окунаясь во всевозможные омуты тревоженій, двойственная личность матери Марѣы, ведя несовсѣмъ чистую игру, нуждалась въ полученіи изъ первыхъ рукъ всякаго рода новостей, тѣмъ паче политическихъ. Какъ дѣятельницѣ въ интересахъ своихъ довѣрителей, столповъ и поддержекъ раскола во всевозможныхъ его видахъ, какіе только удобны были для ея цѣлей, — Марѣѣ нужно было получать срочныя донесенія о томъ, что творится на семъ свѣтѣ *уже во злѣ лежитъ* и идѣе *скимны рыкаютъ*, ища ежечасъ поглотити чадъ древняго православія, т. е. раскольниковъ вообще и каждый толкъ въ особенности, посредствомъ слугъ антихриста, администраторовъ, покровительства которыхъ на самомъ дѣлѣ расколъ во всѣ вѣка и времена старательно искалъ и усиленно добивался.

Обыкновенно, въ глушь Олонецкую пѣшеходная почта доносила вѣсти изъ столицы Невской по субботамъ; но прошелъ даже вторникъ, а ни одного письма еще не прибыло; о братѣ Аврааміи тоже не было ни слуху, ни духу. Этотъ братъ прикидывался слѣпымъ, хотя

былъ зѣло доброзрячій, и калѣкой, хотя обладалъ мощными руками и могъ на медвѣдя ходить. Уже вторую ночь келейница, сестра Пелагея не сходила съ Вратарницы, какъ называли надворотную башню съ теремкомъ каменоозерскія старообрядки. Она все караулила, не явится ли авось хоть въ ночи, если какая бѣда неминуемая мѣшаетъ придти днемъ, давно желанный посыльщикъ, чтобы по первому знаку отверзти ей одной извѣстную, а для всѣхъ сокровенную лазейку. Еще въ понедѣльникъ посылали сестеръ Матрену и Ѳеодосью, перерядивъ ихъ сельскими бабами, на Гноеходный Торжокъ къ кружалу, поразвѣдать, откуда ждать грозы и что бы была за причина — не слыхали ли наряда какого на мирную обитель Марѣину. Матрена такъ никого въ кружалѣ и не видала, а Ѳеодосья божила, будто бы даромъ споила три крючка прохожимъ кавалерамъ, что шли изъ подъ самага изъ подъ Питера въ чистую, — а все не могла ничего добыть: стоятъ проклятые на одномъ, что нигдѣ, на всемъ пути, ни запинки ни притина не видывали и не слыхивали. Мудрая мать Марѣа терялась въ догадкахъ.

Была уже среда. Вечеръ. Сестры, придя съ сѣнокоса и собравшись въ бревенчатой трапезной, готовились отойти ко сну; лампада теплилась передъ иконами стариннаго письма, освѣщая ручную курильницу подъ кіотою на тяблѣ, святую воду въ бутылки и псалтырь стариннаго изданія. Сама настоятельница слушала гнусавое чтеніе келейнаго правила, какъ вдругъ его заглушилъ спѣшный кликъ вбѣжавшей Пелагеи: «идутъ, идутъ, мать богоданая!

— Кто тамъ идетъ? протяжно, нѣсколько взволнованно и тихо спросила встревоженная Марѣа, даже вздрогнувъ при первомъ звукѣ голоса своей посланицы.

— Цѣлыхъ трое, мати честная.

— Да кто? допрашивала игуменья.

— Да все наши же посыльные. Двое провожатыхъ — одинъ съ сумкой.

— Сумку-то ты возьми, мать Пелагея, коли дастъ; я ужъ сама посмотрю. А любовь твоя, мать Анфиса, обезпокоится пусть угощеніемъ братіи, распорядилась Марѳа, уходя изъ трапезной къ себѣ

Сумка какъ видно бывала не въ первый разъ въ рукахъ нашей пустынницы; хотя запиралась она особымъ механизмомъ, довольно хитро-придуманномъ, Марѳа нетолько вынула все содержащееся, но съ испытанною ловкостью обыскала и самыя стѣнки сумки — и въ самомъ дѣлѣ нашла тонкую голландскую бумажку, испанскую съ двухъ сторонъ и извѣщавшую въ довольно-темныхъ выраженіяхъ, что «царство антихриста близко, зане хранительная десница оскудѣла и ни во что вмѣстится». Прочитавъ эту загадку, Марѳа принялась за переборъ бумагъ лежавшихъ въ самой сумкѣ, — и двѣ изъ нихъ да письмо въ кувертѣ съ иноземнымъ прозваніемъ мѣста послышки оказались слѣдовавшими въ ея руки. Одна грамотка извѣщала настоятельную, что «солнышко красное, взошло надъ Петроградомъ наканунѣ Петрова дни, и скиптродержницею состоитъ отнынѣ Екатерина Пименемъ». Другая грамотка заключала только краткій совѣтъ: «о чемъ пожелаете — вся повѣсть вамъ братъ Спиридонъ».

Марѳа велѣла позвать Спиридона. На призывъ явилась коржавая, сѣденькая, приземистая фигурка, съ перваго взгляда поселявшая не то чтобы ужасъ и не то чтобы отвращеніе, а простую осторожность на всякій случай. Искривленные оспой глаза его, безъ бровей, какъ-то плутовски подмигивали, а блѣдныя узкія губы, силясь осклабиться улыбкой, кривились на одну сторону, причемъ подбородокъ, обросшій рѣдкими клочьями бородки мочального цвѣта, автоматической подвижностью возбуждалъ непріятное ощущеніе, переходившее въ смѣшливое, когда странникъ начиналъ прикидываться злымъ.

Марѣѣ, привыкшей къ этому гостю и его оригинальной наружности, тѣмъ болѣе въ настоящую пору, было не до выводовъ на его счетъ. Ее пожирало любопытство — и весьма законное. У Марѣи былъ умъ ловкій и изворотливый, но для того чтобы привести въ дѣйство пружины этого ума—нужно было хорошо знать *statu quo*. Насчетъ тонкой хитрости и способности подмѣчать то, что никому и въ голову не приходитъ, отецъ Спиридонъ былъ золотой человѣкъ. Онъ какимъ-то чуть не сверхъестественнымъ ясновидѣніемъ угадывалъ, откуда долженъ подуть вѣтеръ и гдѣ можетъ таиться гроза, хотя бы грануть ей предстояло и очень не скоро. Не со своими онъ бывалъ вообще немногорѣчивъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда косноязычныя уста его получали большее оживленіе, можно было поручиться, что дѣло касалось людей, которыхъ онъ цѣнилъ и отъ которыхъ ожидалъ великія и богатая милости. Марѣа принадлежала къ этому послѣднему разряду. Съ ней не нужно было и торговаться, а положиись прямо на ея щедрость, если извѣстіе само по себѣ важно и нужно. Поэтому, прежде чѣмъ сестра Пелагея, для развязанія устъ отцу Спиридону, поднесла двѣ серебряныя чарочки съ наливкой, онъ уже залепеталъ своимъ шепелявымъ гнусливымъ голоскомъ, даже безъ обычнаго вытягиванія.

— Голицынъ Петръ въ силѣ, Константиновъ, Волконскій Михайло, и Елагина, говорятъ, привезутъ — заподлинно слышали, а Тепловъ Григорій Николаичъ нашихъ обнадеживать — ничево, говоритъ, ребята, небойсь... Градуть дніе мирны и блази, безпечальны, несмутны...

Онъ много еще лепеталъ скороговоркой. Марѣа, погруженная въ думу, не перебивала и не останавливала его. Думы ея носились далеко. Ей представлялись люди знакомые, недавно еще не мечтавшіе о возвышеніи и потому доступные, даже одолавшіеся порою; ихъ

жизнь-бытьё, влеченія, интересы, знакомства, характеры, взгляды на вещи, или лучше смотрѣніе на предметъ извѣстными глазами, — знала она хорошо, точно и положительно. Мысль подсказывала, какую у кого затронуть струну и какую ноту взять, и съ чего начать, какъ вести дѣло — и что изъ этого можетъ выйти.

По мѣрѣ хода мыслей, лицо слушательницы принимало большее и большее спокойствіе — и выраженіе его, подъ конецъ доклада Спиридона, просвѣтлѣло совсѣмъ; улыбающаяся, довольная, она достала изъ сумки послѣднее письмо, которое повидимому съ намѣреніемъ было отложено, чтобы сначала сообразить важныя дѣла, тогда какъ это представлялось ей чѣмъ-то вродѣ лакомства или отдохновенія отъ трудовъ.

— Добро, батюшка, поди успокойся, сестры тебя улагодворятъ, ласково кивнула головой Марѳа, давая знать этимъ, чтобы Спиридонъ ее оставилъ.

Вотъ чтó гласило послѣднее посланіе, кувертъ котораго она сорвала съ особенною живостью.

«Парижъ, $1/_{12}$ апрѣля 1762 года.

Милостивая государыня тетюшка!

Пишетъ къ тебѣ блудный сынъ изъ онаго гальскаго Вавилона, гдѣ измышленія врага на прельщеніе рода человѣческаго, зовомыя рублями, талерами, ливрами и прочю ихъ братьею, зѣло скоро изъ кармановъ утекаютъ, понеже утѣхи и соблазны ежесекундно духъ уловляютъ; а родъ человѣчъ искони во злѣ лежитъ — такъ кажется въ книгахъ вашихъ пишется. Сея вины ради, хотя и въ первый день апрѣля, когда всѣ обманываютъ, ей же ей повѣрь, щедродательница, истинно говорю, не лгу, что ни единого шелега имѣю. Враги же мои лютые, въ просторѣчии рѣкомые перюкіеры, портные, мастера башмаки дѣлающіе, съ лаяніемъ великимъ на всѣхъ стезяхъ меня окружаютъ — и грозятъ,

о пренечестивые! въ оный зѣлоскучный и всякія тѣсноты исполненъ монастырь, что Сенъ-Лазаромъ прозывается, мою персону упечь,—и спасенія ни единого чаю, аще твоя щедрость, превышающая всякую доброту, отъ злыя участи извлеки меня не похочетъ. А я, *мадамъ ма тантз, монз амз, ма деэз* (не погнѣвись, тетушка, такъ здѣшніе петиметры дражайшихъ своихъ матресовъ называютъ, и это здѣсь въ большой модѣ), зная, что твоя пречестность самоновѣйшіе способы изъясненія вѣдати желаешь, тебѣ чистѣйшимъ бонтономъ крайность свою описую. Сжался, сжался, сжался, *тре шерз деэз э тантз*, и простерши руку помощи. извлеки твоего вѣчно признательнаго Ѳедьку — прошибся—*тонз пети Теодорз*—изъ *абимы* всякихъ мерзостей, да благорастворенное небо береговъ сенскихъ узреть мя шествующимъ, возсылая къ нему молибы за мою *адорабль* спасительницу. *Миль безэ*. Коли не прогнѣваешься, вѣчно почитающій и до гроба пребывающій въ таковомъ же уваженіи

Племянникъ вашъ, мадамъ,

Ѳеодоръ Васильевъ сынъ Коржавинъ.

P.S. Идя въ постовую контору, видѣлъ я на окошкѣ у мошеника торговца, въ лавкѣ всякихъ сладостей, восхитительную *шапо де пайль*. Прельстившись оною вещицею, я непремѣнно хотѣлъ ее послать къ вамъ, но опустивъ руку въ *ма пошъ*, обрѣтохъ кошелекъ тощъ, якоже николи. Поэтому съ сокрушеніемъ сердца пишу вамъ сіе, увѣряя благороднымъ словомъ, что она *шапо де пайль* отправлена будетъ къ вамъ въ тотъ день, какъ пойду домой отъ банкира по полученіи отъ васъ нѣкоего *биле де шанжз* которые здѣсь съ промѣномъ на вашъ Питеръ теряютъ меньше чѣмъ въ прошломъ году. Примите впередъ *миль ремерсимапз*. А *пропо*, я живу у нѣкой *бланшисэз*—и какія же она мнѣ при-

готовляетъ плойныя манишки — заглядѣние! А кстати, не имѣете-ли извѣстій о дядѣ Ерофеѣ, да гдѣ находится виновникъ дней моихъ? Прогляжу всѣ глаза до получения милостиваго отвѣта. Амен.»

Нескладное письмо повѣсы принято было совершенно такъ, какъ онъ ожидалъ. Честная мать Марѳа, читая эти каракули, смѣялась надъ ихъ безсвязностью, — но въ душѣ находила, что молодость должна имѣть свои наслажденія, и что для поддержки племянника слѣдуетъ послать посильную лепту.

«Ну, какъ плутишку оставить — онъ такой забавный! Знаю, что онъ замотался — да вѣдь на то говорятъ и Парижъ. А кстати...»

Тутъ глаза ея остановились на послѣднихъ словахъ письма — и невольный вздохъ приподнялъ красивую грудь, при напомниманіи объ отцѣ ея баловня, нѣсколько лѣтъ неподававшемъ о себѣ вѣсти.

— Живъ-ли онъ, голубчикъ? невольно вырвалось у нея вслухъ.

На утро, когда отецъ Спиридонъ возсталъ отъ сна, ему сказали, что мать Марѳа успѣла въ ночь собраться и уѣхать въ Ярославль, забравъ съ собою обычную свиту и конечно достаточно рессурсовъ на далекій путь.

Въ Москвѣ.

За вѣкъ назадъ Сушевская часть съ хранилищами запасовъ была пустыньѣ прочихъ мѣстностей Москвы; неказистые дома и обширные крѣпкіе амбары тянулись по сторонамъ длинныхъ недоступныхъ дворовъ ихъ; лай цѣпныхъ собакъ и постукиванье въ доску сторожей производили впечатлѣніе какого-то безлюдья, особенно ночью. Тѣмъ не менѣе, тамошніе домовладѣльцы были чуть ли не самыми состоятельными обывателями столицы. Зато съ виду они казались нелюдьми; даже и со своей братіей — торговцами — не любили они тратить даромъ слова; что же касается людей не ихъ десятка, то съ этими и подавно не вступали они ни въ какія сношенія. Если попадался человѣкъ сильный, они отходили молча, выказывая знаки наружнаго почтенія. Встрѣчаясь же или сталкиваясь съ особями, которыхъ нечего было бояться, надменные скопидомы относились къ нимъ съ презрѣніемъ, нисколько не скрывая его. Одѣвались они чисто, но замѣтное однообразіе костюма сразу давало понять, что дѣло не с проста. Эти счетомъ положенныя сборы на спинѣ, смазные сапоги съ заворачивающимся острымъ носкомъ, оторочка косыхъ воротовъ одного цвѣта и формы, или

порой высывающаяся из-за рукава лѣстовка, да подъ шапкой носимая тафѣйка на подбритомъ гуменцѣ— тотчасъ обличали раскольника всякому видѣвшему этихъ степенныхъ людей, хотя бы и въ первый разъ отъ роду. Однимъ изъ главныхъ покровителей сущевскаго старообрядчества считался—Сидоръ Дементычъ Молчановъ-Хмуровъ. Къ нему-то на широкій дворъ какъ въ надежное убѣжище прѣѣхала изъ Ярославля мать Марѳа съ своими пташками; въ его помѣстительныхъ хоромахъ могла бы совсѣмъ непримѣтно укрыться цѣлая киновія такихъ пустынножительницъ, не возбуждая ни чьего подозрѣнія. Пробираться къ его двору приходилось какъ-то съ чужаго переулка между огородами; съ трехъ сторонъ—пустыри, а съ четвертой—густой запущенный садъ, да все заборы и заборы. Издали обиталище Молчанова походило на богатую усадьбу; такъ было много всего настроено: и клѣтей и амбаровъ. По мѣрѣ приближенія, все это скрывалось изъ виду, а передъ самыми воротами путникъ видѣлъ одну только высокую стѣну съ желѣзными шпильками, вбитыми остриемъ вверхъ и не въ одинъ рядъ, а въ нѣсколько. Гвозди эти торчали безъ всякой правильности, по видимому какъ попало, а на самомъ дѣлѣ былъ расчетъ громадный: перелѣзавшій и днемъ заслѣ бы на этихъ острияхъ, не только ночью. За этой первой твердыней, нѣсколько отступя и параллельно, тянулись ряды амбаровъ, изъ-за которыхъ опять не было ничего видно. А пройдя за нихъ, путникъ попадалъ въ цѣлый лабиринтъ избенокъ, связей, хоромъ и всякаго рода и вида построекъ, какъ-будто скученныхъ и лѣпившихся одни къ другимъ;—но что это такое—за множествомъ всего построеннаго трудно было понять. Какой нибудь правильности, планировки, симметріи, однимъ словомъ: разумнаго отношенія частей къ цѣлому не было и въ поминѣ. Но если бы это показать художнику—онъ бы

привести въ восторгъ; до того эта кутерьма и безобразіе были картинны. Отъ амбара напр. начинались двухъ-этажны хоромы; сбоку къ нимъ лѣпилась какая-то разваленная лѣстница во второе жильё; къ лѣстницѣ, какъ бы удерживая покосившійся входъ на нее отъ паденія, приросла напогребница, съ двухъ сторонъ обсыпанная землею — и насыпь заросла не только травой, а даже и порядочными кустиками, очень живописно пестрившими вершину. Прямо передъ дверью въ этотъ уютный надежно-устроенный погребъ торчалъ высокій оцѣпъ комодца; за нимъ стояла баня, прислоненная къ стѣнѣ хозяйскаго жилья, изъ котораго надъ самой крышей мовницы прорублены были окошки. А дальше хозяйское жильё снабжено было третьимъ этажемъ въ видѣ поперечныхъ теремковъ или нѣсколькихъ нынѣ такъ-называемыхъ мезониновъ, съ окошками на обѣ противоположныя стороны. Подъ крайнимъ изъ этихъ теремковъ было парадное крыльцо, а за нимъ опять тянулись нѣсколько избъ одноэтажныхъ и двухъэтажныхъ, упиравшихся въ каменный амбаръ. Передъ окнами устлана была тесомъ дорога или лучше сказать эстрада, такъ какъ она была нѣсколько выше уровня почвы, сажени четыре шириной, и снабжена надолбами, прикрытыми широкой доской, въ родѣ грубой рѣшетки какой или балюстрада.

На всемъ пространствѣ между амбарами и постройкой росъ одинъ старый развѣсистый кленъ; густыя вѣтви его покрывали широкой лапчатой тѣнью передъ закатомъ солнца не только названное эстрадою, но и большую часть фасада хозяйскаго жилья, выходившаго на этотъ дворъ. Въ такую пору дня на открытую повѣть выходилъ обыкновенно хозяинъ съ гостями, а проживало у него всегда до десятка гостей обоого пола такого же состоянія, какъ мать Марѳа. Вечерни давно уже отзвонили въ ближнемъ

приходѣ. Молодцы вынесли столъ, покрытый узорной скатертью, приладили лавку къ нему, устали на столъ разнаго рода лакомства въ рассолыникахъ и на тарелочкахъ. Чай какъ зелье, змѣипымъ жиромъ кропленное, отъ нечистыхъ китайцевъ занесенное, не допускался; а до сластей, разрѣшаемыхъ древнимъ благочестіемъ, Молчаповъ былъ большой охотникъ. Съ нимъ вышла и мать Марѳа, а за ней и пичужки олонецкой пустыньки пришли подышать свѣжимъ воздухомъ.

Это былъ одинъ изъ первыхъ теплыхъ дней наступившей осени, которая своей суровостью не давала возможности развернуться празднествамъ коронаціи. Благодаря этому теплomu дню, въ этотъ вечеръ назначался въ Головинскомъ домѣ маскарадъ не для одного дворянства.

Указавъ, чтобъ поднесли почетной гостьѣ по ряду лакомства, хозяинъ началъ ее выпрашивать о положеніи дѣлъ, какъ видно сильно чѣмъ-то заинтересованный или изъ словъ ея желавшій повѣрить кое-что ему пзвѣстное.

— Хозяйство-то *ты* ведешь, мать преподобная? А старшинъ у васъ нѣтъ? какъ бы случайно задалъ онъ ей вопросъ.

Марѳа не вдругъ поняла, на что онъ намѣренъ приударить, и съ видомъ наивности отозвалась: «Какіе старшины въ женской обители! Не зазорно ли мужку мѣшаться въ наше дѣло? Сподоблялъ Господь—справлялась нашими бѣдными доходишками. Пятый годъ пошелъ — скудости не видали сестры—и обстроиваемся хорошохонокъ по маленьку.

— Оцо такъ, а старшина все цужна! всякъ чловѣкъ есть! продолжалъ Молчаповъ, упорно отстаивая высказанное.

— Да какая-жь еще старшина, отецъ мой, кромѣ меня? уже обидчиво перебила Марѳа,—на то я и запра-

вляю общиной. Чтобъ ничего не передать—сама смотрю, никому не дамся въ обманъ.

— Да ино и за тобой надо присмотрѣть: человѣкъ ты молодой, все бы больше побаивалась.

— Чего же, отецъ, мнѣ бояться! сдвигая брови, опять перебила настоятельница: — развѣ лиходѣйка я моей обители? — стараюсь какъ лучше бы было: себѣ наровлю, чтобы въ грязь не ударить.

— Да то-то что себѣ-то бы не слѣдовало! Всякъ человѣкъ—ложь. Ты жена благочестіемъ преотчѣпная, а все значить жена — сосудъ скудельный. Чѣмъ бы Богу угождать, а ты вонъ о чемъ: па прельщеніе оксамитомъ грѣшную плоть прикрываешь. А тако смиренію не довѣсть. До насъ дошло, что и грамотки посылаешь да и мошной трасешь, говорятъ, кому-то тамъ—за рубежъ. Еще бы на Вѣтку—Господь благословилъ, а то во французскую землю. Кто тамъ у тебя—вѣтрогонъ какой-то? Да Пелагея, вонъ, молвить, что и почаству.

— Ну, любовь твоя, какъ изволишь, а въ наши дѣла мѣшаться также бы не довѣло.—тѣмъ паче міринину тебѣ, зналъ бы свои счета купецкіе. Мало ли что Пелагея выбрекаетъ тебѣ, благо сплетень охочь слушать. И стыденія нѣтъ—духовныя дѣла зазреть! Воспомни Апостола: не будите судіями брата, говорить; а ты еще и вину-то не узналъ, а судить ужъ принялся. И за что такая напасть — что твоимъ гостепріимствомъ пользуемся, такъ ты думаешь, что все воленъ!.. коли такъ - то думаешь, да съ такимъ поровомъ насъ къ себѣ заманилъ, такъ можно тебя успокоить. Городъ не клиномъ сошелся. Держатся нашего благочестія не малые люди. А ты спди да учтивай про себя своихъ прикащиковъ—какъ ни учтивай, все прахомъ пойдетъ безъ благословенія Божія.

— Ну вотъ ужъ и поѣхала. Я такъ сказалъ отъ простоты.

— И я не въ укоръ молвила, а такъ только замѣчаю, что совсѣмъ осуетился — такъ-те и чудится, что все уворовали—а по что? Братская любовь изсякла. Лицеиѣре, исправи пути твои! Врачу, очистиcя самъ!

— Ну, мать Мареа, ужь перестань — будетъ. Прошибся, а ты никакъ меня подъ анаеѣму тянешь...

— Анаеѣмъ и подлежитъ мірянинъ, что суется въ духовное. Ты какъ же думалъ — самъ себѣ осужденіе произнесъ! Вотъ какъ, любовь твоя, тяжело ближняго осуждать! — и кто ты поставилъ судію?..

— Да не сужу я, а такъ только къ слову!.. хотѣлъ на твою пустынь пожертвовать, да сомнѣніе беретъ...

— Съ сомнѣніемъ не давай—и во вредъ душѣ твоей, и обители не въ пользу, — а кто хочетъ, давай рукой чистой, десницею правой, чтобы шуйца не вѣдала, да не считай, а то лютую гибель Ананія и Саифиры вспомни...

— Ну, ужь и не радъ что молвишь... Ей-ей отъ чистаго сердца хотѣлъ, чтобы береглась значить. Развѣ я ворогъ тебѣ? Ино кабы что и было — самъ бы постарался укрыть, а не то что выводить...

— И впрямь ты раскаяваешься, и лъсти твоей неосталось и крошки? А какъ испытаю, да окажется, что вся твоя злоба въ тебѣ и сидитъ,—тогда какъ съ тобой поступать?

— Никакой злобы во мнѣ нѣтъ... Ну, каюсь, прости что осудилъ.

— Да этого мало—твоего покаянія; долженъ принести плодъ достойный—тогда только будетъ отпущеніе. А то палъ, совсѣмъ палъ...

— Искренно говорю.

— Увидимъ. Да вѣдь соблазнишься, чуть помстится тебѣ не съ той стороны—опять заберется въ тебя всякая чернота въ помыслы. Вочію зрѣться будетъ, что братъ или сестра согрѣшаетъ. А ты коли хочешь совершенъ быть, понимай, что это прелесть.

Хмуровъ былъ сбить съ толку и не зналъ какъ начать вновь. Пользуясь тѣмъ, что онъ озадаченъ, Марѳа наступила еще энергичнѣй.

— Не обольщаешься?

— Нѣтъ, знаю себя.

— И на искусъ пойдешь?

— Готовъ.

Лицо Марѳы приняло мгновенно какое-то довольно загадочное выраженіе—и она, оправляя свой черный платокъ одной рукой, другую положила на плечо совѣтъ опѣшеннаго хозяина и что-то сказала ему на ухо.

Они проговорили неслышно нѣсколько словъ, изъ которыхъ послѣднія были: «съ Григоріемъ Николаевичемъ я сама должна переговорить...»

— Да, и я думаю, что такъ будетъ лучше, подтвердилъ Молчановъ.

— Такъ я буду готова къ девяти часамъ...

И мать Марѳа отправилась къ себѣ.

Маскерады, вошедшіе въ моду при Елизаветѣ, начались, какъ извѣстно, гораздо раньше нынѣшняго. Такъ-какъ рѣдкіе изъ обывателей не ложились спать вмѣстѣ съ закатомъ солнца, то для тѣхъ сословій, которыя впервые приглашались ко двору, провести большую часть ночи безъ сна приходилось не подъ силу.

Въ десять часовъ вечера, во всѣхъ окнахъ ярко-освѣщеннаго Головинскаго дома уже мелькали тѣни маскированныхъ въ богатыхъ костюмахъ всевозможныхъ націй. Большинство конечно составляла молодежь, но кое-гдѣ проглядывали (судя по полнотѣ тѣла и медленности движеній) особы и почтенныхъ лѣтъ, только ихъ конечно сравнительно было немного. Женщинъ было меньше мужчинъ. Боярыни, неохотою введенныя Петромъ въ общество, на маскерады смотрѣли не безъ примѣси страха. Въ пестрой толпѣ гуляющихъ весьма многіе вовсе не щеголяли ловкостью манеръ, сплошь и

рядомъ выдавая свою непривычность къ костюмировкѣ и большому свѣту. Между этими новыми посѣтителеми попадались и такіе, что могли бы сдѣлать честь и не московскому маскараду. Капуциновъ, столь любимыхъ въ прежнія времена, совсѣмъ почти не было видно; вмѣсто ихъ встрѣчались чуть не на каждомъ шагу простые кафтаны нѣмецкихъ городскихъ сановниковъ, щеголявшихъ алмазными пуговицами и пряжками на башмакахъ, да богатою вышивкою камзоловъ. Къ числу украшеній этого вечера принадлежала между прочимъ одна пара, составлявшая рѣзкую противоположность иноземнымъ нарядамъ. Это былъ старый бояринъ, въ вишневомъ парчевомъ кафтанѣ и высокой горлаткѣ, объ руку съ статной красавицей, одѣтой молдаванкою, тоже въ бархатѣ и соболяхъ; ея голубая фата съ серебряными звѣздочками, приколотая къ распущеннымъ волосамъ драгоцѣннымъ эскаважемъ въ видѣ полумѣсяца — привлекала на себя общее вниманіе. Публикѣ, слѣдившей за красавицею, конечно не было извѣстно, что это Молчановъ съ матерью Мареей. Зналъ это одинъ только пожилой худошавый, довольно невзрачный, хотя и съ умнымъ взглядомъ, господинъ, въ парикѣ и бархатномъ кафтанѣ гамбургскаго бургомистра, долго ихъ поджидавшій, прислонясь у колонны при входѣ въ большую залу. Маска его надежно скрывала черты всѣмъ извѣстнаго Григорія Николаевича Теплова, на благосклонность котораго московскіе старообрядцы полагали твердую надежду, — да и онъ былъ казалось не прочь войти въ ихъ виды, когда назначилъ переговоры во время маскарада.

Неловко выступавшій и видимо робѣвшій бояринъ въ парчѣ — замѣтилъ милостивца издали и тотчасъ шепнулъ своей спутницѣ, которая, оставивъ его руку, сама подошла къ мнимому бургомистру со словами: «торговля у васъ, нѣмчиновъ, идетъ хорошо!»

Это былъ условленный пароль, удостовѣрившій личность особы, съ которой слѣдовало Григорію Николаевичу войти въ объясненіе.

Смѣривъ ее съ ногъ до головы взглядомъ, вмѣстѣ покровительственнымъ и высокомернымъ, Тепловъ отвѣтилъ, протягивая руку: «въ Молдавію къ вамъ дошедшіе слухи справедливы.»

Затѣмъ, предложивъ руку, онъ повелъ молдаванку въ укромный уголокъ и посадилъ тамъ въ тѣнь густо-разставленныхъ растений.

— А ваша коммерція какова? какъ идутъ ваши дѣлишки... въ Олонцѣ, кажется, коли не ошибаюсь? обратился Тепловъ въ свою очередь къ дамѣ, когда уединенность позволила обходиться безъ шепота.

— Если вы поможете, то худы быть не могутъ, улыбулась Марѳа искательно и мягко.

— Да не во мнѣ вся сила, склоняя голову сказалъ Тепловъ, — я могу быть полезенъ развѣ совѣтомъ. Не убѣдившись, насколько намъ довѣряютъ, играть прямо было бы неразумно... Говоря такъ, онъ хитрилъ; въ душѣ онъ думалъ, что мимо его рукъ ни что не пройдетъ и что ему въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ играть первую роль.

— Но вѣдь вамъ-то извѣстно—отъ кого что и какъ, продолжала Марѳа, заигрывая съ его честолюбіемъ.

— Покуда ничего особеннаго; ломки стараго еще нѣтъ, а что будетъ дальше—посмотримъ. Нужно дѣйствовать на тѣхъ кто поближе, да имъ внушать что слѣдуетъ — конечно не даромъ...

— А поскольку кому?

— Опять таки соразмѣрно изліянными щедротамъ — та же пропорція. Примѣрно, кто тридцать получилъ — тому слѣдуетъ прислать вдвое противъ пятнадцати. Ну, такъ и прочимъ... Елагина, знаете? Онъ будетъ далеко

шагать. Орламъ свой почетъ — а вѣдать надлежить, что ихъ цѣлая тройка, коли не четверка...

— А къ нимъ-то, говорятъ, и приступу нѣтъ, сказала молдаванка, медленно разводя руками подъ фатой.

— То есть, какъ это нѣтъ? усмѣхнулся Тепловъ:— конечно, съ какой стати сыпать въ карманъ тѣмъ, у кого свое золото завелось! Да вѣдь можно и не деньгами. Одному кони любы хорошіе, другой франтить охочъ, а инаго придется прельстить чѣмъ-нибудь и живенькимъ...

И подмигнувъ собесѣдницѣ, онъ засмѣялся непріятнымъ смѣхомъ, въ которомъ звучала крайняя безцеремонность.

— Ну, объ этой статьѣ послѣ, довольно сухо отозвалась молдаванка, — да и совсѣмъ не слѣдъ упоминать...

— Тамъ какъ знаете, а нельзя и этого выбросить изъ виду, настойчиво подтвердилъ Тепловъ:— а то есть еще любители промахнуть всѣми четырьмя мастями — тѣхъ извѣстно чѣмъ убоготорить; особенно имѣйте въ виду вашего-то прокурора — онъ и не богомоленъ, и карты крѣпко любить. Тепловъ помолчалъ, какъ бы соображая и доставъ табакерку, съ разстановкой понюхалъ щепоть...

— Есть еще птичка, пока не велика, а будетъ ширять высоко въ небѣ, продолжалъ онъ, — можетъ и орловъ перелетить; хоть и отъ потемокъ прозывается, а чего добраго будетъ свѣтиломъ лучезарнымъ—и ловокъ, и молодъ, и голова отмѣнная... Вахмистръ былъ—и чинъ схватилъ, и благодѣянія своимъ чередомъ...

— Ну, а Глѣбовъ какъ... останется? спросила Марea, устремивъ на Теплова особенно внимательный взглядъ.

— Виляетъ, но кажись не свихнется. И паны наши лѣзутъ теперь въ честь—особенно Никита... Что дальше будетъ...

— Ну и то хорошо, хоть есть надежда на покой, задумчиво произнесла Марѳа, опуская густыя рѣсницы и потупившись.

— Да сильнаго-то безпокойства напрасно ждать будете, коли сами не затѣете какой дури, внушительно произнесъ Тепловъ, потягиваясь возлѣ нея на софѣ и запустивъ руки въ широкіе карманы своего вафтана.

— Ужъ куда намъ! съ улыбкой заговорила Марѳа, взмахнувъ на него своимъ свѣтлымъ взоромъ изъ-подъ соболиныхъ бровей,—мы только присматриваемся какъ чтб, да боимся — ширококафтанники чтобы верхъ не взяли...

— Ну это, матушкѣ, если они что и задумываютъ—могутъ отложить попеченіе...

— Да... а экономію - то небойсь уничтожили? съ невольною рѣзкостью перебила Марѳа — и глаза ея заблестали ненавистью при воспоминаіи объ этой льготѣ противникамъ раскола.

— Уничтожили да не совсѣмъ, посмѣиваясь произнесъ Тепловъ,—погодите вотъ, пройдетъ коронація, все поуляжется. Коллегія-то можетъ и выплыветъ, да захватить пошире.

— Ихъ-то захватить — а какъ они въ свою очередь до насъ доберутся? недовѣрчиво отозвалась Марѳа.

— Не до того будетъ, каждому до себя. Только и вы не плошайте. Надо будетъ вамъ прискаты себѣ челоуѣчка, чтобы въ свѣтѣ рыскалъ, подозрѣнія-бъ не подавалъ, а все замѣчалъ бы... Чай у васъ есть такой на примѣтѣ?

Внезапная мысль блеснула въ умныхъ глазахъ матери Марѳы.

— Есть-то есть, пожалуй, заговорила она,—толь-

ко нужно будетъ пристроить его... ужъ вы похлопочите...

— Былъ бы человекъ знающій... разумѣлъ бы иностранные языки, они теперь въ модѣ будутъ... да писать былъ бы гораздъ...

Марѳа утвердительно кивала головой, при каждомъ исчисляемомъ качествѣ.

Толпа масокъ, въ блистательныхъ, разшитыхъ золотомъ костюмахъ, при звукахъ польскаго, высыпавъ въ залу, прервала бесѣду. Теплоу послѣшилъ выйти позадь растеній, а на оставленное имъ мѣсто къ молдаванкѣ подсѣли двое молодыхъ людей, повидимому гвардейцы, въ алонжевыхъ парикахъ, безъ масокъ, въ новыхъ, яркаго цвѣта, шелковыхъ кафтанахъ; золотое шитье такъ и горѣло по бортамъ ихъ и во весь камзолъ.

— Кого-нибудь дожидаясь, али потеряла, боярышня? спросилъ одинъ изъ нихъ, небрежно развалился возлѣ Марѳы на софѣ.

— Я не здѣшня — ждать некого, а прѣхала поглядѣть на свѣтъ, на людей... возразила Марѳа, окинувъ ихъ быстрымъ взглядомъ.

— Коли такъ, въ компаніи веселѣе, мы охотно покажемъ тебѣ этотъ свѣтъ...

— А сами-то дрóгу знаете? нисколько не теряясь и съ ловкостью первостепенной модницы спросила Марѳа, жеманясь и усиливаясь придать выговору не русскій характеръ.

— Какъ же не знать, когда сами кружимся по бѣлу свѣту? подхватилъ другой, черноглазый румяный красавецъ, — теперь и въ Москвѣ всего насмотришься — дальше Кіева не бывалъ, а Молдавія — вотъ она!

— Изъ бывавшихъ въ Кіевѣ я многихъ знаю, а мосць вашу что-то не помню, отвѣчала Марѳа, вглядываясь ласкающими глазами въ красиваго юношу, — какъ звать пана — княземъ чтоль?

— Княземъ, княземъ! вступился товарищъ, — да еще изъ князей-то какихъ первостатейныхъ!

— А дай руку, поворожу, погадаю, въ правду ли ты князь?

Черноглазый медленно протянулъ ей маленькую аристократическую руку въ кружевной маншетѣ. Молдаванка разгладила ему ладонь своей бѣлой, изящной ручкой и на минуту погрузилась не то въ размышленіе, не то въ соображеніе, разсѣянно перебирая его тонкіе пальцы.

— А! да ты князь Голицынъ! вдругъ проговорила Мареева, рѣшительно поднимая глаза въ упоръ на своего собесѣдника.

— А ты княжна, аль графиня скорѣй? конечно ужъ не молдаванка?

— Угадай!

— Мы отгадывать не мастера, прервалъ товарищъ князя Петра, Пассекъ, — только вотъ пригоженькихъ и подъ маской чутьемъ распознаемъ...

— Ну, такъ вы не далеко и въ этомъ ушли, смѣялась Мареева, — коли я, по вашему, только графиня и пригоженькая...

Послѣднія два слова она произнесла съ особенною насмѣшкой.

— Куда графиня — и княжны мало! подхватилъ Пассекъ, — я тебя въ царевны пожалуй...

— Мудрено будетъ! отрѣзала Мареева, — по мнѣ ты самъ не выше капитана.

— Чортъ меня возьми! хлопнувъ себя по колѣну, воскликнулъ Пассекъ, — вотъ такъ колдунья!

Голицынъ уже не сводилъ глазъ съ красавицы.

— Ты, пожалуй, знаешь и обо мнѣ всю подноготную? заговорилъ онъ, взявъ ее за руку, — знаешь, что я теперь намѣренъ дѣлать и что меня ожидаетъ?.. Ну, говори, что со мной будетъ сегодня?..

— Если крѣпко чего желаешь — будетъ, увернулась Марѳа, — а не крѣпко — на себя пеняй!

— Крѣпко, крѣпко, да еще какъ крѣпко-то! съ хохотомъ повторяли молодые повѣсы.

— А, такъ вы вотъ какъ! зубы скалить!.. мнѣ это надоѣсть скоро.

— Je t'adore!.. шепнулъ Голицынъ, наклоняясь къ Марѳѣ и цѣлуя ея руку.

— Монъ амъ, ма деэсъ?! насмѣшливо подхватила Марѳа.

— Что за умница! привскочилъ удивленный Голицынъ, — ну, веселиться такъ веселиться — перестанемъ бить шабалу...

Прежде чѣмъ Пассекъ успѣлъ сказать хоть слово, молодой сорванецъ, подставивъ руку, увлекъ маску изъ трельяжа и примкнулъ къ хвосту польскаго. Но не долго торжествовалъ и Голицынъ. Увертливая какъ угорь, выпросивъ что слѣдовало и распаливъ голову волокиты, Марѳа исчезла изъ танца, скользнувъ между паръ въ противоположную сторону, когда красавецъ-князь заглядѣлся на приближавшуюся въ группѣ замаскированныхъ императрицу.

Молчановъ начиналъ уже сильно скучать, когда надъ ухомъ его прозвучалъ знакомый шопотъ: «уловъ хорошъ!»

— Ой-ли! сказалъ онъ, внезапно оживляясь, — а хорошъ, такъ можно и по домамъ.

— Еще не всѣ, только трое, двухъ не досчитываюсь, многозначительно замѣтила мать Марѳа, взявъ его подъ руку и направляясь въ другую залу, гдѣ въ уголкѣ за ломбернымъ столомъ игралъ въ трикъ-тракъ возвращенный изъ деревни Елагинъ съ пріятелями.

— Ну, вотъ видишь, вполголоса говорила Марѳа своему спутнику, передавъ ему разговоръ съ Тепловымъ, — осуждалъ ты меня—а мой заморскій молодецъ-то и при-

годился... Вотъ какъ я выпишу Оедюшку, такъ посмотри какой хватъ на всѣ руки будетъ—одно слово: соглядатай.

Голицынъ и Пассекъ терялись въ догадкахъ насчетъ новой знакомой, отыскивая ее по всѣмъ заламъ, какъ вдругъ увидали ее сидящую рядомъ съ Александрой Оедотовной Каменскою и занятую разговоромъ повидимому чрезвычайно серіознымъ. Умное лицо Каменской было проникнуто живымъ вниманіемъ и удивленіемъ; казалось она, славившаяся своей ученостью, слушала стараясь не проронить слова своей собесѣдницы, между тѣмъ какъ Марѳа говорила безъ умолку, расточая улыбки и ласкающіе взгляды.

Молодые повѣсы не рѣшились подойти въ эту минуту, а дали другъ другу слово слѣдить за незнакомкой и не терять ее изъ виду. Она скоро удалилась подъ руку съ пожилымъ бояриномъ—и пара эта сойдя къ подъѣзду, сама разыскала свою карету, не окликаая кучера. У подъѣзда стоялъ кружокъ конюховъ съ верховыми лошадьми, приготовленными для свитскихъ офицеровъ. Два всадника, въ однихъ кафтанахъ и шляпахъ, отдѣлились въ темнотѣ изъ этого кружка вслѣдъ за каретой.

— Птичка хороша да залетная, не изъ здѣшнихъ, замѣтилъ Пассекъ, пуская своего коня вскачъ.

— И не Питерская, подхватилъ Голицынъ, прищипоривая свою лошадь,—а вотъ узнаемъ все—лишь бы не ускользнули... Ну, пріятель, не отставай—впередъ!

— А что, князь Петръ, ты хорошо Москву знаешь? смѣясь проговорилъ Пассекъ.

— Небойсь, не потеряемся. Смотри-жъ, не зѣвай... Чуть выберемся гдѣ попустынный, кричи кучеру: «стой!», а тамъ ужъ кому какое счастье выпадетъ, кому съ бояриномъ вѣдаться, кому съ боярышней...

— Стой, да гдѣ-жъ они? выскакавъ на перекрестокъ, осадивъ лошадь и въ темнотѣ не видя удалявшейся кареты, озирался Пассекъ.

— Что-жь стоять! время терять неча! Я направо — ты налево! крикнулъ Голицынъ, приподнимая шляпу: — одинъ на одинъ значить. *Salut! Dieu vous garde!* и кони, круто повернувъ, понеслись въ разныя стороны со всѣхъ четырехъ ногъ. Свѣтлый сумракъ осенней нѣчи, чистый воздухъ, бѣшеная скачка въ погоню, образъ прелестной женщины, уносившійся въ неизвѣстную даль — и все это разомъ, очертя голову послѣ маскарада, почти безъ уговора, безъ цѣли, — теперь окончательно взволновало пылкаго Голицына.

Онъ безъ милосердія шпорилъ взмыленные бока хрипѣвшей лошади и скоро съ крикомъ восторга нагналъ знакомую карету. Но и кучеръ, чуя погоню, усердно хлесталъ свою пару — и при переѣздѣ на Мясницкой снова чуть не ускользнулъ. За Чистымъ Прудомъ Голицынъ совсѣмъ было настигъ бѣглецовъ; но чрезъ нѣсколько минутъ, въ узкомъ переулкѣ, гдѣ изъ за забора высоко поднималась черная чаща запущеннаго сада, темнота сгустилась непроглядно; споткнувшаяся лошадь князя, косясь на бѣлый стволъ березы, остановилась видимо робѣя, и храни стала пятиться, — а между тѣмъ карета словно провалилась куда-то.

Голицынъ, ободривъ лошадь, проскакалъ и обогнулъ нѣсколько заборовъ, но кромѣ торчащихъ гвоздей да густолиственныхъ вѣтокъ ничего не нашелъ, ни воротъ, ни калитки. Всякій слѣдъ былъ потерянъ. Князь поѣхалъ еще по сосѣднимъ переулкамъ и вернулся домой на разсвѣтѣ, проклиная судьбу и предметъ своей погони — и даже недовольный встрѣчею, которая, поманивъ его, бросила въ омутъ бесплодныхъ волненій.

Не лучше было и Пассеку — тотъ захалъ наконецъ въ такую глушь, что еслибъ не запоздавшій въставой — не найти бы молодому капитану гвардіи его пріюта въ Бѣлокаменной, совсѣмъ ему неизвѣстной.

VI.

Новый Вавилонъ.

При внука Людовика XIV столица Франціи была почти также неопрытна какъ при Людовикѣ XIII. Востокѣ немного улучшилась наружность Парижа—тѣ же узкія, извилистыя улицы, освѣщенія больше, а грязь все та же. Фонари не отличались изящностью. Желѣзный каркасъ ихъ поддерживавшій вбивался зря въ старыя стѣны домовъ. Тротуары были изломаны, избиты, да и то не какія-либо тесаныя плиты, а въ узоръ кирпичъ, довольно узкими полосками. *Rez de chaussée* не блистали великолѣпіемъ. Магазины еще не успѣли развернуть блеска своей обстановки и больше походили на кладовыя или на лавки. Зеркальныя стекла были роскошью даже въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Окрестности же Лувра, гдѣ пріютились первые русскіе пансіонеры, вовсе ужъ не отличались чистотою. То правда, что и плата за квартиры и вообще содержаніе на пансіонѣ стоило довольно недорого, конечно сравнительно съ нашими цѣнами. Впрочемъ, если принять въ расчетъ русскій курсъ, русскія деньги и русскіе оклады, отпускавшіеся молодежи при посылкѣ за границу, то соотечественники наши, для образованія въ искусствѣ посланные за границу, никакъ уже не могли роскошествовать на свои 600 фран-

ковъ или потомъ на 800. Золотая молодость выносила. Чета первыхъ нашихъ художниковъ, отвѣдавшихъ парижскаго житья-бытья, отличалась и оригинальностью и вмѣстѣ съ тѣмъ высокой даровитостью; но богатство духовныхъ даровъ, дѣлавшее для нихъ сносите примиреніе съ лишеніями, на самомъ дѣлѣ не могло окончательно истребить въ нихъ горькаго сознанія непріятностей, которымъ они подвергались. Неустанно работая, любя съ первымъ пыломъ страсти свою профессію, наши артисты были все-таки юноши. Потребность пожить предъ-являла имъ свои права на удовольствія въ возмездіе за неустанный трудъ и каждодневныя лишенія. Порой, при самой рьяной работѣ, ледяное раздумье невольно останавливало кипучую мысль.

Если одинъ изъ нихъ, Лосенко, по мѣсту рожденія чадомъ Малороссіи, былъ отъ природы неразговорчивъ, частію скрытенъ и не заявлялъ жалобъ, по временамъ развѣ вздыхая какъ бы ненарокомъ, — зато товарищъ его, архитекторъ, красавецъ собой, статный, рослый, пылкій, съ головой полной обширныхъ плановъ, широкихъ предпріятій, крѣпко сѣтовалъ на недостатокъ средствъ.

Впрочемъ, особенно нуждался онъ лишь въ первое время, а къ концу втораго года, стараясь выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ уже справился съ своей несовѣстѣй привлекательной участію. Свѣтлая голова и искусная рука выручили его. Теперь его же учителя заваливали его работой, щедро платя за рисунки. Юноша этотъ, освоившійся съ своимъ положеніемъ, Василій Ивановичъ Баженовъ, землякъ Коржавиныхъ, москвичъ, лѣтъ двадцати перенесенный на берега Невы, а черезъ два года въ Парижъ, — теперь уже былъ правой рукой профессора Дюваля, вставалъ съ разсвѣтомъ дня и уходилъ на работы, а дома не выпускалъ изъ рукъ циркуля. Онъ былъ искусникъ и не на одно черченіе. Въ началѣ, съ помощью перочиннаго ножика, онъ изъ лучинокъ

начиналъ дѣлать модели классическихъ зданій съ рисунка—и такъ отчетливо, съ такой математической точностью пропорцій, что первая сдѣланная имъ модель римскаго храма Весты (по Витрувію, котораго онъ во французскомъ переводѣ Леруа зналъ наизусть) изумила наставника. Тотъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы это было дѣломъ рукъ de son etudiant russe. «Sieur Basile изволить шутить?» говорилъ Дюваль, повертывая въ рукахъ модельку. При второмъ же и третьемъ опытѣ профессоръ только разсыпался въ похвалахъ, убѣдившись въ богатствѣ знаній и способностей своего молодого помощника, — можно бы сказать и друга, еслибы въ обычаѣ французскихъ художниковъ минувшаго вѣка не существовала какая-то искусственная сановитость, недопускавшая короткости между наставникомъ и наставляемымъ. Первый всегда считался патрономъ — и эти отношенія во все время курса оставались во всей своей силѣ.

Была пора обѣденная. Баженовъ, отправляясь въ ресторанъ, забѣжалъ на минутку домой.

Наши артисты занимали неслишкомъ-то богатый апартаментъ въ третьемъ этажѣ одного изъ старыхъ домовъ, глядѣвшаго на улицу довольно угрюмо; со двора же казался онъ еще менѣе привлекательнымъ. Не одна сотня постояльцевъ, проходя по его лѣстницѣ, топтала ея истертыя плиты. Штукатурка едва-ли когда поновлялась, и охра получила до того бурый цвѣтъ, что ее можно было скорѣе всего назвать муміей. Входы въ жилище съ этой лѣстницы, были еще менѣе комфортабельны. Двери, особенно въ углахъ, были крѣпко расщеплены, пропускали внутрь и холодъ и сырость. Была впрочемъ пора еще не холодная, — въ первой комнатѣ, служившей и кабинетомъ, и мастерскою, и даже салономъ, работать было сносно, потому что день былъ свѣтлый и окна выходили на солнцепекъ. Въ минувшую зиму и терпѣливому Лосенкѣ работать здѣсь было не въ тер-

пежь. Но какъ ни непривлекателенъ былъ самъ по себѣ этотъ анпартаментъ, онъ отличался однимъ драгоценнымъ качествомъ въ глазахъ художниковъ — громадными окнами. Дурно-штукатуренныя стѣны этой залы приукрасились и гипсиками и этюдами. На полочкахъ видѣлись книги. Прежде чѣмъ сдѣлаться живописцемъ, Лосенко, какъ извѣстно, былъ пѣвецъ придворной капеллы — и эта минувшая профессія напоминалась скрипкою, спутницею досуговъ нашего артиста, уже въ продолженіи пятнадцати лѣтъ.

Но и за развѣшаньемъ тамъ и сямъ художественныхъ аппаратовъ, стѣны обиталища жрецовъ музъ все бы удержали свою неуклюжесть, еслибы во всю ширину комнаты пополамъ не дѣлила ее перегородка, надъ которою въ родѣ балкона возвышались антресоли; лѣстница на нихъ, ничѣмъ не замаскированная, проходила по одной изъ стѣнъ. Благодаря подспорью этихъ антресоль и этой перегородки, перспектива комнаты много выигрывала и на первый взглядъ давала ей возможность произвести даже впечатлѣніе — правда не обыкновеннаго жилища, а скорѣе декораціи для комической оперы съ переодѣваньемъ.

Наши артисты жили у художницъ въ своемъ родѣ — прачекъ, живописно развѣшивавшихъ бѣлье по балюстраду антресоль.

Лосенко, смуглый брюнетъ, съ прямыми черными волосами, съ небольшимъ тонко-обрисованнымъ носомъ, пухлыми щеками и нѣсколько отвислыми губами, одѣтый въ тиковомъ халатикѣ, съ бумажнымъ колпакомъ на головѣ, сидѣлъ у окна за мольбертомъ и старательно работалъ надъ своей картиной «Чудесный ловъ рыбы», когда вошелъ Баженовъ.

— Да полно, Антоша, опять бульонъ будетъ жидкій! — послѣднимъ приходитъ невыгодно. *Madame Guillon* какъ отпустить порцій 70, такъ для насъ съ тобой,

братецъ, останется такая гвага, пожалуй похуже академической, проговорилъ архитекторъ.

— Еще минуточку, Василий Ивановичъ, ты не можешь себя представить! Я поймалъ наконецъ ту экспрессию, которая должна быть у Петра... И Лосенко снова схвативъ кисти, задыхаясь отъ волненія, съ жаромъ продолжалъ переписывать голову Апостола.

— Ну, этакъ мы никогда не пообѣдаемъ; вѣдь ты знаешь, мнѣ надо на работу. Патронъ очень строгъ — если послѣ него придешь, онъ такимъ волкомъ посмотритъ, да еще подумаетъ, что деньги получилъ, такъ и загулялъ.

— Ну, полно, Вася! Ну что значить—минуточку!..

А самъ себя пишетъ да пишетъ, вытягивая губы и отдуваясь — что было характеристической чертой Антона Павловича Лосенки, рѣдко входившаго въ пассію, но зато, когда накатитъ на него вдохновеніе — хоть колъ на головѣ теши, не оторвется.

— Э, да ты еще, братъ, не одѣвался! Ну! пойдешь, али нѣтъ? расхаживая большими шагами, съ нескрываемымъ безпокойствомъ настаивалъ Баженовъ.

— Я почти готовъ... ну совсѣмъ готовъ... отзывается Антонъ Павловичъ, а самъ съ муштабелемъ въ рукѣ отходить на надлежащую дистанцію и вглядывается...

— Совсѣмъ... Совсѣмъ почти такъ... только блечекъ положить...

Баженовъ улыбнулся.

— Такъ какъ же — готовъ? повторилъ онъ, взявшись за бока, — а блечекъ-то ты въ карманъ положи... Да скорѣй поворачивайся!.. взглянувъ на свою увѣсистую семилоровую луковицу на бисерномъ шнурѣ, говорилъ Баженовъ: — эвона! три съ четвертью... и обѣдать не успѣешь... 20 минутъ на все... Постой, чу! это что такое? оборвалъ онъ, прислушиваясь.

На лѣстницѣ мягкимъ и сочнымъ альтомъ раздавался веселый напѣвъ: «tralarira-rira! din-don faridondaine!...»

— Кажись — нашъ enfant prodigue... Да что-то веселье — должно быть деньги получилъ!

— Это бы кстати—бѣднягѣ не хватало ужъ на табакъ, а самъ объ одной пряжкѣ пошелъ, отозвался Лосенко, снявъ бумажный колпачокъ, бережно повѣсивъ тиковый халатикъ на гвоздь и засучивая рукава передъ тазомъ съ водой; но онъ не успѣлъ приступить къ омовенію. Шумно отворенная дверь стукнула его въ затылокъ — художникъ сунулся впередъ и вытянутыми руками ударилъ въ непросохшее мѣсто на картинѣ... Мольбертъ пошатнулся и рухнулъ на полъ.

— Ааахъ!.. погубило все!!!!.. въ ужасѣ завопилъ несчастный; а виноватый, какъ отворилъ дверь ногою, такъ и остался съ приподнятымъ носкомъ, держа двумя пальцами надъ головой превосходную, мишійатюрную художественной работы *шапо де пайль* изъ траганта; на лицѣ застыло выраженіе внезапнаго испуга, не успѣвшего согнать сіяющей улыбки. Баженовъ, схватившись за бока, катался по маленькой софѣ, недавно прибрѣтенной.

— Ой! ой! не могу!.. вырывалось у него въ хохотѣ: — до колотья!.. -ой, умру!..

Впрочемъ это было дѣло нѣсколькихъ мгновеній. Лосенко успѣлъ поднять холстъ и сдувалъ прилипшій къ свѣжей краскѣ соръ, а Федоръ Коржавинъ, придя въ себя, какъ-то тихо опустилъ руку съ своей покупкой и прижавшись къ притолкѣ, затаивъ дыханіе, глядѣлъ на Лосенку ошалѣлымъ взглядомъ.

— Слава Богу!.. вздохнувъ облегченной грудью, произнесъ наконецъ художникъ, успокоиваясь.

Коржавинъ бросился передъ нимъ на колѣна.

— Прости, душа! крикнулъ онъ: — пенарокомъ!.. убей меня Богъ, ненарокомъ!

— Ну ладно! что за счеты! хорошо что смазаль небо, а то бѣда бы...

— А это тебѣ за то, что проморилъ меня безъ обѣда, вставая сказалъ Баженовъ: — идемъ же скорѣе — тури его, Оеда!

— Нѣтъ ужъ теперь со мной! перебилъ Коржавинъ, обнимая пострадавшаго, — въ самую лучшую ресторацію поведу... и... зонтикъ тебѣ красный подарю!..

— Ну, на что мнѣ! отдѣлываясь отъ него говорилъ Лосенко, — идти такъ идти скорѣе...

Лицо и вся осанка Коржавина, дѣтски-моложавыя и очень красивыя, выражали полное умиленіе. Сознаніе вины своей у него наступало вслѣдъ за совершеніемъ промаха или проступка—и покуда не слѣдовало успокоительной развязки въ подобныхъ случаяхъ, онъ бывалъ къ себѣ неумолимъ и неутѣшенъ, считая законнымъ принесеніе всякой жертвы съ своей стороны, которая могла бы уравновѣсить вину или загладить ущербъ. Пока онъ стоялъ у притолки, у него смутно вертѣлась мысль отдать Лосенкѣ все что получилъ отъ банкира, но теперь онъ только вытащилъ изъ кармана туго-набитый вязаный кошелекъ, между петлями котораго просвѣчивало золото.

— Протремъ глазки тетушкинымъ лундорчикамъ! Вѣдь ты, Вася, съ нами? *Vive la bonne chère!* Такое патѣ съѣдимъ, что пальчики оближешь—сочнѣе чѣмъ у тебя написано смазаное мѣсто!...

Слова «патѣ», «*bonne chère*» и проч. привлекли вниманіе еще одного лица; съ антресоль перегнулась через балюстрадъ миловидная бѣлокурая головка, въ кокетливомъ чепчикѣ, изъ подъ котораго выбивались пряди пепельно-золотистыхъ волосъ.

— Отъ патѣ и я не прочь! крикнула дѣвушка чистой парижской частоговоркой; конецъ фразы она докончила, уже сбѣжавъ по лѣстницѣ и стоя среди трехъ пріятелей.

— Какъ же иначе, Эмили! подхватилъ Коржавинъ, взявъ дѣвицу Эмилию за обѣ руки, — берите вашу шляпу, шаль, и *vogue la galere!*

Ручки дѣвицы Ларше были еще влажны, не успѣвъ просохнуть послѣ упражненія ея въ крахмаленны маншеты постояльцевъ, съ которыми достойная *mademoiselle* любила дѣлать свои досуги, дружески завѣдуя ихъ гардеробомъ и чаще всего въ кредитъ.

— Bah! воскликнула она, вдругъ замѣтивъ новость на столѣ, которой ни Баженовъ, ни Лосенко даже не видали, — *Qu'est qu' c'est que ça?* какая миленькая шапо! Это вы мнѣ?

По лицу Коржавина скользнуло что-то въ родѣ совѣстливой нерѣшимости, но въ тотъ же мигъ онъ уже отвѣчалъ съ самой любезной улыбкой: — безъ сомнѣнія, *mon amour!*

— Vous etes vraiment bon garçon, cher Theodore, и заслуживаете прилѣрной награды!..

Нѣсколько минутъ спустя, она уже шла съ нимъ подъ руку, принаряженная, въ панье и съ мушками, счастливая какъ рыбка въ водѣ, щебеча словно птичка весной.

Въ ресторанъ *M-me Guillou* вела стеклянная дверь съ заплатами по стекламъ, пропускавшимъ гораздо менѣе свѣта, чѣмъ бы можно ожидать по величинѣ ихъ, — такъ какъ толстые слои замазки расходились по стеклу въ формѣ всевозможныхъ фигуръ.

Этотъ непышный входъ запирался съ громомъ по блоку — и въ ту минуту когда грянулъ стремительно упавшій камень, грузило двери, привычнымъ глазамъ товарищей открылась вся необширная зала, пышно-величаемая рестораномъ «Золотаго каплуна.» Впрочемъ, кромѣ обѣзлага изображенія на вывѣскѣ, въ этой тавернѣ ни что не напоминало о благородномъ металлѣ; стѣны неизвѣстнаго цвѣта испещрены были мѣловыми

цифрами и разными изображеніями, которыхъ созерцатели не называли. За прилавкомъ стояла женщина довольно полная, блѣдная, крѣпко пристрастившаяся къ рюмочкѣ — и эта привязанность дѣлала ее нечувствительной къ непривлекательности окружающаго. Грубыя двѣ прислужницы относились къ содержательницѣ заведенія безъ всякаго рещекта. Впрочемъ, по достоинству кухни, гдѣ дѣйствовалъ супругъ конторщицы, ресторанъ пользовался славой во всемъ небогатомъ сосѣдствѣ, тѣмъ болѣе что можно было здѣсь имѣть обѣдъ въ кредитъ цѣлые мѣсяцы; за то уже посѣтители «Бяплуна» не жаловались на грязное столовое бѣлье, нечистоту пола, кружево паутины по угламъ и закопченную лампу, мерцающій свѣтъ которой не позволялъ въ духъ шагахъ узнавать знакомыхъ. Клавикорды съ лопнувшей крышкой были перевязаны веревкой — и стояли въ углу на почетномъ отдыхѣ. Противъ этого инструмента лѣпились четыре столика, да три по угламъ. Къ одному изъ нихъ, ближайшему къ эстрадѣ конторщицы, присѣли наши знакомцы.

Хозяйка лѣниво подала засаленную карту, прибавивъ, что майонеза сегодня нѣтъ, а все прочее къ услугамъ господъ. Коржавинъ съ живостью схватилъ карту и потребовалъ за шесть ливровъ лучшій патѣ съ фаршемъ. Лице хозяйки получило при этомъ заказѣ самое любезное выраженіе. Она даже сдѣлала реверансъ, сказавъ, что все будетъ готово dans un moment, но однакомъ моментъ M-me Guillon былъ не изъ обыкновенныхъ — въ ожиданіи патѣ наши друзья успѣли многое переговорить и M-lle Эмили почувствовала даже родъ умиленія. Самъ же угощатель нашелъ всего приличнѣе прочесть письмо тетеньки, за здоровье которой собирались они позавтракать.

Грамотка оломецкой пустынноицы была не очень сложна. Листокъ заключалъ въ себѣ всего строкъ 20;

довольно крупнаго письма, четкимъ, смахивающимъ на печатное, почеркомъ.

«Дорогой Оедюша!

Будь здоровъ на множество лѣтъ. Для Бога, другъ мой, употреби во благо триста рубликовъ, расплатися кому задолжалъ — и когда очистишь себя, то поспѣши въ Питербургъ. Тамо найдешь въ Чернышевскомъ переулкѣ нашего истаго благодѣтеля, Ивана Меркулыча Щукина. Онъ тебя друга моего отправить къ намъ въ Москву не мѣшкотно. А ты намъ нуженъ. Послужи намъ роднымъ твоимъ и всѣмъ нашимъ благопріятелямъ. Зѣло время благопотребно и тебѣ другу моему будетъ сіе въ великую пользу, понеже одна особа зѣло почтенная надежду подаетъ, что тебе друга моего устроить претомѣнно на службу, куда ты самъ пожелаешь. Для Бога, Оедя, послушай и не мѣшкавъ къ намъ будь. Истинно утѣшишь всѣхъ родныхъ, а паче меня, твою тетку, которая самъ знаешь всякаго добра тебѣ желаетъ. Ей, не мѣшкой. Бѣги сего града. Не мало уже кошту въ немъ потратилъ. Прочее не поминаю.

Тетка твоя Марѳа».

— Нѣтъ, тетенька, дудки, чтобы бѣжать сего града!.. Сего никакъ не можно быть. Ноги мои отъ Сенскихъ береговъ оторваться не въ силахъ, сказалъ Коржавинъ, — вы какъ думаете, братцы?

— Ну это ты говоришь напрасно! Слава Богу — что слоняться зря! сказалъ степенный Лосенко.

— Ну да ты-то я знаю готовъ меня и въ монастырь упечь, только самъ-то охочъ здѣсь жить, поспѣшилъ ему отвѣтить Оедоръ Коржавинъ. — Вотъ мнѣ Эмилиа дастъ добрый совѣтъ. *Chere Emilie*, какъ скажете? Слушаться родныхъ и бѣжать отъ васъ или послушать звону тетушкиныхъ рубликовъ? сказалъ онъ, откупоривая бутылку и замѣтивъ по суетѣ, что несутъ блюдо.

— Вы насъ хотите оставить? Вы насъ разлюбили? Вы безъ содраганія хотите ѣхать въ варварскую страну и обратиться въ бѣлаго медвѣдя — но я вамъ за это отомщу—вы не успѣете приѣхать, какъ ваши товарищи вамъ напишутъ, что я уже М-me Peluchez. М-r Peluchez, почтенный человѣкъ, предлагаетъ мнѣ свое ветхое сердце и руку съ кошелькомъ, но я неблагодарная отвергаю его... какъ вы думаете: изъ за чего, мосье Теодоръ?

— Да вѣроятно изъ за того, что этотъ Peluchez кошелекъ-то показываетъ, да не развязываетъ, сказалъ Баженовъ.

Коржавинъ, наполнивъ стаканы и звонко чокаясь съ товарищами, запѣлъ въ упоръ Эмилиі:

Si vous épousez un grand père,
Savez vous ce que vous ferez?
Tout le jour vous ferez grande chère,
Toute la nuit vous... dormirez.

Эмилиа, нисколько не смутясь, чокнулась съ нимъ — и запѣла въ отвѣтъ:

A ce beau jour qu'on doit fêter
Je vous presente ma personne.
C'est le bouquet que je vous donne,
Le voudriez vous bien porter?

— Bravo!—пью въ честь Эмили!.. кричалъ Коржавинъ, увлекая всѣхъ своей веселостью. Тосты пошли за тостами.

Подъ конецъ обѣда все было забыто — и письмо тетюшки Марѣы, и Peluchez, и Дюваль съ его работой, и чудесный ловъ рыбы, по крайней мѣрѣ на этотъ день.

Крушеніе надеждъ.

Первый маскарадъ, въ которомъ Марѳа принимала такое дѣятельное участіе, вскружилъ голову московскимъ красавицамъ — и сила этого впечатлѣнія, на первыхъ порахъ несознаннаго, росла въ нихъ въ геометрической прогрессіи до мѣрѣ того, какъ время, сглаживая подробности, выдвигало въ воображеніи общее обаяніе впервые-извѣданныхъ наслажденій. Если на другой день маскарада мало о немъ говорили, то чрезъ мѣсяцъ толки шли повсюду, а чрезъ два мѣсяца, спали и видѣли какъ бы попасть на маскарадъ. Повтореніе такого же праздника къ новому году поддало царю на каменку. Цѣлые дни проходили въ шитьѣ костюмовъ. Справки приходящихъ подругъ, разпросы маменекъ, посланки всей прислуги по знакомымъ — и все это съѣдено, съ лихорадочнымъ рвеніемъ, съ цѣлью узнать, какіе наряды имѣютъ на своей сторонѣ шансы по части новости и вкуса, какихъ больше будетъ, какъ устроится наконецъ та «торжествующая Минерва», которую готовить, развѣзая днемъ и ночью по старой столицѣ, шутокъ ахтеръ, пожалованный во дворяне.

Не одни суетныя горожанки волновались съ приближеніемъ этой маскарадной карусели. И въ мирныхъ оби-

талищахъ людей древняго благочестія слышались толки объ этой невидальщинѣ.

— Что это за штука кодрель? спрашивалъ одинъ изъ приказчиковъ Молчанова-Хмурова, стоя на дворѣ у амбаровъ.

— Говорятъ, что это плясовыя, отозвался дородный силачъ, ключникъ Кузьма Исаичъ.

— Ну, какія жъ плясовыя, коли на улицахъ! это безперемѣнно что-нибудь по части шукачества. Какой-нибудь обоёмъ можетъ изъ звѣря въ птицу обернется, али тамъ въ рыбу чтоль...

— Н-нѣтъ, совсѣмъ не такъ! перебивая бесѣдующихъ, подскочилъ малый, стоявшій за вѣсами: — мы доподлинно слышали. Тутъ значить рыцари будутъ и цѣлой арміей стихи будутъ пѣть... и всѣ будутъ слушать...

— Доподлинно стихи будутъ, вспомнилъ приказчикъ. — мнѣ говорилъ служба изъ Законоспасакаго — они люди книжные, знаютъ вѣрно... Онъ мнѣ даже сказывалъ, какъ такія представленія чинятся — да вѣдь всего не вмѣстись...

— Ноди ты съ своимъ служкой! ворчалъ ключникъ, — онъ те наскажетъ — зналъ бы продавалъ свои свѣчи...

— Съ колокольнымъ звономъ, слышь, пойдутъ... Со всѣхъ сорока сороковъ, продолжалъ малый, поглядывая то на того, то на другого.

— Ну, не врешь ты?! накинулся на него ключникъ, — статочное ли дѣло чтобъ на дьявольское игрище — да колокольный звонъ!.. Хотя и совсѣмъ во тьмѣ ходятъ, ну иначе все жъ не рѣшатся!.. заключилъ онъ, махнувъ рукой.

Наверху въ хоромахъ шли другіе разговоры...

— При прежнихъ царяхъ лучше было, говорилъ Хмуровъ матери Марѣѣ, сообщавшей свѣжую новость,

слышанную ею въ одномъ дворянскомъ домѣ у знакомки, — встарину-то по граду хаживали только крестные ходы, а въ недѣлю Вайи въ крестномъ - то ходу самъ царь да патріархъ благочестивый — еще не пошатнулась въра-то!.. Самъ царь не что а за поводъ держалъ юмъ патріаршаго, да такъ по городу и шествовали... А эти тамъ рыцари чтоль — это все заморская погань; одно слово: сатанино воинство. Начто намъ—они хороши въ своей землѣ! Или тамъ, примѣрно личина самоѣда или иная образина — и во снѣ не желалъ бы видѣть: натерпишься страху и въ смертный часъ, когда къ одру твоему ангелъ одинъ, а эфіоповъ тьма-тьмушая привалитъ — и отступитъ ангелъ-отъ: не въ моготу, говорить, мнѣ бороться, коли всю жизнь человѣче препровождалъ ты въ сладостяхъ грѣховныхъ.

— А должно быть послѣ торжествующей-то Минервы, государыня въ Питеръ укатитъ. Тамъ и Григорію Николаевичу будетъ повольнѣ, а тутъ его и не видишь... говорила мать Марѳа.

— Принеси побольше — и увидишь. Теперь и не ему одному хлопотъ по горло. Суетятся сердечные — а паче всего говорятъ этотъ ахтеръ, лицедѣй, что каманду имѣетъ: «то, говорить, скверно, другое не ладно... Вотъ вы такъ и такъ...» и начнетъ лицедѣйствовать. Какъ его бишь: Медвѣдевъ, али Лисицынъ... дворянинъ-то новый?... Собакинъ, прахъ его побери.

— Ни такъ ни сякъ, перебила Марѳа, — это Волковъ.

— Такъ его ворога на погубленіе - то человѣческое и подмываетъ... Горячій вишь такой — морозъ позавчера былъ отмѣнный, а онъ себѣ въ одной хламидѣ-то своей разѣзжаетъ какъ ни въ чемъ ни бывало; видно и холодъ его не беретъ.

— Да вотъ кончатъ эту Минерву, такъ опять міръ и покой водворится по слободкамъ въ Москвѣ. А то чего добраго и черницъ-то всѣхъ помутятъ!.. Прой-

дутъ эти дни, минуются — и древнее благочестіе просіяетъ по старинѣ да по чести.

— А ты вотъ что, Марѳа Никитична, обдѣлай-ка мнѣ... какъ бы вдругъ вспомнивъ, заговорилъ Молчановъ:—ино нуженъ намъ человѣкъ вѣрный—зарубежной братіи отъ нашихъ недостатковъ посильную жертву переправить. Они душеньки блаженныя за наши грѣхи молитвы творять неѣдносно, поклоны и начала частые кладутъ... Поговори-ка ты брату; онъ человѣкъ толковый, въ купецкихъ дѣлахъ извыченъ. Пусть-ка онъ намъ бы эту службу сослужилъ, будто этакъ товары въ караванѣ везетъ. Да чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше: ино бы до весны хорошо. Порадовать бы ихъ на праздникъ не мѣшало.

— Почему не такъ — поговорить поговорю: онъ у насъ вѣдь на добрыя дѣла гораздъ и скоръ.

— Такъ сговори — ему можно довѣриться. Пушай съѣздить—въ накладѣ, сама знаешь, не останется...

Въ тотъ же вечеръ мать Марѳа сидѣла въ пріютной свѣтелкѣ братнина дома, Замоскворѣчьемъ въ переулкѣ у св. Климента,—и посвящала Василія во всѣ тайны предстоящей моѣздки, отъ которой тотъ все отговаривался необходимостью своего присутствія въ столицѣ, пока здѣсь находится дворъ. Василій Никитичъ не терялъ надежды получить за казенныя поставки во время Семилѣтней войны; прямо ему и не отказывали, а пока Государыня проживала въ Москвѣ, онъ думалъ пасть къ ногамъ ея съ челобитной.

— Не возьму я въ толкъ, что за крайность! говорилъ онъ сестрѣ, сидя въ большихъ креслахъ, съ книгой на колѣняхъ, — подождутъ, — пропить и проѣсть хватить время,—и будто наконецъ кромѣ меня некого? Вонъ ѣздить въ извозѣ хорошіе люди—вонъ Коробовъ Илья. Да и Косцовы молодые изъ Питера здѣсь — тѣ ваши же, проходимцы извѣстные. Имъ складнѣе. А я

отъ Вѣтковцевъ отвыкъ — да и они разъ ужъ подвели меня — такъ вдругорядъ носа совать не приходится — душа не лежитъ къ этимъ слово-что старцамъ.

— Какъ это у тебя языкъ-то повертывается честить? — люди божествомъ живутъ...

— Ну да вѣдь не пустили тогда къ себѣ; зачѣмъ же я теперь-то поѣду?

— Теперь-то поѣдешь съ письмами отъ Молчанова.

— Да и тогда письма-то были. Письма-то взяли, а ворота-то заперли. Закричали, что осуетился. Привередники, лицемѣры!

— Пожалуйста поѣзжай, ужъ я слово дала за тебѣ, что ты поѣдешь...

— Напрасно, ты бы спросила прежде. Какое тутъ слово! Не близкая дорога, да еще къ завѣдомымъ ворагамъ...

— Опять же говорю тебѣ. Что нибудь да не такъ! Они не вѣдая сотворили пакость.

— Какъ не вѣдая: по имени называли — значитъ знали кто ѣдетъ.

— Ну, такъ видно на тебя кто нибудь нагналъ.

— Можетъ быть; конечно, это Гаврило смутьянъ есть одинъ у нихъ; а я ему не поддамся — не мальчика нашли. Что ему за дѣло, какой я тамъ лжеумствователь!.. благо до нихъ былъ бы хорошъ. А какое мое кощунство? Что я плута вижу насквозь?

— Ну да коли подлинно узнали, что осуетился, какъ же бы принять — благочестіе бы пошатнулось.

— Ахъ, сестра, досадливо сказалъ Коржавинъ, — хоть бы со мной-то ты этихъ комедій не ломала! Знаю я ваше благочестіе. Гдѣ ни проходи мимо келій — все «ува!» кричать.

Мареа засмѣялась и замахала на него обѣими руками.

— А ты прямо говори: ѣдешь, да?

— Не поѣду... —

— Ну да нельзя же... —

— Чего нельзя? — тамъ соври, скажи, что болень моль, рукой не двигается. Да и впрямь вѣдь не владѣю. Уцпай на Косцовыхъ — скажи: парни славные и дравняго благонестія держатся, и никакой сикеры не пьютъ, табачнаго духа не терпятъ, а Василій моль и это бѣсовское зелье ѣсть — потому ему къ святымъ вашимъ и не достойтъ.

— Какъ поѣдешь — и я бы тебѣ свой наказъ дала... —

И она стала ему что-то шептать.

Шопотъ этотъ прерванъ былъ голосомъ жены Коржавина, раздавшимся въ сѣняхъ.

— Милости просимъ! Милости просимъ! говорила Анна Исаевна, — да гдѣ же пропадалъ до сихъ поръ?

Мареа и Василій невольне вздрогнули. Настоятельница отпрыгнула отъ брата и стала смотрѣть въ окошко, обернувшись задомъ къ двери. Василій Никитичъ раскрылъ книгу. Онъ нѣсколько дней не выходилъ изъ дому, чувствуя себя совсѣмъ нездоровымъ. Съ наступленіемъ холодовъ ему казалось нѣтълѣтнее житье на раздѣлѣхъ.

Дверь отворилась — вошелъ Ерофей, съ письмомъ въ рукѣ. Но хозяинъ не могъ встать навстрѣчу и только сдѣлалъ усиліе, заставившее его поморщиться отъ боли.

— Ждали ли вѣстей? — прямо изъ Парижа! — закричалъ Ерофей: — отъ нашего блуднаго сына выходитъ...

При этихъ словахъ на лицѣ оборотившейся Марей выразился родъ испуга.

— Какъ же ты получилъ? спросила она.

— Да тутъ еще товарищъ пріѣхалъ, живописецъ Досенко, къ Государынѣ потребовали, у Волкова при-

сталъ, говорилъ Ерофей, подсаживаясь къ брату, — поразсказалъ таки онъ мнѣ про Оедюшу...

Лицо Марѣы насупилось; она проворно схватила письмо.

— А самъ-то онъ гдѣ-же? спросила она, распечатывая, и не дождавшись отвѣта стала читать. Пробѣжавъ письмо, Марѣа сверкнула глазами на Ерофея, на Василья, щоки ея вспыхивали яркимъ румянцемъ и въ голосъ зазвенѣло раздраженіе...

— Безпутная онъ голова!.. Неблагодаренъ и больше чѣмъ глупъ — скотъ — человѣческаго понятія не имѣеть... Писала кажется толкомъ... Нечего кукольную комедію разводить! Вретъ, да глупо вретъ-то какъ! проговорила она, бросая письмо на столъ.

Лицо ея, всегда прекрасное, въ эту минуту приняло очень непріятное выраженіе злобы. Ноздри раздулись и губы нѣсколько дрожали.

— Вотъ тебѣ за все доброе! Выводи изъ бѣды любезныхъ племянничковъ! Всякій дурой назоветъ, а въ дуракъ-то быть отъ такого щецка не хотѣлось бы!

— Такъ это у тебя значить можно справиться о Оедькѣ? сказалъ Василій Коржавинъ, тоже пробѣжавъ письмо — такъ ты, значить, знаешь его шашни? То-то я ломалъ себѣ голову, на какіе алтыны онъ живетъ за моремъ...

— Не умирать же парню! съ неудовольствіемъ отозвалась Марѣа, — ты вспомни-ка, какъ тебя засадили — не дать же ему сгинуть было! Помочь слѣдовало, не о томъ я жалѣю.

— Ну, а кабы не баловала такъ, да зналъ бы онъ, что хоть тресни, алтына лишняго не получить, такъ больше бы въ дѣло вникалъ, а то маленько и пошаливалъ, вступился Ерофей.

— То есть и не маленько, перебилъ Василій, — а совсѣмъ науку-то отложилъ — книгу продалъ да карты

купилъ. Молви-ка, братецъ, по совѣсти, — вѣдь разнегодяй сталъ мой Ѳедька? Какъ тебѣ передавалъ твой живописецъ-то?

— Ну, да онъ можетъ что и прикрываетъ, а впрочемъ негодей-его не ставилъ. Голова, говоритъ, претивная. Переводы ему съ французскаго, слышь, при посольствѣ поручаютъ — исполняетъ на статью; только лѣнливъ, говоритъ, балуется крѣпко...

Если у Ерофея при этихъ словахъ лицо по обыкновенію ничего не выражало, то братъ его Василій былъ даже какъ-будто доволенъ. Въ голосѣ его слышалось скорѣе добродушіе, нежели горячее негодованіе, ожидавшее случая разразиться. Кипѣло сердце у одной Марѣ. Ей представлялся поступокъ племянника верхомъ черпой неблагодарности и даже умышленнымъ желаніемъ досадить—ей, которая такъ много для него дѣлала. Она собиралась убить двухъ бобровъ разомъ: и племяннику открыть путь къ возвышенію и средства, и себя выгородить—и все это теперь уничтожила безхарактерность Ѳедора, звучавшая въ каждомъ словѣ письма его, еще болѣе безалабернаго, чѣмъ пришедшее лѣтомъ въ Каменозерскую пустынь.

Гнѣвному человѣку бываетъ обидно даже недостаточное сочувствіе со стороны тѣхъ, кому онъ открывается. Въ женщинѣ это еще болѣе замѣтно и дѣйствуетъ гораздо быстрѣе. Хладнокровіе Василья задѣло Марѣ за живое.

— Вотъ какіе родные! — видно сынъ-то по отцу! Хорошъ ты, Василій Никитичъ, видно прекрасныя дѣянія сына достойнаго пріятны тебѣ...

— Пріятности тутъ мало, да и бѣды не вижу, чтобъ изъ себя выходить: Балуется малый на чужой сторонѣ по твоей милости—чтожъ бы по твоему я долженъ былъ дѣлать-то? съ нѣкоторой ироніей въ голосѣ обратился Василій къ Марѣ:—не по пересылкѣ ли требовать

Оедьму изъ Парижа, не палками ли бить?.. или въ солдаты не записать ли, какъ дѣлають иные дворянскіе отцы, не разсуждая: почему все это и для чего все это? Что обязанность отца дѣтище свое вырастить, научить и на ноги поставить—это я понимаю. А заставить трепетать своего взгляда, топотать ногами—и все это чтобъ доказать, что я надъ нимъ властенъ: что хочу—человѣческое ли это дѣло?.. да и звѣри—то этого не дѣлають...

— Однакожъ надо что нибудь, чтобъ страхъ имѣлъ, вмѣшалась Марѳа.

— Да на тебя, сестра, видно столбнякъ нашелъ—совсѣмъ противъ себя говоришь! Страхъ-отъ что?—собственное остерегательство, заботливость не провиниться передъ кѣмъ, сознание что должно дѣлать такъ и такъ—ну это куда ни шло! Добро, когда у самого есть и уздой служить. А когда нѣтъ, этого палкой вѣдь не вколотишь, ни крикомъ, ни бранью не возбудишь—коли чловѣкъ сознанія мало имѣетъ, такъ и послѣднее потеряетъ. А оно можетъ еще придеть и само собой. Поставь ты чловѣка одинъ на одинъ съ этимъ свѣтомъ, чтобъ самъ о себѣ промышлялъ... Поставь его въ крайность—придетъ сперва къ необходимости работать, а тамъ и въ чувствіе...

— Да вѣдь пропадетъ пожалуй...

— Небойсь, не пропадетъ—найдетъ какую лавейку... Онъ такой же Коржавинъ какъ и мы съ тобой! Вѣдь мы же не пропали?.. а еще мнѣ было 15 лѣтъ, какъ отца не стало, да Ерофей по пятому году остался, а ты годовалая чтоль была... И мать прокормилъ, и вы всѣ выросли, а и не билъ я васъ, и власти не показывалъ... Такъ съ чего же мнѣ звѣреть быть до Оедьки-то? Если же вы ко мнѣ близки, такъ онъ еще ближе. А кто жъ не свихивался? Про себя скажу. Самъ ивалъ себѣ такую петлю, что кабы опять не самъ—

никому бы не вытянуть! Да вѣдь и ты, пречестная мать Марѳа, поройся-ко на своей памяти, вѣдь не я же тебя выручалъ изъ твоихъ-то бѣдъ...

— Но кабы ты зналъ, сколько мнѣ-то зла дѣлаетъ онъ этимъ своимъ непослушаніемъ!... воскликнула Марѳа, накидываясь на другую сторону дѣла.

— Вотъ оно что! — тебѣ зла? Ты бы давно такъ и сказала, а я бы тебѣ отвѣтилъ, что взыскивать за то, что дѣлается не такъ какъ намъ хочется — ужъ самое малое не кстаети людямъ сознающимъ, что они человѣки...

— Да онъ и себѣ вредить...

— Ну и брось! — вредить, будетъ наказанъ; а самъ себя наказуя, образумится...

— Но вреда себѣ, онъ портитъ мое дѣло, горячо перебила Марѳа.

— И опять брось — стало быть дѣло само по себѣ пропащее, коли зависитъ отъ такого вѣтрогона какъ Оедька...

— Не пропащее оно, когда бы онъ пріѣхалъ...

— А ты молебень отслужи, что не пріѣхалъ; коли ужъ на первомъ шагу онъ тебѣ свѣтрогонничалъ, что же было бы, когда бъ понадѣявшись отдала ты его руки? Благодарю Бога, что онъ тебя еще не подвелъ... или не хотѣлъ подвести... Да можетъ быть онъ еще не способенъ? Ты вѣдь не писала ему путно: на какое дѣло ты его направила? А какъ ты испытываешь, да станешь на себѣ волосы рвать? Чего ты хотѣла-то отъ него?

— Нуженъ намъ человѣкъ знающій по иностранному и писать чтобы гораздъ былъ...

— Да вотъ тебѣ человѣкъ, на что тебѣ лучше, сказалъ Коржавинъ, указывая на брата, — не правда ли Ерофей? Эхъ ты, Марѳа, печешься о мноземъ. изъ-за тридевять земель выписываешь — а вонъ у тебя подъ носомъ человѣкъ — да и лучше еще: это пиво перебродило, прочіе будутъ!..

Какъ бы повязка спала съ глазъ Марѳы.

— А ты-то Ерофей пойдешь? готовъ? спросила она. — Коли такъ, надо будетъ кое-кому тебя представить... А ты, голубчикъ Ерофей, покажи ужъ себя, порадь!.. тебя сунуть въ этотъ свѣтъ большой, будешь съ барами водиться.

— Что же, консуломъ что ли гдѣ быть, или при посольствѣ состоять? оживился Ерофей.

Василій, улыбаясь, припомнилъ тотъ случай петербургскаго житья-бытья, что такъ потѣшно разыгрался въ гостиной Волкова.

— Вишь онъ какой, откуда прыть взялась! — просто значить: камень его же небрегоша зиждущіе; а это можетъ нетолько подъ одинъ уголъ, а даже и подъ два угла подкатить можно! смѣялся Василій.

На томъ и порѣшили. Марѳа повеселѣла и принялась хлопотать изо всѣхъ силъ. Скромный, степенный Ерофей произвелъ на Молчанова самое выгодное впечатлѣніе. Не прошло недѣли, какъ дружныя усилія дѣятелей раскола и представленіе Ерофея Григорію Николаевичу Теплому возымѣли свое дѣйствіе. Ерофей, преображенный въ чиновника-дипломата, по службѣ правда исполнялъ весьма скромную должность переводчика при коллегіи, а между тѣмъ тайно слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій, будучи обязанъ извѣщать своихъ милостивцевъ о каждомъ шагѣ, неблагопріятномъ для цѣлей общества. Для этого въ урочные дни онъ выдавался съ Молчановымъ и другими старостами и получалъ отъ нихъ наставленія, о чемъ слѣдовало разузнавать. Раскольникамъ онъ очень полюбился ради своей безотвѣтности, такъ что они задумывали даже покрѣче привязать его къ общинѣ, женивъ на богатой изъ своихъ же, чтобы при помощи достатка создать изъ своего раба вліятельное орудіе. Но Ерофей не слишкомъ-то цѣнилъ эту закулисную сторону своей службы, а всего ждалъ

отъ самой службы — и дѣйствительно его скоро полюбили начальники, какъ и вездѣ это бывало съ нимъ на первыхъ порахъ. Съ жаромъ принявшись за новыя обязанности, Ерофей по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома, принужденный даже съѣхать отъ Волкова; да и тому было не до постояльца. Хлопоты по маскараду не давали дохнуть отцу россійскаго театра; онъ дѣйствительно не щадилъ ни силъ, ни здоровья.

И вотъ, состоялось наконецъ это великолѣпное шествіе «торжествующей Минервы» по стогнамъ древней столицы. Изъ нѣмецкой слободы потянулись веревницею маски, наглядно-осмѣивавшія людскіе пороки. Тутъ были и издоимные судьи, и моты, и пьяницы; ѣхали разныя раззолоченныя колесницы, повозки, сани со множествомъ ряженныхъ, которые пѣли приличные случаю и нарочно сочиненныя сатирическія пѣсни. Передъ ними шли хоры музыкантовъ, великаны, карлики. Народъ толпился по улицамъ, въ окнахъ домовъ, на подмосткахъ нарочно устроенныхъ. Пассекъ и Голицынъ, въ блестящихъ латахъ и шлемахъ съ опущеннымъ забраломъ, держа въ рукѣ карусельныя копыя, проѣзжая въ процессіи, вдругъ увидали на подмосткахъ въ числѣ зрителей и Марѳу, богато разряженную. Оба они вскрикнули и переглянулись въ глазныя отверстія шлема; но о томъ чтобы выѣхать изъ рядовъ не могло быть и рѣчи, да кромѣ того впечатлѣніе, произведенное Марѳой на вѣтренаго князя, значительно изгладилось со времени перваго маскарада. Онъ только послалъ ей воздушный поцѣлуй своей желѣзной перчаткой.

Не такъ благополучно прошелъ маскарадъ для творца его.

Съ окончаніемъ торжества и наступленіемъ поста, тяжкій недугъ, развивавшійся съ ужасающей быстротой, скоро сломилъ желѣзный организмъ Волкова. Въ одинъ свободный вечеръ, Ерофей, придя случайно къ

нему, нашелъ уже его слегшимъ. Много бессонныхъ ночей провелъ признательный Боржавинъ у постели больного съ жившимъ въ древней столицѣ, ближайшимъ другомъ Волкова, живописцемъ Лосенко, кисть котораго оставила потомству и симпатическія черты артиста, такъ рано и неожиданно похищеннаго смертью. Волковъ скончался на праздникахъ Пасхи. Съ потерей его, Ерофей какъ бы совсѣмъ осиротѣлъ въ Москвѣ, несмотря на то, что она была его родиной и здѣсь же проживала вся его родня.

По странному противорѣчію его характера, онъ даже обрадовался, получивъ приказъ о возвращеніи на берега Невы, куда дворъ переселялся на постоянное жительство.

Конечно, въ то время еще никому и въ голову не приходило, каково будетъ это царствованіе и какой громкой славой запечатлѣна будетъ эпоха Екатерины и ея орловъ.

VIII.

Возвращеніе блуднаго сына.

Система исправительныхъ мѣръ, предложенныхъ Василиемъ Никитичемъ Коржавинымъ, пошла въ ходъ. Посылка благостынь отъ тетки прекратилась; отецъ тоже не подавалъ о себѣ ни вѣсточки. Черезъ полгода, Ѳедоръ Васильевичъ попробовалъ писать. Письмо достигло назначенія, но отвѣтъ послѣдовалъ вовсе не утѣшительный—онъ заключался всего въ двухъ строкахъ: «одно чадо, да и то чадо; живи какъ знаешь». Возвратившійся Лосенко, на всѣ разспросы, стоялъ на одномъ, что дядя совѣтуетъ молодому человѣку поспѣшнѣе ѣхать домой, и что самъ онъ, Антонъ Павловичъ, обязывался посадить Ѳедора въ почтовую карету, уговорившись съ компаніей дилижансовъ чтобы довести его до Кенигсберга, гдѣ отъ довѣреннаго отца онъ могъ получить возможность обратиться до Москвы или Петербурга. Въ руки же ему положено не давать ни копѣйки.

Ѳедоръ впалъ въ раздумье. Баженову нужно было ѣхать въ Римъ; пришлось потерять, въ лицѣ его, послѣднюю надежду на помощь и ссуды. Кремень-Лосенко держать-держалъ, должно быть получивъ на это полномочіе, а кредита не открывалъ. Переводныя работы, перепавшія чрезъ посольство, и роль чичероне при обо-

зрѣніи Парижа съ прїѣзжавшими русскими путешественниками—давали время отъ времени небольшую поживу и составили множество знакомствъ; но все это были крошки: о патѣ съ ренскимъ и прочихъ сладостяхъ не могло быть и рѣчи. Эмилія становилась холодно-вѣжливой, да и самъ Ѳеодоръ какъ-то поутратилъ прежнюю шаловливость. Платье его окончательно обносилось; онъ сталъ небреженъ въ отношеніи своей внѣшности, жилъ день за день. Но и при такихъ обстоятельствахъ къ послѣдней мѣрѣ онъ прибѣгнулъ только въ крайности, съ отъѣздомъ Лосенки и по письму. Баженова уже изъ Петербурга, откуда старый прїятель звалъ прїѣзжать прямо, не боясь непрїятностей отъ родныхъ. Баженовъ завѣрялъ, да и Ѳеодоръ зналъ, что они были не злопаметны и охотно дали бы денегъ, еслибъ надѣялись на возвращеніе заблудшаго дѣтища.

Къ этому времени, ровно черезъ два года послѣ первой поѣздки Лосенки въ Россію, присланъ былъ въ столицу Франціи курьеръ иностранной коллегіи, и чрезъ недѣлю долженъ былъ возвращаться назадъ. Лосенко пустилъ въ ходъ всю свою политику, уговоривъ кого слѣдуетъ въ посольствѣ—употребить даже маленькое принужденіе для возвращенія родинѣ заблудшей овцы; самъ же долго не рѣшался сказать прямо. Но, противъ ожиданія, при первыхъ же словахъ его предложенія, Ѳеодоръ выразилъ полную готовность подчиниться. На радостяхъ Лосенко даже угостилъ его въ Пале-Рояль. Къ счастью, сборы были недолги — и на утро, Ѳеодоръ Васильичъ покинулъ сенскіе берега. Крѣпко защемило у него сердце, когда неуклюжій рыдванъ-дилижансъ, шестерикомъ дюжихъ нормановъ въ шорахъ, выбрался на дорогу въ Лилль — и возвышенность, поросшая деревьями, скрыла послѣдніе признаки оставленной столицы, куда Ѳеодоръ прибылъ почти ребенкомъ и гдѣ провелъ лучшіе годы молодости. Ровно черезъ десять дней, курьеръ и его спут-

никъ въѣхали въ Нарвскую заставу столицы Петра, гдѣ нашъ русскій парижанинъ отъ роду не бывалъ. Не скрывая удивленія, поглядывалъ онъ на эти дома, улицы, мосты и перспективы, пробираясь къ Васильевскому острову, гдѣ жилъ Баженовъ—въ самомъ зданіи Академіи.

Съ послѣднихъ годовъ царствованія Елисаветы, подъ Шуваловскую Академію отдали всѣ три дома на Неву, между 3-й и 4-й линіей, застроенные при Петрѣ, при Аннѣ конфискованные у Долгорукихъ и при Елисаветѣ еще разъ перемѣнившіе владѣльцевъ. На уголъ 4-й линіи помѣщалась аптека; ее можно было издали отличить по громадному золоченому орлу, между 3-мъ и 4-мъ этажемъ, посрединѣ фасада. Непосредственно надъ этимъ орломъ, во 2-й этажъ вели громадныя двери съ открытаго крыльца о двухъ сходахъ, съ противоположныхъ сторонъ. Пять оконъ въ этомъ этажѣ и по 6-ти въ слѣдующихъ были подъ стать громаднымъ дверямъ и рѣзко отличали аптеку отъ сосѣдняго фасада, гдѣ строитель какъ будто бы скупился на просторъ, прорубая частыя окна, узкія и недлинные. Крылечко настолько же скромныхъ размѣровъ служило входомъ—самымъ бѣднымъ сравнительно съ сосѣдними, особенно съ выходившимъ на 3-ю линію. Здѣсь,—рѣдкость въ тогдашнемъ Петербургѣ — выступавшая впередъ колоннада поддерживала фронтонъ съ несбитымъ еще гербомъ Головкиныхъ, повторявшимся на всѣхъ замкахъ оконныхъ наличниковъ, надъ всѣми дверями; тоже и надъ входнымъ крыльцомъ. Отъ каждаго дома къ Невѣ шли отдѣльные на сваяхъ высокіе мостки, далеко уходившіе въ рѣку, такъ что къ мосткамъ этимъ могли приставать прямо большія суда. Скуплено было еще нѣсколько сосѣднихъ домовъ по обѣимъ линіямъ — и составилъ уже проектъ созданія цѣлаго дворца искусствъ, на мѣстѣ этихъ разнокалиберныхъ построекъ. Долго-отсрочиваемая закладка громад-

ныя зданія должна была послѣдовать на этихъ дняхъ. Утвержденъ былъ и церемоніаль торжества. Работа кипѣла надъ орнаментацией фасадовъ. Невскій берегъ передъ всѣми тремя фасадами былъ не широкъ и очень низменный. Поэтому, при устройствѣ пышнаго торжества закладки новаго зданія, предположено было, вровень съ высотой мостковъ, настлатъ сплошную эстраду и устроить пристань съ триумфальнымъ входомъ; снявъ отдѣльныя загородки. Сверхъ лежней, по перекладамъ мостили уже эстраду. Мѣсто работъ заборомъ обнесено не было, а только закинуто рогатками. Подходя къ нимъ, Коржавинъ еще издали призналъ высокорослаго производителя работъ. Баженовъ кинулся къ нему — и подъ впечатлѣніемъ неожиданной радостной встрѣчи, соскочилъ съ помоста прямо въ объятія стариннаго друга.

— Что это ты дѣлаешь? спрашивалъ Федоръ, новодя глазами во всѣ стороны.

— Строю павильонъ, нужно сегодня поставить. Къ будущей недѣлѣ надо совсѣмъ покрасить и позолотить. Да что тутъ разсуждать, пойдемъ ко мнѣ...

— Да дай посмотрѣть, чтó у васъ тутъ строится — штука важная, хоть бы и не по Питеру, говорилъ Федоръ, проходя по настланному тесовому полу. — А какая жь это лѣстница къ Невѣ?

— Государыня должна тутъ подъѣхать...

— На чемъ?

— На шлюбкѣ.

— Да вонъ и ѣдетъ какая-то.

— Гдѣ? э, нѣтъ... это нашъ президентъ... Да ты его должепъ знать — онъ въ Парижѣ долго жилъ. Слыхалъ конечно про принцессу Ангальтъ-Цербстскую?

— Что умерла-то? У нея еще былъ маркизъ Фоленъ управляющимъ...

— Она самая. Такъ вотъ и онъ тоже ея знакомецъ — Иванъ Ивапычъ Бецкой.

— Высокій; изъ себя худошавъ? говорилъ Коржавинъ, всматриваясь въ подходившую шляпку, — да я его, братецъ, знаю: у князя Голицына выдастъ...

— А знаешь, такъ представляйся скорѣй — онъ теперь въ силѣ.

Друзья подбѣжали къ шляпкѣ. Сильныя руки молодыхъ людей приняли, приподнявъ, бодрого еще, но уже сильно пожилаго кавалера.

— Votre excellence, permettez moi de vous presenter mes hommages, началъ Коржавинъ, расшаркиваясь, — j'ai eu le bonheur suprême de faire votre connaissance à Paris...

— Soyez le bienvenu! подхватилъ Бецкой съ просіявшимъ лицомъ, предвкушая встрѣчу съ французомъ *rig sang* и, судя по всему, хорошаго тона. — А вы прямо изъ Парижа? Ну, какъ наши друзья? Всѣ здоровы? очаровательная *M-lle de l'Espirase*? наша общая наставница, единственная *M-me Geoffrin* — вы не можете себѣ представить, какъ я много обязанъ ей благосклонности, она доставила мнѣ случай узнать великаго Дидро, бессмертнаго Мармонтеля...

Этихъ немногихъ именъ было достаточно, чтобы Федоръ смѣкнулъ, какимъ сортомъ людей интересуется Бецкой. Онъ поспѣшно отвѣчалъ съ улыбкой:

— Всѣ здоровы, ваше превосходительство, и, въ свою очередь, съ восторгомъ вспоминаютъ тѣ сладостныя мгновенья, которыя вы изволили удѣлять имъ въ рѣдкіе часы вашихъ досуговъ...

— Будто они не забыли меня? говорилъ Бецкой, при чемъ длинныя морщины его худошаваго лица сложились на щекахъ и у губъ въ осклабленную мину явнаго удовольствія. — Эти гении человѣчества помнить обо мнѣ? А *propos*, скажите, что нашъ нелюдимъ Руссо по прежнему чуждается свѣтилъ нашего времени?

— Все такъ же, ваше превосходительство, совсѣмъ забился въ свою нору...

— По прежнему враждуетъ съ Д'Ольбахомъ, все ему грезятся интриги противъ него?.. Ну, что самъ баронъ Д'Ольбахъ—такой же живой, бодрый?..

— О, да, ваше превосходительство! онъ совсѣмъ не перемѣняется... Его блестящій умъ только получаетъ высшую полировку и при каждомъ случаѣ разсыпаетъ море алмазныхъ остротъ. Въ прошлый сезонъ онъ особенно отличился...

— Д'Ольбахъ? Разскажите, пожалуйста, разскажите.

— Пріѣзжаетъ въ Парижъ Юмъ, le fameux Hume, vous savez! и въ салонъ Д'Ольбаха встрѣчаетъ весь блестящій синглитъ энциклопедіи...

— Ну, чтожъ этотъ тюлень? я думаю, почувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ?

— Онъ вдругъ сталъ доказывать невозможность атеизма и переважно заявилъ, что не видывалъ атеиста въ полномъ смыслѣ слова. А Д'Ольбахъ превѣжливо ему и докладываетъ: «вы были очень несчастливы, но за то можете считать себя вполнѣ вознагражденнымъ за прежнія неудачи: передъ вами въ настоящую минуту за этимъ столомъ цѣлыхъ семнадцать», такъ и срѣзалъ бѣднягу.

— Да, ну этихъ крѣпкоголовыхъ островитянъ не проймешь французской солью. Онъ вѣроятно не понялъ всей прелести каламбура... Что, я не припомню, вдругъ перешелъ онъ къ другому,—память моя такъ слаба, совсѣмъ изъ ума ваше имя...

— Федоръ Коржавинъ, ваше превосходительство...

— Изъ пансіонеровъ правительства?

— Нѣтъ, я путешествовалъ на свой счетъ.

— Такъ стало быть не художникъ?

— Я занимался болѣе литературой...

— Ну, это все равно, все та же служба Аполлону, стало быть вы не можете не интересоваться нашимъ рассадникомъ искусствъ, продолжалъ онъ чистѣйшимъ французскимъ языкомъ, — *allons voir*. Взявъ ласково

Федора подъ руку, президентъ повелъ его въ Академію, рассказывая и показывая: какъ что будетъ. Федоръ поддакивалъ, сыпалъ цитаты изъ энциклопедистовъ, и изъ «Эмilia», и дѣлалъ видъ, что изумленъ до чрезвычайности глубокими соображеніями Бецкаго.

Баженовъ слѣдовалъ въ почтительномъ отдаленіи, думая про себя: «Экій молодецъ этотъ Федька! куда его ни сунь — вездѣ найдется. Что-бъ это было, кабы не такой вертопрахъ!

Бѣглою французской скороговоркой, не лишенной блеска, — котораго никогда не имѣла русская рѣчь Ивана Иваныча, — Бецкой началъ прежде всего деклараціей, что ему по неизрѣченной благосклонности судьбы удалось привести въ исполненіе хотя малую часть великихъ предначертаній Даламберта и особенно Руссо — относительно образованія новой породы людей, свободныхъ отъ преступленій, позорящихъ человѣчество.

— Благодарю Высочайшее существо, говорилъ президентъ, воспламенившись, — за то что оно сдѣлало меня слабымъ орудіемъ своихъ велѣній, дабы показать, какъ удобно съ неразумнаго младенчества вдохнуть въ этихъ юныхъ питомцевъ зачатки всѣхъ добродѣтелей, скрывъ отъ нихъ, такъ что они и представить себѣ не могутъ, гибельные пороки, которыми заражены грубые, необразованные люди, къ несчастію ихъ родители. Мало того, мой юный другъ, схвативъ и потрясая руку Коржавина, въ патетическомъ волненіи изъяснялъ восторженный президентъ, — вдохнуть добро и предохранить отъ порока — это самое меньшее изъ благъ, ожидаемыхъ нами отъ разумнаго воспитанія, которому я посвятилъ всю свою жизнь. Мы можемъ сдѣлать изъ этихъ юныхъ существъ кого угодно. Художниковъ? прекрасно! Мы младенцевъ окружимъ, съ самаго вступленія въ садикъ нашего образованія, изящными предметами, которые невольно виѣдряются въ память, и въ смыслъ,

и въ сердце ихъ. — Привыкнувъ дышать этой атмосферой, нѣжныя существа, получая въ свои руки орудіе необходимое для того или другаго искусства, проявляютъ уже счастливую наклонность къ нимъ, такъ что воспитателямъ остается только не мѣшать имъ, а они вырастая будутъ уже тѣмъ, чѣмъ судьба имъ быть опредѣлила...

Этотъ монологъ продолжался во все время перехода изъ помѣщеній Академіи-собственно къ домамъ, гдѣ расположено было воспитательное училище, совсѣмъ закрытое—по видамъ президента-учредителя. Апрѣля 21 истекшаго года, по публикаціямъ въ Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ, стали принимать сюда дѣтей отъ трехъ до пяти лѣтъ включительно. Переступивъ за порогъ этого разсадника будущихъ *великихъ людей*, дѣти передавались на руки французенкамъ-нянкамъ, все достоинство которыхъ заключалось въ томъ, что онѣ родились въ деревняхъ сосѣднихъ съ Парижемъ—и согласились, взаимнѣ занятіи портнихъ и прачекъ, разиграть на берегахъ Невы роль наставницъ; конечно, за хорошее жалованье. Ихъ одѣвали на казенный счетъ, не только чисто, но даже съ претензіями на моду, чтобы не сказать вычурно.

Все это былъ народъ разбитной и веселый, у котораго на умѣ были далеко не философскія теоріи преобразования людей настолько-дешевымъ способомъ.

Сѣдовласый служака, со скромнымъ выраженіемъ плутовскаго лица, почтительно растворилъ двери святилища передъ президентомъ и любопытнымъ спутникомъ — и глазамъ Федора представилась обширная зала. У маленькихъ столиковъ, разставленныхъ безъ всякаго порядка, гдѣ въ рядъ, гдѣ въ два, *dans un desordre artistique*, щебетали десятка два или три молодыхъ французенокъ, заливаясь своимъ громкимъ смѣхомъ. — Еслибы не дѣти, блуждающіе тамъ и сямъ,

трудно бы было сказать, что это соборъ воспитательницъ.

Съ рѣзвостью, свойственной дѣтямъ шаловливой Лютеціи, молодые особы бросились — было къ президенту, но присутствіе посторонняго задержало ихъ на мигъ. Бецкой сообщилъ, что это пріѣзжіи изъ Парижа — и это водворило сразу полную безцеремонность. Конечно, послѣ первыхъ фразъ, Ѳеодоръ началъ разспросы о мелочахъ воспитанія, чѣмъ привелъ въ полнѣйшій восторгъ восхищеннаго Бецкаго. Любезный сановникъ, вмѣсто воспитательницъ, самъ поспѣшилъ удовлетворить распросы парижанина изъ русскихъ, какъ ему показалось достойнаго состязаться съ великими философами, посѣдѣвшими надъ рѣшеніемъ великихъ задачъ жизни.

— А гдѣ нашъ несравненный мсье Кювилье? — я васъ представляю этому достойному кавалеру, отнесся президентъ къ Коржавину, простирая свою любезность до короткости, — пожалуйста, попросите мсье Кювилье.

Но Кювилье не оказалось дома. Взамѣнъ его явилась М-ше Кювилье, въ отсутствіи супруга разыгравшая роль инспектора, по формальному ордеру Бецкаго.

Это была довольно плотная, румяная дама, лѣтъ тридцати, отъ которой такъ ирзали оздоровьемъ. Вышла она къ президенту совсѣмъ по домашнему.

Съ инспекторомъ-дамой Бецкій поспѣшилъ познакомиться Коржавина, заявивъ ей, что такъ какъ мсье Theodorge («Коржавинъ» онъ забылъ) имѣлъ обязательность заявить свое сочувствіе великому учрежденію, то онъ, президентъ, полагаетъ совершенно-необходимымъ для обоюдной пользы дѣла и учрежденія, чтобы мсье пользовался полнымъ расположеніемъ мѣстной администраціи и при посѣщеніяхъ своихъ совершенно безпрепятственно могъ бы изучать ходъ дѣла. Другими словами, Ѳеодоръ получилъ *carte blanche* для посѣщенія цѣлаго роя француженокъ, свѣженькихъ, молодыхъ и скучающихъ.

На прощанье ему протянуто было дюжины двѣ рукъ, всевозможныхъ формъ и величины.

Нечего прибавлять, что этимъ посѣщеніемъ были довольны всѣ — но едва ли не болѣе всѣхъ самъ Иванъ Ивановичъ.

«Какъ неожиданно судьба расточаетъ свои благосклонности — тамъ гдѣ всего менѣе ожидаешь!» записалъ онъ себѣ въ книжкѣ въ тотъ вечеръ послѣ некроткаго искуса или испытанія, потому что изъ академіи Бецкій привезъ молодого друга къ себѣ на домъ и показавъ ему тайнства домашняго обихода: цыплятокъ, выведенныхъ въ искусственной форфоровой печкѣ, собачку приученную лизать руку, ручныхъ канареекъ, летавшихъ свободно по комнатамъ и садившихся на плечи гостей. Бесѣда о всѣхъ системахъ улучшенія человѣческой расы, какія только были пущены въ ходъ французскими умниками, затянулась такъ долго, что надъ Невой уже разлилась прозрачная полутьма Петербургской ночи, когда, довольный собою, Федоръ вышелъ изъ президентскаго дома, теперь ему всегда открытаго.

— И неужли все это я не во снѣ видѣлъ? думалъ онъ, переправляясь чрезъ Исакиевскій мостъ, къ Академіи, чтобы ночевать у Баженова. Онъ полагалъ, что найти друга будетъ не трудно — и дѣйствительно, подходя къ эстрадѣ, онъ увидѣлъ архитектора почти въ томъ же положеніи какъ и въ первый разъ. Павильонъ уже торчалъ силуэтомъ, прорѣзывая безтѣнную атмосферу. Работа топоровъ смокла. Зато струги при пѣсняхъ двигались въ десяткахъ искусныхъ рукъ. Стали уже собирать столярныя части балюстрада.

— Ну, братъ, Федя, кабы ты зналъ, какой тревоги ты у насъ кое-кому задалъ!.. да я тебѣ все расскажу.

Черезъ нѣсколько мгновеній, нашъ пріѣзжій, уже сбросивъ кафтанъ, сидѣлъ за обильной трапезой и чокался съ другомъ, сохранившимъ для него всю прелесть преж-

нихъ отношеній. Вино, поданное на радостяхъ, сдѣлало передачу ощущеній еще живѣе, хотя болѣе искренной она уже не могла быть.

— Такъ рассказывай же, что у васъ было? пересказавъ по порядку всѣ подробности, началъ Коржавинъ.

— Да вотъ что, братецъ ты мой; ты не видалъ, какъ за вами слѣдовалъ пѣкто въ новомъ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ крючки? Это видишь ты прозывается Александръ Михайловичъ Салтыковъ — теперь онъ пристроился въ секретари Академіи, а недавно былъ комиссаромъ по приему кирпича, да бревенъ. Такое преобразование совершилось благодаря знанію французскаго языка съ грѣхомъ пополамъ, да маранью бумаги на переводы съ того же языка печатные. — Онъ и перелагатель.

— То-есть ты можешь хотѣлъ сказать перелыгатель? сострилъ Ѳедоръ.

— Прилыгатель, скорѣе. Онъ, видишь ли ты, при нашемъ президентѣ играетъ роль соглядатая, передавая всѣ свои выдумки, а тотъ и вѣритъ всему и набрасывается на кого придется, какъ тамъ его эта птичка настроятъ. А птичка-то эта начинаетъ ужъ крѣпко умничать; но все же понимаетъ, что такія подслуги шатки, и конечно пугается всякой неожиданности. Такой неожиданностью для него было твое появленіе съ президентомъ. Со мной-то, какъ вынимали изъ шляпки, онъ тебя не видалъ. А видѣлъ какъ съ тобой баринъ — то нашъ по французски разсыпался и какъ ты ему рѣзалъ. У страха глаза велики. Ему показалось, что ты заправскій маркизъ, прямо изъ Парижа выписанъ и стало быть у Ивана Иваныча будешь, ближе чѣмъ онъ. Какъ вы уѣхали, приходитъ нашъ директоръ, Александръ Филипповичъ Кокориновъ, — вотъ ужъ душа, я тебѣ скажу. Непростительно ему только, что онъ эту гадину ввелъ. Чувствую я, что онъ ему отплатитъ за добро скверностью — теперь конечно еще далеко. Вотъ идетъ Ко-

кориновъ, а Салтыковъ къ нему: «такъ и такъ говорить — какого-то привезъ француза и должно-быть новаго инспектора. Его высокопревосходительство приказъ Кювильершѣ самой, чтобы этому французу все рассказывали. Вотъ что у насъ готовится. Мнѣ наказывали распорядиться доставкой этому французу приглашенія на инаугурацію; а какъ его титуловать, говорятъ, спроси у Баженова». Кокориновъ ко мнѣ: «кого это, говорятъ, привозилъ Иванъ Ивановичъ?» Я смѣюсь: «это, говорю Коржавинъ, мой добрый пріятель». «Какъ, какъ! совсѣмъ посоловѣлъ Салтыковъ: — и русскій и такъ прекрасно объясняется, и его высокопревосходительство такъ благосклонны!», а самъ — то Салтыковъ при этомъ такую скорчилъ рожу, что мы съ Кокориновымъ не удержались — въ закаты!

— У васъ, братцы, просто, чудеса тутъ въ Петербургѣ!..

IX.

Самъ себѣ врагъ.

Для того, кто большую часть жизни одиноко прожилъ по чужимъ угламъ, перспектива семейной жизни, съ первыхъ шаговъ, имѣетъ невыразимое обаяніе. Человѣкъ въ собственныхъ глазахъ своихъ перерождается. Недовѣрчивость, робость, несообщительность, застѣнчивость и пожалуй дикость его, обыкновенное слѣдствіе замкнутости, въ новомъ положеніи какъ-то незамѣтно проходятъ. Скупой на слова — дѣлается вдругъ острякомъ; терявшій вѣру во всѣхъ, а въ себя прежде всего, обращается въ энтузіаста. Самая наружность при такой ломкѣ утрачиваетъ почти все существенное въ своей характеристикѣ. Въ первое время конечно самому кажется все это страннымъ. Усмѣхається человѣкъ своему новому задору или отвагѣ, но скоро начинаетъ считать эти качества себѣ присущими — и обидѣлся бы, еслибы кто усомнился въ этой его вѣрѣ. Греза переходитъ скоро въ существенность, особенно если безоблачное затишье новаго положенія ничѣмъ не нарушается извнѣ. Таково точно было состояніе Ерофея Коржавина.

Какъ бы за всѣ прежнія лишенія, проказница судьба начала валить на него всякія блага, почти безъ разбора,

Создалось служебное положеніе, за нимъ явился достатокъ и значительность, а потомъ въ довершеніе всего и подруга жизни, существо доброе, неспособное огорчать кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе мужа. Съ понятіемъ о мужѣ въ умѣ суженой Ерофея Никитича всегда слагалось представленіе суроваго повелителя, которому грѣхъ не только перечить, но даже и думать, что онъ можетъ быть въ чемъ-нибудь не правъ. Существо съ такимъ пониманіемъ вещей было однакоже отнюдь не лишено привлекательности, да, по милости родителей могло обезпечить себѣ и достатокъ и независимое существованіе. Соничка по крайней мѣрѣ 15-ю годами оказывалась моложе Ерофея, сосватаннаго при помощи Хмурова. Соединясь неразрывными узами, супруги не вдругъ могли наладить, какъ кому вести себя относительно другой стороны. Соничка въ первые дни новой жизни пристально вглядывалась въ безхитростное лицо своего повелителя, все ожидая что вотъ-вотъ грянетъ буря; такъ какъ по словамъ тетюшекъ гроза въ сожителѣ необходима. А Ерофей Никитичъ про себя соображалъ, что коли такую благостыню разомъ ему отвалили, то это неспроста: какой-нибудь тутъ изъянъ да скрывается? Недаромъ она на него такъ пристально смотритъ? Вѣроятно подмѣчаетъ пятнышки на его нравственной природѣ, а какъ узнаетъ ихъ, тогда не убраться.упрековъ. — Или можетъ она причудлива сильно: какъ тутъ узнать, что она любитъ? Въ этихъ взаимныхъ наблюденіяхъ скоро пролетѣлъ мѣсяцъ, и другой, — но, каждая недѣля ослабляла силу тяжелыхъ ожиданій. Всѣ грозы уже были забыты въ то время, когда понаѣхала родня и женина и Коржавина къ новымъ хозяевамъ, въ домикъ на Хамовой улицѣ.

Федоръ, являсь къ дядѣ, по родственному, въ обѣденное время, засталъ у него Марѳу и Щукиныхъ; и еще человѣкъ пять гостей. Ерофей Никитичъ искренно ему

обрадовался, и тотчасъ познакомилъ съ женой и съ прочими. Ловкій, разговорчивый, красивый, одѣтый по французской модѣ, Ѳедоръ сразу всѣмъ понравился, особенно Нимфодоръ Харитоновнѣ, которая такъ и засыпала его вопросами о парижскомъ житьѣ-бытьѣ. Одна Марѳа на первыхъ порахъ выказывала нѣкоторое недовольство и намекнула-было ему, что онъ поступилъ съ ней совсѣмъ не по родственному; но шутница Щукина зажала ей ротъ, жеманно говоря: «перестань, радость, неравно Ѳедоръ Васильевичъ подумаетъ, что мы здѣсь злыя-презлыя»... и засмѣялась, выставляя свои ямочки на румяныхъ щекахъ, какъ бы наглядно доказывая молодому человѣку, что онъ воленъ ожидать чего угодно, только отнюдь ужъ не злости. Сама Марѳа поддалась ея заразной веселости. «Ну, ужъ Богъ съ тобой — что старое поминать!» проговорила она, махнувъ рукой. Ѳедоръ перехватилъ эту руку на-лету и поцѣловалъ ее съ такой почтительной нѣжностью, что мать Марѳа окончательно смягчилась и сама стала спрашивать племянника.

Ѳедоръ совсѣмъ почувствовалъ себя какъ дома — и даже когда мать Марѳа, для соблюденія предобѣденнаго порядка, потребовала, чтобы хозяева стали парой передъ столомъ и произнесли обычное приглашеніе гостямъ сдѣлать честь трапезѣ, онъ засмѣялся.

— Какъ это можно? воскликнулъ онъ, — на что это похоже? Ужъ тебѣ-то дядя непростительно; во Франціи бывалъ, насмотрѣлся порядковъ европейскихъ.

Молодые покраснѣли отъ этой неожиданной выходки. На лицахъ присутствующихъ тоже выразилось смятеніе — и могло бы принять оттѣнокъ недовольства, еслибъ замѣчаніе послѣдовало не отъ Ѳедора, которому въ качествѣ парижанина и желаннаго гостя не только все сходило съ рукъ, но еще и принималось съ особенной благосклонностью. Пока усаживались за столъ, въ

комнату вошелъ новый гость, въ форменномъ академическомъ бѣломъ кафтанѣ, при шпагѣ, съ распушенной шляпой въ рукѣ и съ пакетомъ на днѣ тулѣ. Окинувъ взглядомъ присутствующихъ, онъ прямо подошелъ къ Федору и съ поклонами заговорилъ гнусава на французскій ладъ: «его высокопревосходительство, господинъ президентъ Императорской Академіи трехъ знатнѣйшихъ художествъ, поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ, милостивый государь, какъ лучшему украшенію просвѣщавшагося въ иностранныхъ земляхъ россійскаго юношества, свое высокопочитаніе, и вручить ваш... ваше... ству... сіе приглашеніе на инаугурацію... Его высокопревосходительство лѣстить себя надеждою зрѣть васъ въ оный высокаторжественный день въ стѣнахъ нашей Академіи... Господинъ Баженовъ указалъ мнѣ найти васъ здѣсь... такъ вотъ я и отправился»... Произнеся это, онъ съ поклономъ передалъ пакетъ, прибавивъ скороговоркой: «ко услуженію вашему готовый, майоръ и оной Академіи конференцъ-секретарь Александръ Салтыковъ».

— А, да! Иванъ Ивановичъ взялъ уже съ меня слово, чтобы я былъ, — напрасно изволилъ онъ беспокоиться, отвѣтилъ Федоръ.

Впечатлѣніе этой рѣчи на присутствующихъ было ошеломляющее. Всѣ глядѣли разинувъ ротъ и переводя глаза то на Салтыкова, то на Федора. Самъ Ерофей Никитичъ привсталъ, упрашивая гостя откусать хлѣба соли.

— Мнѣ право недосужно, повторялъ Салтыковъ, откладывая шляпу, будто нехотя присаживаясь, и рассыпаясь въ увѣреніяхъ, что у него заботъ-заботъ не оберешься, всюду онъ одинъ и надо бы спѣшить, но желаніе принести дань своего уваженія молодому другу его высокопревосходительства заставляетъ его пожертвовать нѣсколькими изъ ограниченнаго числа минутъ...

Но и на этотъ вызовъ, самъ виновникъ всего впечатлѣнія, Ѳеодоръ не выказалъ даже приличнаго случаю вниманія; сухо поблагодаривъ Салтыкова и замѣтивъ только, что ему очень совѣстно личное выполненіе этой комиссіи г-номъ секретаремъ, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, онъ занимался весьма усердно пирогомъ и Нимфодорой Харитоновной, которая теперь окончательно развѣсила уши на его любезности. Въ жару перекрестнаго разговора онъ даже не замѣтилъ, какъ удался Салтыковъ, хотя господинъ секретарь долго натягивалъ перчатки и покашливалъ, расклевываясь изъ стороны въ сторону. Всѣ присутствующіе, кромѣ Ѳеодора привстали съ мѣстъ, и когда посолъ вышелъ, Ерофей Никитичъ замѣтилъ Ѳеодору неприличіе такъ относиться къ почтенной особѣ съ шитьемъ и при шпагѣ.

— А зачѣмъ чортъ его принесъ? небрежно отозвался Ѳеодоръ, — я и видѣть-то его не желалъ бы, а не только съ нимъ ласы точить! кабы вы знали, что это за язва! И Ѳеодоръ съ прикрасами рассказалъ свое вчерашнее приключеніе. Это окончательно упрочило успѣхъ Ѳеодора. Всѣ болѣе или менѣе почувствовали то, что ощущалъ самъ Салтыковъ, выходя изъ дома. Значитъ, сознаетъ себя въ силѣ человѣкъ, коли и говорить не хочетъ съ чиновными особами средней руки, — значитъ, подымай выше — далеко пойдетъ.

Нимфодора Харитоновна всячески заигрывала съ Ѳеодоромъ во время стола, бросала въ него мякишемъ хлѣба, смѣялась и приговаривала: «ужасть какой неуязвимый, сорочкѣ родился, какъ ни брошу—все мимо».

— Зато стрѣлы вашихъ глазъ вѣрнѣе бьютъ — прямо въ цѣль! сказалъ Ѳеодоръ, склоняя голову.

— Эй ты, балагуръ, ты смотри у меня, въ нашъ огородъ камней - то не бросай — нельзяль помимо? подшутилъ Щукинъ, давно уже на нихъ косившійся, — а то жену отобьешь — самъ плакаться будешь.

— Ахъ, Иванъ Меркулычъ, смѣясь перебила его жена, — знакомы мы съ тобой съ хорошими господами, а ты все не присмотрѣлся, какъ теперича гдѣ ни по-слышь: все махаются — и никому не въ укорь... Это ты только у меня такой, неподобный что все въ за-правъ берешь... Поговорятъ да на томъ и съѣдутъ.

— То-то поговорятъ, сказалъ Щукинъ, принимаясь за гуся съ капустой.

Развѣзжаясь послѣ обѣда, гости всѣ любезно прес-щались съ Ѳедоромъ, звали къ себѣ, поздравляли, пред-рекая, что онъ далеко пойдетъ съ такимъ покровите-лемъ какъ Бецкій. Но Ѳедоръ, какъ-то разсѣянно слу-шалъ ихъ: изъ вѣтренной головы его исчезли безслѣдно и Салтыковъ, и Бецкій, и француженки въ расадникѣ великихъ людей, и Баженовъ, и самая инаугурація. Взамѣнъ всего этого тамъ носился привлекательный образъ Нимфодоры Щукиной, ея привѣтливость и на-мекъ на удобство видѣться въ модной лавкѣ.

Деревянный гостинный дворъ въ тѣ времена слу-жилъ обычнымъ rendez-vous тогдашнихъ щеголихъ — и прозваніе щеголиха принималось однозначущимъ съ понятіемъ о дамѣ имѣющей поклонника (болванчика, какъ тогда называли) съ которымъ, заходя въ модную лавку, дамы просиживали съ утра до вечера въ разгово-рахъ. Подобныхъ паръ набиралось десятками — и купцы вообще не жаловались, получая выгодные барыши, успѣвая сбывать и залежалый и никуда негодный товаръ модницамъ, поставленнымъ въ невозможность торго-ваться.

— Въ которой же вы будете? шепотомъ спраши-валъ Ѳедоръ, провожая на крыльцо Нимфодору и украд-кой пожимая ей руку.

Наутро, гораздо раньше условленного часа, Ѳедоръ, призавившись, раздушенный, похаживалъ уже по линіи, заглядывая то въ ту, то въ другую модную лавку.

Недолго заставила себя ждать и Нимфодора. Она оказалась одѣтою пышнѣе всѣхъ собравшихся въ лавку, запросто разцѣловалась съ Коржавинымъ и усѣлась возлѣ него.

— На силу спровадила своего Меркулыча! начала она, — ужестъ, какъ онъ неловко выдѣланъ! какъ привяжется, такъ и не отцѣпишься... Онъ такъ темень въ свѣтѣ, что безъ себя никуда меня не пускаетъ...

— А ты таки не побоялась, радость моя?

— Э, полно! не умори! Вѣдь я влюблена въ тебя до дурачества...

Бесѣда эта затянулась чуть не до самаго до обѣда. Нимфодора что-то подробно и шопотомъ наказывала Ѳедору.

— Насчетъ этого ты, душа моя, не безпокойся... Иди смѣло и никого не спрашивай... сказала она ему на прощанье, выходя изъ лавки.

— Вели только — готовъ всюду, куда прикажешь! восторженно говорилъ Ѳедоръ, наклоняясь къ рукѣ ея.

Оставалось дня два до инавгураціи, а Ѳедоръ и думать забылъ объ этомъ торжествѣ и тѣхъ выгодахъ, которыя могъ извлечь изъ знакомства съ Бецкимъ. Родня по цѣлымъ днямъ не видала его.

Иванъ Меркулычъ Щукинъ былъ не послѣдній сибаритъ въ своемъ родѣ. Въ теплыя лѣтнія ночи, прохлады ради, онъ предавался сладкому сну въ бесѣдкѣ, удаленной отъ дома всею глушью тѣнистаго сада, такъ что ни малѣйшій звукъ со двора даже не могъ доноситься къ нему и прерывать его грезы, подъ частъ очень причудливыя, которыя онъ былъ великій мастеръ рассказывать. Однажды, воротясь порядкомъ нагруженный съ именинъ брата и по обыкновенію, прямо пройдя въ свою, какъ онъ называлъ, берлогу, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ; окна были настежь отворены, но Меркулычъ не чувствовалъ на своихъ пуховикахъ свѣжаго холодка петербургской ночи. Ему грезился теплый сол-

нечный денегъ въ родной деревнѣ, идетъ онъ Меркулычъ лѣсной чащей, съ кузовкомъ, и думаетъ: гдѣжь это грибы запропастились? — Глядь, а передъ самымъ его носомъ матерой боровикъ сидитъ и словно глядитъ на него. А, тебя-то мнѣ и надо! нагнулся было Меркулычъ, протягиваетъ руку, а грибъ вдругъ начинаетъ раздуваться, расти выше да выше, такъ что ужъ и въ руку захватить нельзя, и тоненькимъ такимъ голоскомъ говоритъ: «Не тронь меня, Иванъ Меркулычъ!..» Врешь, полѣзай въ кузовъ... А куда въ кузовъ, ужъ и рука-то не можетъ достягнуть... Грибъ смѣется и опять тоненькимъ голоскомъ кричитъ ему: «Что взялъ, Иванъ Меркулычъ?..», а самъ все растетъ, до чудовищной высоты и оттуда зоветъ: «Иванъ Меркулычъ, а Иванъ Меркулычъ! Сюда! Сюда!..»

— Иванъ Меркулычъ! отдалось подъ самымъ ухомъ, такъ что Щукинъ разомъ вскочилъ, испуганно глядя передъ собою. Стоя въ саду, теребилъ его за руку, черезъ окно, полуюродивый Сенька, дворниковъ сынъ.

— Что такое стряслось? чего горланишь? крикнулъ Щукинъ, протирая глаза.

— Слышь, у насъ не такъ здорово, торопливо говорилъ Сенька, — словно бы воръ къ намъ черезъ заборъ перелѣзъ, да въ окошко шмыгъ...

— А ты чего-жь ему давалъ лѣзть?

— Да я, дядюшка, видѣлъ, какъ онъ ставню отворилъ, а никого изъ нашихъ не случилось...

— Одинъ онъ? говорилъ Меркулычъ, — да постойка... на всякій случай ..

Онъ пошарилъ рукой на полкѣ, и захвативъ охотничій ножъ, вышелъ изъ бѣсѣдки.

— Бѣги-жь къ тому окну, а самъ я въ избу...

Затаивъ дыханіе, онъ пустился бѣгомъ по двору. Тихонько взобравшись на крылечко, Меркулычъ осторожно отворилъ дверь, но едва онъ успѣлъ пересту-

пить порогъ, какъ порывъ сквознаго вѣтра быстро захлопнулъ ее со стукомъ на весь домъ.

— Кто тамъ? послышался встревоженный голосъ Нимфодоры.

— Небойсь, это я! отвѣтилъ Меркулычъ, подаваясь впередъ, и вытянувъ передъ собой руку съ ножомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздался быстрый бѣгъ чьихъ-то ногъ, и за тѣмъ снадворья грубый голосъ Сеньки: «вотъ я-те, назадъ!». Кто-то шарахнулся отъ окна и въ потемкахъ съ разбѣга прямо на Меркулыча...

— Ой, что это! застоналъ знакомый голосъ и бѣжавшій тяжело рухнулся на полъ...

— Что за диковина! вскрикнулъ Щукинъ, наступивъ было на него колѣномъ и охватя руками, но тутъ же признавъ по голосу: — Федоръ Васильевичъ, это ты что ли? Окровянилъ никакъ я тебя? Чтобъ-те пусто было!.. И Щукинъ потеръ руку объ руку, чувствуя, что-то лишнее и теплое на ладони.

Федоръ живо рванулся изъ-подъ него, кинулся къ двери, съ крыльца, дворомъ—и опомнился только по ту сторону забора у Садовой улицы...

— Плохо дѣло, торопливо говорилъ онъ вслухъ съ дрожью зубовъ, — глубоко задѣлъ!.. А шляпа-то тамъ осталась... догадается... Эхъ, не ладно!..

Вынувъ кружевной платокъ и перетягивая имъ лѣвую руку по рукаву кафтана, который взмокъ отъ крови, Федоръ зубами и правой рукой затянулъ узелъ перевязки—и собравъ всѣ свои силы, пустился бѣжать черезъ Каравайную къ Семіоновскому мосту.

До мосту онъ бѣжалъ быстро, но въ Хамовой улицѣ силы стали его оставлять; онъ шатаясь взмошелъ на крыльцо и забарабанилъ слабѣющей рукой по стекламъ, призывая на помощь.

Въ домѣ поднялся переполохъ, засвѣтились огни, въ сѣни выбѣжали Ерофей, жена его, Марea и при-

слуга—и отворивъ дверь, отступили съ крикомъ ужаса. Вмѣстѣ со скрипомъ двери, черезъ порогъ перевалился навзничъ Ѳедоръ, блѣдный какъ полотно, съ закрытыми глазами, въ лужѣ крови...

— Эка, бѣдняга! захлопоталъ Ерофей, — а еще сегодня... сегодня же говорилъ ему: «не запаздывай, Ѳедя!.. шалать по ночамъ!»

Общими усиліями, раненаго перенесли въ домъ, уложили въ постель. Ѳедоръ не приходилъ въ себя.

Настала и прошла инаугурація; объ Ѳедорѣ ни вѣсточки; Бецкій забылъ объ немъ.

Х.

Сиротка.

Хотя Московская губернія вокругъ столицы и отличается картинностью видовъ, но живописное далеко не всегда бываетъ благодатнымъ. Перевалившись за Оку, переносишься какъ бы въ другую полосу. Тутъ и колосья наливаются полнѣе и зерно даетъ обильнѣе, ровнѣе стужа и жарче лѣто. Тамъ гдѣ плоше родится хлѣбъ, народъ издавна занимался разнымъ досужествомъ: по залежамъ желѣзной руды выработались толковые кузнецы изъ туляковъ, москвичи и ярославцы пошли по фабрикамъ; а въ самой что ни на есть хлѣбной сторонѣ народъ уродился черезъ - чуръ ужъ простоватый. Смиранные да богомольные домосѣды составляли себѣ самое смутное понятіе объ столицѣ. Москва съ золотыми своими маковками въ ихъ розсказняхъ является чѣмъ-то вродѣ посада или села богатаго. Всякій мѣрять на свой аршинъ, а эти люди едва-ли одинъ изъ сотни читали съ трудомъ церковную печать; письменное же художество для нихъ и совѣмъ было диво. Помѣщики немногимъ чѣмъ стояли повыше крестьянъ. Любой властитель нѣсколькихъ сотъ жизней крестьянскихъ, му-

часъ приливомъ крови отъ несваренія желудка, приписывалъ это посѣщеніямъ домового, который будто бы наваливаясь всей тяжестью мохнатой спины душилъ потѣхи ради. Насчетъ вѣдьмъ и оборотней, барчатамъ съ дѣтства набивали въ голову бездну разсказовъ одинъ другого страшнѣе. Воеводы подъ пыткой помогались у мнимыхъ колдуновъ и колдуній сознанія во всѣхъ подробностяхъ дьявольской науки; хаживали, съ ватагами настолько же суевѣрныхъ крестьянъ, заколачивать клины въ трупы волшебниковъ, вырывая мертвыя тѣла изъ могилъ. Нетолько порчу на сватьбѣ, но и обращеніе жениха съ невѣстой въ волковъ или медвѣдей—цѣлыя провинціи считали достовѣрнѣй евангелія. Но преслѣдуя и истязуя мнимыхъ колдуновъ, не давали спуска и не колдунамъ, били крѣпостныхъ чуть не до полусмерти за любой ничтожный проступокъ, сажали на цѣпь, въ колодку, рѣзали косы нетолько дворовымъ дѣвкамъ, а даже и сельскимъ—по первому подозрѣнію въ шалостяхъ. Доставалось и домашнимъ. Самъ чуть не звѣрь, помѣщикъ, глава семейства, одинаково неразборчивый въ средствахъ, творилъ судъ и правду и надъ крѣпостными и надъ домашними. Привыкнувъ обращаться къ пособію кнута,—этимъ орудіемъ исправленія, на конюшнѣ, глава семьи не стѣснялся подчивать и сожительницу съ дочерьми, не только сыновей.

Немудрено что жена не смѣла пикнуть при жизни супруга,—но, ставъ вдовой, тотчасъ же вступала въ роль усопшаго сожителя, вымещая на спинахъ его слугъ прежнія свои невзгоды. Бывали и такіе случаи, что утѣсенная при жизни сожителя, вдовица дѣлалась грозой мужскаго населенія, покровительствуя изподтишка въ грабежѣ своимъ крестьянамъ и чужимъ бѣглымъ и дѣлая изъ этого укрывательства родъ промысла. Въ средѣ же мужскаго населенія вооруженный разбой былъ дѣломъ за урядъ.

Помѣщики нерѣдко наводили ужасъ на цѣлый уѣздъ подобными подвигами, для усмиренія которыхъ правительство отправляло цѣлыя воинскія команды съ артиллеріей. Что же касается перепахиванія межъ и оттягиванія чужихъ пустошей, — это были такія мелочи, о которыхъ не стоило и говорить, да и трудно было найти управу. Потрава луговъ сосѣдскихъ цетолько во время охоты, но во всякое время, чаще всего ограничивалась отмѣсткою, если потерпѣвшій считалъ себя въ силахъ сквитаться. Слабые только ругались да сѣкли немилосердно своихъ же крестьянъ, отводя на нихъ свое сердце и предпочитая удерживаться отъ тяжбы, таявшейся десятки лѣтъ и высасывавшей достатокъ и у истца и у отвѣтника. Полное безправіе, произволъ чело-вѣка надъ чело-вѣкомъ и торжество грубой силы достигли крайняго предѣла въ дни кроткой Елисаветы.

Екатеринѣ II, съ ея гуманными идеями, приходилось этихъ звѣрей обратить къ сознанію, что они — люди. Странно, ошеломляя, зазвучали въ ушахъ дворянства слова манифеста 15 декабря 1766 года о созваніи депутатовъ въ комиссію уложенія. Среди полного затишья или полного забвенія со стороны зарвавшихся самоуправцевъ, вдругъ будто громъ съ яснаго неба раздался призывныя слова монархини ко всѣмъ сословіямъ о добровольномъ выборѣ изъ среды своей достойныхъ представителей, которые были бы въ состояніи обсуждать пользу и вредъ государственные, выяснять отягощеніе сословій и причины его, могли бы предложить мѣры къ облегченію своихъ довѣрителей, не возлагая бремени на другихъ.

Задача была не легкая вообще; по новости же подобнаго запроса, ее и вовсе не понимали. Какъ выбирать? кого выбирать? для чего выбирать? На эти вопросы почти никто не могъ отвѣчать, не выключая и воеводъ по уѣздамъ, которыхъ губернаторы поспѣшили

вызвать въ свои резиденціи, чтобы настроить ихъ хотя для открытія дѣйствій.

Пуще всего и грознѣе всего оказывалась невозможность отложить въ долгій ящикъ. Строго-на-строго приказано было неотложно произвести эти загадочные выборы. Передъ самымъ рождествомъ воеводы разослали посыльныхъ за всѣми *испомѣщенными* въ ихъ уѣздахъ, чтобы явились непременно на праздники въ городъ всѣ огуломъ.

Надъ рѣчкой Апраней, по обоимъ скатамъ косогоора расположось большое село Глазово, съ сотней слишкомъ дворовъ и потемнѣлой старинной церковью. За погостомъ кряду начинались обширные луга и пашни, по всхолмленной мѣстности, между серебряными изгибами рѣчки, мѣстами глубокой съ отвѣсными тѣнистыми обрывами, поросшими дубнякомъ да липой, то мелкой въ чуть-примѣтныхъ берегахъ, дававшихъ возможность въ половодъ весною далеко выступать водѣ и заливать поемныя луга. Лѣтомъ, въ ту пору когда рожь начинаетъ колоситься, съ горы отъ барской усадьбы, видъ Глазова съ окрестностями, былъ очарователенъ; но въ описываемую пору, матовый пологъ снѣга, скрадывая неровности, сокращалъ планы панорамы—и грустно - унылый зимній видъ изъ оконъ барскаго дома какъ нельзя болѣе подходилъ къ положенію помѣщицы, которую нивѣсть откуда и какъ назначенный опекунъ забралъ въ свои руки, не обращая вниманія на ея жалобы. Сила Силычъ Галдилинъ былъ третій калачъ, знавшій кого и чѣмъ ублаготворить, чтобы затѣмъ никого уже не бояться и не встрѣчать препоны своимъ видамъ и распоряженіямъ; а эти виды и распоряженія клонились къ тому, чтобы обратить достатокъ опекаемыхъ въ собственность приставленнаго опекуна. Законной наслѣдницей была Аграфена Александровна Красухина, единственная дочь каширскаго дворянина, рано умершаго

въ чинѣ сержанта. Вдова мать не имѣла близкихъ родныхъ въ этой губерніи, да и покойный мужъ ея оказывался послѣднимъ въ родѣ. Имѣннице было хоть куда и, при старинномъ безденежьи и недостаткѣ случаевъ тратиться въ деревнѣ, могло съ избыткомъ покрывать всѣ житейскія требованія владѣльцевъ. Но при образцовомъ управленіи опекуна, оно заставляло владѣлицу съ матерью нуждаться и крѣпко нуждаться. Видя бесполезность жалобъ, оставляемыхъ безъ движенія мѣстными властями, мать покорила судьбѣ, затаивъ на своемъ сердцѣ обиду и относясь къ Галдилину совершенно равнодушно, чтобы не сказать презрительно. На слѣдница приближалась уже къ совершеннолѣтію; тѣмъ не менѣе она, какъ и всѣ въ домѣ, трепетала передъ своимъ опекуномъ, не позволявшимъ ей шагу сдѣлать безъ его приказа. Онъ думалъ, что, дѣйствуя такъ, обезпечиваетъ себя вполнѣ отъ всякихъ попытокъ свергнуть его тяжелое иго.

Но пришелъ часъ призадуматься и этому самоуправцу. Галдилину, съ трудомъ подписывая свою фамилію, былъ одержимъ суевѣрнымъ страхомъ ко всему писанному, въ особенности же исходящему отъ предержащей власти. И вотъ, какъ нарочно, передъ самыми праздниками, пришло разомъ двѣ бумаги; впрочемъ и всякій другой на его мѣстѣ призадумался бы, такъ какъ предстояло явиться лично и одновременно въ два разные города, по строжайшему вызову воеводъ Веневского и Баширскаго.

— Что бы это значило? что за напасть? ломалъ себѣ голову помѣщикъ, перебирая въ умѣ всѣ неблагоприятные поступки, за которые ожидалъ онъ возможности быть призваннымъ къ суду.

Ближайшимъ совѣтникомъ и единственнымъ авторитетомъ, рѣшенія котораго проливали надлежащій свѣтъ въ затруднительныхъ случаяхъ, у Галдилина былъ попъ

Матвѣй. Безъ призыва его не обошлось и на этотъ разъ.

— Разбери-ка, отецъ, вотъ эту грамотку, говорилъ Сила Силычъ, сидя противъ священника, за столомъ уставленнымъ наливками, грибами, рыбой и прочими постными закусками, — какъ ты думаешь: что бы это значило? для какой potrzeby?

— Ровно бы по требованіямъ высшей власти, пробѣжавъ глазами и складывая новѣстку, рѣшилъ священникъ.

— Ну, а это — отъ Каширскаго-то?

Отецъ Матвѣй не долго думалъ, прямо замѣтивъ, что это слово въ слово одно и то же.

— Да ты, Сила Силычъ, не опасайся, прибавилъ онъ, проглатывая рюмку терновки и шаря вилкой въ рюжикахъ, — по всѣмъ вотчинамъ такія грамотки разосланы.

— А ко мнѣ-то зачѣмъ двѣ?

— Да вѣдь у тебя свое-то въ веневскомъ уѣздѣ — ты туда и поѣзжай; а въ Каширу-то Красухины съѣзжаютъ..

— Да ты, батюшка, отъ себя это говоришь, али научилъ кто? внезапно побавровѣвъ закричалъ Галдилинь, — какъ можно ихъ пускать? Со всѣхъ вотчинъ съѣдутся — мало ли какіе озорники. Бабамъ то въ уши нашепчутъ, что послѣ и не расхлебашь...

Попъ Матвѣй, хотя и хорошо зналъ Галдилина, всякій разъ вздрагивалъ и терялся при раскатахъ его голоса.

— А коли въ два мѣста ѣхать и разомъ быть нельзя, ты въ одномъ-то хоть запишись что былъ... заговорилъ онъ, усиленно мигая и опустивъ руку, потянувшуюся было еще за рюмкой: — это конечно не резонъ ихъ пущать, можетъ и по опекѣ что всплыветъ...

— Ну, то-то! а я про что? захохоталъ Сила Силычъ, у котораго переходы изъ одного настроенія въ другое дѣлались грубо и рѣзко, точно прыжками.

— А только сумнѣнія не имѣй, успокоительно проговорилъ отецъ Матвѣй, крикнувъ и смѣло наливая себѣ: — слышалъ я позавчера въ городѣ — тутъ что-то особенное, баяли что на службу станутъ выбирать дворяне другъ друга... Ополченіе надо быть-..

— Ну такъ какъ же не самому ѣхать! ужъ извѣстно, коли нашъ уѣздъ выбирать станетъ — когожь какъ не меня?

— Оно конечно, поддакнулъ попъ, — окромя тебя кого же — ты у насъ первый человѣкъ.

Сика Силычъ порѣшилъ ѣхать въ Каширу. Въ Веневѣ подъячіе знакомые, вслучаѣ чего не выдадутъ; а въ Каширу впервые разъ требуютъ — воевода новый. Галдилинъ тотчасъ же велѣлъ закладывать лошадей, чтобы до обѣда поспѣть.

Пока въ домѣ шли сборы, на покато́мъ берегу Апрани хлопотали двѣ молодыя дѣвушки. Одна — покрытая темнымъ вязанымъ платочкомъ, въ суконной шубейкѣ на заячьемъ мѣху, въ теплыхъ котахъ и варешкахъ, маленькая, стройная даже въ неуклюжемъ зимнемъ нарядѣ, раскраснѣвшаяся на холодѣ; другая — въ нагольномъ тулупчикѣ и крестьянскихъ валенкахъ. Утро было ясное, морозное, рѣзкій холодъ покусывалъ носъ и щеки, захватывая дыханіе. Не смотря на то, обѣ дѣвушки съ коромыслами на плечахъ, дружно схватясь за руки, сбѣгали на рѣку къ синеватой проруби, зачерпывали ведра, медленно взбирались назадъ въ гору и остановясь на вершинѣ берега, съ звонкимъ смѣхомъ обдавали водою расчищенную обледенѣлую полосу ската.

— Нѣтъ, ужъ воля ваша, Аграфена Александровна, это дѣло надо бросить!.. говорила дворовая, въ послѣдній разъ окативъ гору и дуя себѣ въ красныя руки, — шутка ли ведеръ сорокъ опростали нынче, а толку все нѣтъ... Это и до втораго пришествія не поспѣетъ...

Гука *20* *с/с* *Google*

— Погоди, Маша, степенно отвѣчала молодая по-мѣщица, — знаешь: курочка по зернышку клюетъ, сыта бываетъ... А на сѣнокосѣ-то вонъ траву по грядкѣ сгребаютъ, глядишь — какой стожище вырастятъ!.. Такъ-то и наша гора — помаленьку, помаленьку — а на праздникахъ бери салазки да и катайся на здоровье...

Она остановилась, оправляя выбившіеся изъ-подъ платочка русые волосы на вискахъ, и глядя на Машу такимъ важнымъ, даже строгимъ взглядомъ, между тѣмъ какъ маленькій ротъ ея чуть примѣтно улыбался, что Маша не выдержала...

— Ой, пусто вамъ, и смѣхъ и грѣхъ съ вами! засмѣялась она, хлопнувъ обѣими руками объ полы тулупа, — гляди, нашъ-то пронюхаетъ, накроетъ насъ тутъ, — достанется и мнѣ съ вами...

— Ну, не бойсь! Богъ не выдастъ... съ тою же сдержанностью начала была Груня и вдругъ осѣклась, посмѣиваясь мысленному окончанію рѣчи.

Маша такъ и покатила со смѣху; обѣ дѣвушки, снова взявшись за руки, побѣжали подъ гору, весело переговариваясь въ ладъ качающимся ведрамъ.

— Стой, Маша!.. держи меня! вдругъ вскрикнула барышня, прислушиваясь на бѣгу и крѣпче уцѣпясь за руку дворовой — садись милая на земь!.. хоронись... отъ мосту лицомъ-то! отвернись отъ мосту, говорятъ!.. и Маша, невольно подчиняясь барышнѣ, присѣла рядомъ съ ней на корточки, тихонько хихикая и пряча голову. По-надъ берегомъ бренчали бубенчики — и скоро на мостъ выкатила знакомая обѣимъ рогожная кибитка тройкой саврасокъ, съ Титомъ на облучкѣ. Посвистывавая, да помахивая внудомъ, кучеръ Титъ скоро управилъ коней въ гору на тотъ берегъ — и кибитка, нырнувъ раза два въ ухабахъ, исчезла на поворотѣ...

— Слава-те Господи! слава-те, Господи!.. быстро крестясь бормотала Маша, — вотъ было за словомъ-

то!.. словно накликали!.. Слава Богу, пронесло стороной!..

— Эка ты!.. укоризненно качая головой, произнесла барышня:—и труслива-жь ты, какъ я погляжу... Ну, теперь къ дою!.. Теперь вольные казаки... Живо!.. Матушка чай заждадась...

И обѣ, сильно и часто дыша, стали взбираться въ гору, проваливаясь по пасту, спотыкаясь кое-гдѣ въ рыхломъ снѣгу и тяжело ступая въ сугробахъ.

Груня бросила ведра на крыльцѣ, и прямо не раздвѣваясь прошла къ матери. Вдова сидѣла на лежанкѣ, съ начатымъ чулкомъ въ рукахъ, и медленно перебирала спицами, понутивъ голову. Во всей ея осанкѣ, въ раннихъ морщинахъ еще не стараго лица сквозила забитость и тупая покорность судьбѣ. Она ласково глядѣла на дочь, пока та раскутывалась.

— Ну, что, матушка, отлегло немножко на сердцѣ? обратилась къ ней Груня, сбрасывая платокъ и давая волю длиннымъ русымъ косамъ, которые словно двѣ чешуйчатые змѣи прилегли къ спинѣ молодой дѣвушки.—Унесло грозу-то? пояснила она, ласкаясь къ матери, — сама видѣла, какъ уѣхалъ...

— Ой, ужъ полно тебѣ, дѣвонька! отозвалась та, робко улыбаясь, — что за жизнь!.. кабы не ты — давно бы руки на себя наложила .. что за жизнь!..

— И, что ты, что ты, милая, золотая!.. произнесла Груня, нѣжно прикасаясь обѣими руками къ вискамъ вдовы и цѣлуя ее въ лобъ, — потерпимъ, все перемелется!.. Не вѣкъ же ему вѣковать — придетъ и наше времячко... Дождемся; ты гляди на меня — живу не тужу!..

Вдова пугливо посмотрѣла на нее и покачала головой.

— И въ кого ты у меня такая уродилась! вдумчиво проговорила она, — погляжу я на тебя и не раз-

беру: умна ты ужъ не вмѣру или это простота у тебя... Всего осмнадцатый годокъ пошолъ съ Покрова, а иногда то скажетъ... то скажетъ, что и старому впору...

— Состаришься въ четырехъ стѣнахъ да на тебя гляючи, шутиливо сказала Груня, прижимаясь къ матери.

— Кажется, посватайся за тебя кто, продолжала мать, не слушая ея, — за перваго встрѣчнаго отдада бы — только спаси ты ее отъ этого коршуна, прости Господи!..

— Я за перваго-то встрѣчнаго не пойду, матушка, все также просто и сдержанно говорила Груня, — а отъ коршуна, Богъ дастъ, и сами отсидимся... Что радости за незнамаго-то идти? — Коршуна на коршуна мѣнять — только и всего... Постой-ка, сейчасъ прибѣгу къ тебѣ, потолкуемъ ладкомъ...

И засмѣявшись громкимъ дѣвичьимъ смѣхомъ, Груня пробѣжала къ маленькой коморкѣ возлѣ людской; по хорошенькому личику ея скользнуло какое-то болѣзненное содраганіе, когда она отворяла маленькую дверь этой темной, сырой коморки. Тамъ на полу, на соломѣ, въ рубищѣ, въ кандалахъ, сидѣла блѣдная изможденная женщина, склонясь и дремля надъ какой-то заказной работой. Она такъ и вздрогнула при входѣ Груни, и торопливо засновала иголкой.

— Уѣхалъ, Дарьюшка, давай мнѣ шитье-то, а сама ложись-ко спи!.. радостно говорила Груня. — Ну, ну, не отговаривайся — знаю, третьи сутки маешься... Давай, давай!

Женщина протянула ей исхудалыя руки съ шитьемъ, и прошептавъ что-то непонятное, въ совершенномъ безсиліи опустилась на солому. Дарья была подъ наказаніемъ у Силы Силыча, за побѣгъ и попытку къ самоубійству.

Забравъ шитье и вернувшись къ матери, Груня

сѣла у ногъ ея, разложила работу на колѣнахъ и принялась усердно тачать грубую ткань.

— Скоро праздники, матушка, говорила она, улыбаясь по обыкновенію одними губами, — вотъ и я съ обновкой; провела коршуна-то нашего. Такая гора будетъ на святкахъ, что просто загляденье. Чуть смеркнется, я тебя сейчасъ въ охапку, въ саночки да и на рѣку...

Мать молча любовалась единственнымъ своимъ дѣтищемъ, единственнымъ утѣшеніемъ. Маленькая, тоненькая, блѣлолицая съ нѣжнымъ румянцемъ, мелкими и вмѣстѣ характерными чертами лица, — съ большими, не по лѣтамъ серіозными, свѣтлыми сѣрыми глазами, подъ троекратнымъ изломомъ тонкихъ бровей, — Груня, сама того не зная, была очаровательнымъ взрослымъ ребенкомъ. Въ хорошенькомъ личикѣ ея попеременно просвѣчивали то дитя, то женщина...

Долго бесѣдовала еще Груня съ матерью о томъ, какъ будутъ они коротать время на праздникахъ; но предположеніямъ ихъ не суждено было сбыться.

Черезъ нѣсколько дней торжествующій Галдилинь возвратился домой и отдалъ приказъ Грунѣ съ матерью собираться къ новому году въ Москву.

Вмѣсто прежнихъ, въ головахъ ихъ зародились новыя, неожиданные планы и соображенія.

Вся дорога до Серпухова, а въ особенности отъ Серпухова кишила рядами обозовъ — и все это тянулось въ Москву. Изъ каждой усадьбы, кромѣ барской повозки и воевъ со съѣстнымъ, на нѣсколькихъ дровняхъ плелась прислуга. На постоянныхъ дворахъ не было мѣста для ночлеговъ даже помѣщикамъ. Принуждены были спать въ повозкахъ. Спасибо, что шубъ да мѣховыхъ одѣялъ всѣ набрали достаточное количество, а то бы пропадать на дорогѣ, особенно мелкомѣстнымъ или безчиновнымъ, которые при встрѣчѣ съ чиновными людьми

по неймѣнію мундира должны были играть роль почти такую какъ челядинцы; а челядь, всякаго лица чувствующаго свою силу, была дерзка и нахальна, такъ что хотя бы мѣсто въ избѣ и было, но неслужившему не доводилось и переступить черезъ порогъ, а не то что равняться съ облеченными въ форменный кафтанъ при шпагѣ. Неукротимый Галдилинъ изъ опыта вынесъ это горькое убѣжденіе на первомъ же ночлегѣ, а ихъ пришлось сдѣлать до Москвы три.

Добрались наконецъ до Бѣлокаменной — и тутъ-то дорожныя неудобства представились цвѣточками передъ тяжелымъ испытаніемъ, какимъ оказалось отыскиваніе квартиръ въ столицѣ. Пора зимняя, а домовъ для найма и въ обыкновенное время не отыскивалось десятками.

Наконецъ ужъ староста глазовскій надоумилъ барина ѣхать къ хлѣбному торговцу Молчалину - Хмурову, который издавна скупалъ у нихъ рожь, овесъ и прочія произведенія села Глазова. Но Хмуровъ не пустилъ къ себѣ на дворъ суетныхъ мірянъ, а переговоривъ съ матерью Марей, отправилъ ихъ въ глушь Замоскворѣчья къ Коржавинымъ — и только тамъ, уже къ вечеру, нашли себѣ пріютъ пріѣзжіе степняки.

XI.

Женихъ.

Федоръ Коржавинъ, послѣ шукинской передраги, словно въ воду канулъ. Иванъ Меркулычъ, пріѣхавъ на другой же день въ домикъ на Хамовой улицѣ, засталъ тамъ одного Ерофея, взволнованнаго, разстроеннаго и объяснявшаго свое смущеніе безпокойствомъ за племянника, который-де не ночевалъ дома и незнамо гдѣ обрѣтается. Шукинъ пристально и подозрительно поглядѣлъ въ глаза хозяину, но спрашивать больше не сталъ. Иванъ Меркулычъ и самъ еще порядкомъ не оправился отъ постигшей его семейной невзгоды; онъ замѣтно осунулся въ эту безсонную ночь; ему было стыдно завести рѣчь о вчерашнемъ, — и онъ обрадовался возможности того, что Ерофей Никитичъ говоритъ правду: авось оно шито и крыто будетъ; сгинулъ врагъ гдѣ-нибудь на перекресткѣ, не добѣжавъ до дому, а мертвые извѣстно народъ тихій — не выболтаютъ. Охотникъ позубоскалить на чужой счетъ, добрякъ Шукинъ никакъ не ожидалъ, чтобъ ему самому пришлось быть цѣлью насмѣшекъ; на словахъ шутникъ и легко относившійся къ жизни, онъ въ глубинѣ сердца былъ истый семьянинъ, души не чаялъ въ своей Нимфодорушкѣ и считалъ ее образцовой женой, смотря сквозь пальцы на

ея болтовню съ гвардѣйскими офицерами. Вдругъ все рухнуло. Щукинъ какъ-то потерялся, и бродилъ по дому словно тѣнь, нигдѣ не находя себѣ мѣста. Вскорѣ затѣмъ, разузнавъ стороней, что въ ту памятную ночь на улицахъ Петербурга никакого мертвого тѣла не находили, и что мать Марееа на зарѣ выѣхала изъ столицы, — онъ, припоминая вмѣстѣ съ тѣмъ необычный видъ Ерофея при утреннемъ посѣщеніи, почувялъ тутъ какой-то подвохъ. Боясь огласки и зная Василья Коржавина за человѣка надежнаго и честнаго, Щукинъ рѣшился отписать ему, и повѣдавъ свою домашнюю бѣду, просилъ его накрѣпко заказать сыну, буде вѣдомо его мѣстопробываніе, чтобъ не выносилъ сору изъ избы, да и Ерофею съ Марееой позажать рты. «Дома - то у меня ужъ совсѣмъ не житье», писалъ Иванъ Меркулычъ, — «такъ хоть бы на люди выйти сорому не было. Уйми молву — и за то спасибо скажу, коли не за чтó больше».

Въ Москвѣ, ничего не зная, поджидали Федора, радовались его успѣхамъ, о которыхъ успѣлъ сообщить Ерофей.

— Я говорилъ, самъ выдерется малый, коли голова на плечахъ есть, а въ коржавинскомъ роду никогда еще безмозглыхъ не бывало! похвалялся Василій Никитичъ.

Вдругъ словно снѣгъ на голову пришло письмо Щукина.

Василій Никитичъ, прочитавъ его, закрылъ лицо руками и долго не могъ выговорить слова, — видно было только, какъ побагровѣлъ самый лобъ его и натужились старческія морщины, да грудь тяжело поднималась, словно тѣсно тамъ стало, воздуху не хватаетъ. Испуганная жена кинулась-было къ нему на помощь — Василій сурово толкнулъ ее прочь.

— Зналъ я, что онъ мотъ, лѣнтяй, вѣтрогонъ, хрипло проговорилъ Коржавинъ, — а такимъ негодяемъ все-таки не считалъ...

И онъ грозно поглядѣлъ на жену, точно ее обвиняя въ этомъ.

— Батюшка, Василий Никитичъ, не мучь ты меня!.. взмолилась та, — скажи ты мнѣ: что Ѳедюшка?..

— Не смѣй мнѣ его поминать!.. Воръ твой Ѳедюшка, — вотъ онъ что! въ бѣшенствѣ закричалъ Коржавинъ: — каково мнѣ отъ стараго друга попреки нести, что опозорилъ его... кто же?.. сынъ мой — понимаешь ты, мой, мой... его же пригрѣли, обласкали... Онъ же и отблагодарилъ — обокралъ, воровски отнялъ что ни есть самое дорогое у человѣка — миръ душевный, семью, добрую славу... Нѣтъ у меня сына послѣ этого!..

Анна Исаевна рѣдко видала мужа въ такомъ гнѣвѣ — и хотя знала, что сердце его отходчиво, только дай пройти первой вспышкѣ, но теперь этого-то именно и не могла сдѣлать...

— Ну, нѣтъ такъ и нѣтъ, обидчиво и рѣзко заговорила она, — а я все-таки мать... подай письмо, коли толку отъ тебя не добьешься...

Но Коржавина уже кольнуло раскаяніе, какъ только онъ замѣтилъ, что старуха блѣднѣя тряслась всѣмъ тѣломъ и едва стояла на ногахъ. Василий Никитичъ смягчился, и усадивъ ее въ кресло, ходя изъ угла въ уголъ, сдавленнымъ горловымъ голосомъ разсказалъ ей все какъ было...

— Убили!.. убили, голубчика моего!.. простонала Марѳа Исаевна, заливаясь слезами и покачивая головой изъ стороны въ сторону: — ой, горько мнѣ... горько!..

— Ну, что врать — полно!.. сорвавшимся голосомъ уговаривалъ Василий Никитичъ: — убили бы — по мнѣ оно туда и дорога, ну а братъ Ерофей все бы отписалъ... Небойсь, не таковъ парень чтобъ шею подставилъ — самъ всякаго наровить зарѣзать...

Ему совѣстно было признаться, что и самъ онъ мучился прежде всего не за Щукина, не воровской про-

дѣлкой сына, а неизвѣстностью объ томъ самомъ Ѳеодюшкѣ, про котораго только-что запретилъ упоминать себѣ...

Рана Ѳеодора, по осмотрѣ Ерофеемъ, оказалась потяжеле, чѣмъ думалъ самъ Ѳеодоръ даже въ первую минуту испуга. Ножъ, разрѣзавъ руку, скользнулъ въ бокъ и чуть не зацѣпилъ лѣваго легкаго. У Марѣы, при видѣ раненаго, внезапно проснулась вся прежняя родственная привязанность къ *плутушкѣ*, какъ она его называла. Боясь Щукина, Марѣа ни свѣтъ ни заря уложила Ѳеодора въ повозку и увезла его въ ближайшій раскольничій поселокъ, а потомъ къ себѣ, въ глушь Олонецкаго воеводства, въ каменозерскую киновію, ходила за нимъ какъ за ребенкомъ, баловала всѣмъ чѣмъ только могла. Ѳеодоръ оправлялся медленно. Благодатный смолистый воздухъ олонечскихъ лѣсовъ, привольное житѣе и молодость взяли - было свое — и мѣсяца черезъ три Ѳеодоръ началъ выходить; но мѣстные знахари съ лекарями, обкуривая да заговаривая его, растравили ему рану какимъ-то снадобьемъ и уложили его въ постель еще на полгода. Марѣа между тѣмъ и по всѣхъ силъ хлопотала о примиреніи его съ отцомъ, каждую недѣлю посылала письма къ Василью Никитичу. Время дѣлало свое дѣло, заравнивая прошлыя язвы въ родственныхъ чувствахъ, — и мало-по-малу все обошлось.

Вторичное выздоровленіе Ѳеодора шло еще медленнѣе прежняго, такъ что провалявшись всю осень и зиму 1765 года, онъ только къ веснѣ 1767 собрался съ силами. Не видя исхода изъ своего положенія, ни кровинки въ лицѣ, вѣчно задумчивый, съ самаго утра онъ уходилъ въ лѣсъ и оставался тамъ до вечера. Мать Марѣа дивилась такой перемѣнѣ и начинала съ нимъ заговаривать о томъ, какъ хорошо бы ему пристроиться въ обителяхъ древняго благочестія, гдѣ онъ могъ бы

сдѣлаться свѣтильникомъ между начетчиками и учителями всѣхъ толковъ, выросшими на одной церковной грамотѣ. Ѳеодоръ не возражая выслушивалъ долгія разглагольствія о его будущемъ возвышеніи въ средѣ раскола. Тетка уже принялась шить ему шелковыя ряски, какъ вдругъ, въ великомъ посту, отецъ прислалъ разрѣшеніе вернуться домой, даваемое въ послѣдній разъ, какъ писалъ Василій Никитичъ. Въ этомъ письмѣ онъ сообщалъ, что хочетъ сдѣлать послѣдній опытъ возвращенія обществу заблудшей овцы. Имѣлась въ виду женитьба Ѳеодора на молодой помѣщицѣ, приставшей у нихъ въ домѣ и желавшей поскорѣе выйти за мужъ чтобъ избавиться отъ опекуна.

Прочитавъ письмо, Ѳеодоръ вдругъ сталъ прежнимъ Ѳеодоромъ; толки объ расколѣ и новой дѣятельности были забыты; совершенно иная сторона жизни показывалась ему въ туманѣ будущаго — та сторона, съ которой онъ ознакомился въ зажиточномъ семейномъ быту дяди Ерофея. Съ обычнымъ легкомысліемъ, Ѳеодоръ ухватился за представлявшійся ему случай — и порѣшилъ ѣхать.

Отправляя письмо къ сыну, Василій Никитичъ дѣлалъ это неохотно, по просьбѣ жены и матери Красухиной, сразмаху порѣшившихъ заключеніе между собой родства, не спросясь молодежи. Вникнуть въ дѣло со всѣхъ сторонъ Василю Никитичу было недосужно. Иная, важнѣйшая задача поглащала все его вниманіе и время. Случайный постоялецъ его, Галдилинъ, найдя въ хозяинѣ человека умнаго, на первыхъ же порахъ сталъ съ нимъ совѣтоваться какъ бы выполнить въ Москвѣ порученіе вѣневской воеводской канцеляріи, состоявшее въ томъ, чтобы развѣдать: что именно отъ выборныхъ потребуется, какъ разумѣть заявленіе какихъ-то требованій отъ сословій, для чего требованія эти могли быть и проч. въ этомъ родѣ. Коржавинъ занялся разборомъ

дѣла, прочелъ самый манифестъ, толковалъ кое съ кѣмъ — и вдругъ ему блеснула возможность дѣятельности, о которой онъ такъ давно мечталъ и даже страдалъ за попытку къ ней въ прошлое царствованіе. Прежній вопросъ жизни получалъ теперь полную округленность, явившись въ формѣ наиболѣе доступной и пригодной къ дѣлу.

— Что есть у насъ неладнаго — какъ не знать! размышлялъ онъ про себя, послѣ одной изъ такихъ бесѣдъ съ Галдилинымъ. — Коли есть заявленія требованій отъ монархичности — значитъ надо не потаить передъ трономъ наши немощи и мѣста больныя, а какъ Богу на исповѣди открыть все, что на душѣ спрятано. Робѣть нечего — грѣшно...

— Я вотъ, Сила Силичъ, попробую написать, сказалъ онъ Галдилину, — ты можешь послѣ и уразумѣешь, какіе пункты для тебя пригодны будутъ и выборку себѣ сдѣлаешь...

И Коржавинъ засѣлъ за составленіе перечня основныхъ мыслей къ улучшенію быта горожанъ. Увлекаясь дѣломъ, Коржавинъ представлялъ себѣ Галдилина гораздо болѣе смыслящимъ; но когда дошло дѣло до объясненія, Василій Никитичъ, изъ тупыхъ отвѣтовъ собесѣдника, сразу понялъ бесполезность съ нимъ трактаций. Нуждаясь въ подмогѣ, онъ пошелъ къ старому пріятелю Бряжеву, человѣку толковому, не разъ выбиравшемуся въ старшины по своему мастерству. Бесѣда съ нимъ пошла въ огласку и привлекла вниманіе всѣхъ московскихъ горожанъ на Коржавина, слышавшаго всегда за человѣка очень умнаго и дѣльнаго. Объ немъ стали поговаривать теперь, что онъ былъ бы лучшимъ защитникомъ интересовъ городскаго сословія древней столицы. Василій Никитичъ словно помолодѣлъ. Домъ его сталъ наполняться различными посѣтителями; самъ онъ ходилъ по городу, забиралъ нужныя справки, а по вече-

рамъ писалъ свой перечень. Галдилинъ выпросилъ у него позволеніе списать копію съ перечня и съ торжествомъ поѣхалъ казать ее вѣневскому воеводѣ, оставивъ опекаемыхъ на рукахъ Василия Никитича.

Честолюбивый и крайне неразборчивый въ средствахъ какъ всё невѣжды, Галдилинъ рассчитывалъ отличиться, выдавъ коржавинскій перечень за свой собственный, и быть выбраннымъ въ депутаты отъ веневаго дворянства; онъ видимо даже заискивалъ въ Коржавинѣ, чутьемъ признавая его умственное превосходство. Это необыкновенно дѣйствовало на мать Груни. Простая отъ природы, старушка, видя что ихъ коршунъ дѣлался незлобивымъ голубемъ передъ Коржавинымъ, надумалась прямо обратиться къ Василию Никитичу за разрѣшеніемъ дѣла, которое давно уже лежало у нея на душѣ. Воспользовавшись отъѣздомъ Галдилина, она пришла разъ въ Василию Никитичу съ низкими поклонами, повѣдала свое горе и напрямки объяснилась относительно непретѣннаго желанія видѣть Груню за его сыномъ, прибавивъ притомъ, что Анна Исаевна уже согласна.

Выслушавъ съ неудовольствіемъ это открытіе, Василий Никитичъ не выдержалъ.

— Вы, мать моя, кажиесь успѣшили не къ мѣсту, сказалъ онъ, откладывая рукопись къ сторонкѣ, — чужой вѣкъ заѣдать не пристало честнымъ людямъ; прежде-всего я тебѣ скажу, что едва ли мой Оедька твоей Грушѣ пара...

И Василий Никитичъ не потаилъ темныхъ сторонъ своего-сына, отнюдь не рассчитывая, насколько это объясненіе можетъ повредить сыну въ заключеніи безспорно-выгоднаго союза.

Но старушка не легко отказывалась отъ разъ-задуманнаго и стояла на своемъ.

— Э, батюшка, женится — перемѣнится; такого-то молодца и остепенить!

Слово за слово — Коржавинъ сдался.

— Да будетъ воля Божья, сказалъ онъ, — а я умываю руки.

Онъ написалъ письмо съ вызовомъ Федора.

Но такое рѣшеніе дорого стоило Василию Никитичу; принялъ онъ его послѣ долгой борьбы какъ послѣднюю мѣру, и все-таки недоволенъ былъ этой уступкой родственному доброхотству.

Груня легко сживалась со всякой обстановкой, а въ Москвѣ у Коржавиныхъ было и лучше чѣмъ въ деревнѣ. Галдилинъ, втягиваясь противъ своей воли въ дѣло, которое онъ меньше всего понималъ, какъ-то привыкъ къ суетливости, замѣнявшей ему настоящую дѣятельность, — и по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома, появляясь по кружаламъ и стараясь вывѣдать отъ этихъ людей (знавшихъ не болѣе его) мнимыя тайны, разрѣшавшіяся здравымъ разсудкомъ. Груня, оставаясь дома, любила кроткую Анну Исаевну, довѣрившую ей хозяйство, и принимала даже въ отсутствіи Василя Никитича его многочисленныхъ посѣтителей, у которыхъ всегда умѣла толкомъ выспросить, кому что нужно, и вѣрно передать хозяину. Про сватовство свое она не любила говорить ни съ кѣмъ изъ домашнихъ; даже матери она отвѣчала короткими ничего-не-значущими словами, вроде: «вотъ пріѣдетъ... увидимъ... посмотримъ... какъ будетъ». Разъ только она разговорила объ этомъ, случайно и съ человѣкомъ совершенно постороннимъ.

Было послѣ Пасхи; стояла такая теплынь, что всѣ окна небольшого домика Коржавиныхъ были отворены настежь; съ надворья изъ садика несло свѣжимъ и крѣпкимъ запахомъ распускавшихся почекъ, и Груня, сидя подъ окошечкомъ за шитьемъ, съ наслажденіемъ втягивала всю грудью весенній воздухъ, напоминавшій ей деревню. Она такъ отдалась атому чувству и воспоминаніямъ, что и не замѣтила какъ передъ ней за ок-

Иск. м.

номъ выросла фигура рослаго молодого человѣка, казалось не рѣшавшагося нарушить ея думы. Случайно поднявъ глаза, она увидала красиваго офицера въ зеленомъ форменномъ кафтанѣ съ черными отворотами и свѣтлыми выпуклыми пуговицами. Снявъ шляпу, онъ обнажилъ свой красивый лобъ, обрамленный до-бѣла-напудреннымъ парикомъ, дававшимъ еще большую яркость и безъ того румяному лицу и усиливавшимъ блескъ его умныхъ глазъ.

— Прощу прощенія за беспокойство, началъ онъ, улыбаясь, — не здѣсь ли живутъ Коржавины?..

— Здѣсь, а что вамъ требуется? по обыкновенію просто отвѣтила Груня, слегка зардѣвшись при мысли о томъ, что г-нъ офицеръ долго могъ наблюдать ее незамѣтно. Она быстрымъ движеніемъ переколола косынку на шеѣ.

— Хотѣлъ бы повидать Федора Васильевича... вы не сестрица его?

Неожиданное сочетаніе этихъ двухъ вопросовъ на мигъ смутило Груню. Она затруднилась отвѣтомъ и стала еще красивѣе, въ глазахъ невольно залюбовавшегося офицера.

— Нѣтъ, я имъ не родственница... и Федора Васильевича здѣсь нѣтъ, запинаясь проговорила она: — я не могу вамъ точно сказать, когда его ждутъ... Вотъ погодите, придетъ Василій Никитичъ, все вамъ скажетъ... А мы сами пріѣзжіе.

Посѣтитель, подумавъ, наклонилъ голову и прошелъ въ низенькую калитку, а за тѣмъ на крылечко и въ горенку, гдѣ сидѣла Груня.

— Мнѣ, право, совѣстно... я бы ни за что не зашелъ къ вамъ, когда никого дома нѣтъ, началъ онъ, садясь и откладывая шляпу съ перчатками на столикъ, — да ужъ не знаю, удастся ли вдругорядъ повидать ихъ... Такая даль, да и спѣшка теперь у меня съ работами...

— А вы хорошо знаете Федора Васильевича? немедленно спросила Груня, не поднимая глазъ отъ работы.

— Какъ не знать! жили три года вмѣстѣ какъ братья родные! отвѣчалъ тотъ, съ видимымъ удовольствіемъ при этомъ воспоминаніи.

Груня тихо подняла на него внимательный и долгій взглядъ, какъ бы изучая незнакомца. Глаза ихъ въ первый разъ встрѣтились.

— Что я васъ спрошу... начала Груня, снова потупляя глаза и особенно сдержаннымъ голосомъ: — вы скажите мнѣ только по душѣ... Каковъ онъ? Федоръ-то Васильевичъ?

— Молодецъ, красавецъ собой, щеголь, разбитной малый... заговорилъ офицеръ, самъ видимо наслаждаясь той легкостью, съ которой у него вязался разговоръ съ незнакомой дѣвушкой.

— Нѣтъ, не то! Богъ съ ними со щеголями! я васъ не объ этомъ спрашиваю... Каковъ человѣкъ?.. не изъ себя, а нравомъ какъ?

Последнія слова Груня такъ примѣтно и внушительно отгѣнила, что собесѣдникъ съ удивленіемъ окинулъ взглядомъ эту молоденькую дѣвушку.

— Такъ вамъ надо съ этой стороны? все еще полусутоливо, но уже озабочиваясь, произнесъ онъ и придвинулся ближе къ Грунѣ, — человѣкъ не худой... не злой... путался онъ, видимо приискивая какое нибудь достоинство Федора.

Груня воткнула иглу въ работу и серьезными глазами ждала отвѣта, повидимому придавая ему большую важность.

— А еще? выговорила она наконецъ, все съ тѣмъ же ожиданіемъ и не безъ примѣси тревоги.

— Еще-то?.. Что же еще!.. терялся офицеръ, какъ бы досадуя въ то же время на свою ненаходчивость, — малый молодой...

— Ну, и будетъ, больше не надо! сказала Груша, круто принимаясь за иглу.

— Чего же не надо? улыбнулся офицеръ, — да вы пожалуй этакъ составите себѣ какое нибудь понятіе о немъ...

Груня помолчала.

— Конечно, ужъ теперь-то я его понимаю, сказала она, слегка вздохнувъ.

Офицеръ повидимому находилъ все большее и большее удовольствіе въ этой бесѣдѣ.

— Гдѣ это вы набрались такой премудрости? проговорилъ онъ, придвигаясь еще ближе.

— Что жъ за премудрость? Всякаго человѣка можно разглядѣть — были бы глаза.

— Да вы Федора-то еще и не видали, а заключаете.

— Слухомъ земля полнится... подъ-часъ довольно двухъ словъ объ человѣкѣ, чтобы смекнуть...

— Ну, вотъ мы съ вами перекинулись не двумя словами — смекните, каковъ я по вашему?

— Объ васъ рѣчи не было, да объ себѣ человѣкъ правду и не скажетъ, отвѣтила Груня, быстро и не безъ лукавства взглянувъ на собесѣдника.

— Отчего же не сказать?... Шила въ мѣшкѣ не утаишь...

— Утаить не утаишь, а прикрасить-то никто не помѣшаетъ... А вотъ и родитель Федора Васильевича! прервала она сама себя, увидавъ входящаго Коржавина.

Офицеръ всталъ и обратился къ хозяину.

— Пріятель вашего сына, Василій Баженовъ, Ея Величества капитанъ отъ артиллеріи, отрекомендовался онъ съ поклономъ.

— Много наслышаны, добро пожаловать! За честь покорнѣйше благодаримъ, что изволили посѣтить! привѣтливо говорилъ Коржавинъ, обнимая гостя.

— А Федоръ здоровъ?

— Можетъ скоро будетъ теперь... У тетки все еще. Твою добродѣтель, батюшка, по гробъ не забуду... Вѣчный должникъ вашей милости... Какъ бы ему безъ васъ прожить въ чужой сторонѣ!.. Да какъ же это, батюшка?.. Федоръ писалъ, вы кажиесь строителному обучались... недоговорилъ Василій Никитичъ, оглядывая кафтанъ гостя.

— Я строитель и теперь, а служу только по артиллеріи — на то была воля Ея Величества государыни... Дай ей Богъ долго царствовать, взыскала своей милостью! видѣла, что въ академіи не даютъ мнѣ хода, профессорство-то я заслужилъ, да все не давали; государыня и велѣла графу Григорію Григорьевичу опредѣлить меня въ артиллерію капитанскимъ чиномъ.

— На васъ, батюшка... Василій Ивановичъ, кажется?.. оправдалась пословица, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ. Графъ-отъ Григорій Григорьевичъ слышно здѣсь будетъ... съ государыней...

— Пока еще нѣтъ, а меня прислали произвести поправки, чтобы было гдѣ жить государынѣ и свѣтъ и всѣмъ кто понаѣдутъ...

— Хорошее дѣло, батюшка; ну что слышно о созывѣ депутатовъ-то? А я, батюшка, отъ этой комисіи жду полнаго умирения и облегченія нашихъ тягостей, чтобы народу - то простому было повольтыгнѣе, на крестьянъ бы обратила государыня милостивое вниманіе...

— Ну относительно этого не знаю, сказалъ Баженовъ, — крестьянское дѣло трогать еще говорятъ рано. Отважень Григорій Григорьевичъ, да и тотъ не въ пользу этого; а Сумароковъ, пѣта, такъ прямо государынѣ писалъ, что крестьянъ въ Россіи освобождать нельзя, понеже дворянинъ останется безъ супа...

— Вишь какой умникъ выискался! всплеснувъ руками сказалъ Коржавинъ, — я разъ его только и видѣлъ, а ужъ тогда сказалъ себѣ: путнаго не жди...

Коржавинъ принялся развивать свои виды. Бесѣда затянулась долго; Груня то уходила, то снова входила, хлопоча за самоваромъ, повидимому не обращая вниманія на бесѣду. Анна Исаевна съ Красухиной вышли изъ чаю и тоже остались довольны разсказами Баженова о Ѳедорѣ. Прощаясь поздно вечеромъ, Коржавинъ просилъ Баженова заходить безъ церемоніи, авось молъ и Ѳедоръ подѣдетъ; Грунѣ приказали проводить его до воротъ.

Выпуская гостя въ калитку, Груня остановилась передъ нимъ, какъ бы собираясь сказать что-то.

— Ну, чтожъ, сказалъ добродушно, улыбаясь Баженовъ, — чай вы и меня теперь ужъ пересудили какъ Ѳедора?

— А то нѣтъ?!.. усмѣхнулась она, — вотъ теперь на прощанье пожалуй скажу: вы вотъ съ Ѳедоръ Васильичемъ ровесникъ — а ужъ капитанъ, и строитель, и у государыни на хорешемъ счету... а онъ покуда не золъ да не худъ — только и всего... А по моему, будь хотъ золъ въ правдѣ, да найди себѣ дорогу; а у кого дороги нѣтъ — худо...

Баженову вплоть до дому мерещилась эта своеобразная рѣчь, усмѣшка и самый образъ не полѣтамъ сдержанной, умной и привлекательной дѣвушки.

У Коржавиныхъ тоже весь вечеръ только о Баженовѣ и толковали...

— Счастливы родители, у кого такой славный сынъ! говорилъ Василій Никитичъ, очарованный Баженовымъ, — о хорешемъ не скажешь худа. Вотъ бы женишокъ-то!.. обратился онъ къ старухѣ Красухиной, — а то что корысти въ моемъ Ѳедкѣ!..

— Ну, ужъ ты, старина!.. заворчала Анна Исаевна.

на, — радъ свое дѣтище охаять, лишь бы на своемъ поставить!.. Постыдился бы добрыхъ людей... А про молодца и я худа не скажу: всѣмъ вышелъ — и красивъ, и ловокъ, и уменъ... и рѣчиствъ... Ну, а все супротивъ Оедюши куда же!.. горделиво закончила Анна Исаевна, въ простотѣ сердечной забывая, что не видала своего Оедюши лѣтъ десятокъ.

А Груня стояла въ самой глуши сада, лицомъ къ багровому закату, и держа на ладони что-то маленькое, скороговоркой говорила: «божья коровка, божья коровка, гдѣ мнѣ жить?..»

Маленькій жучекъ, точно треснувъ по швамъ, расправилъ крылышки, отдѣлился отъ ладони и плавно поднялся въ вечернемъ сумракѣ на воздухъ.

Груня задумчиво подняла глаза вслѣдъ за нимъ, остановила долгій взглядъ на пылавшей зарѣ, слезы выступили ей на глаза, сердце забилося какъ-то жутко и сладко, рука безсильно упала вдоль тѣла... Опустивъ голову, Груня тихо шла къ дому, забывъ и божью коровку, и зарю, и даже гдѣ она сама...

— Такъ вотъ кого мнѣ сватаютъ! стояло у ней въ головѣ: — не золъ... не худъ... не дуракъ... не уменъ... ничего... ничего... ничего ровнешонько!..

ХІІ.

Екатериныны орлы.

На дворѣ усадьбы Молчанова что-то готовилось. День былъ воскресный, пора обѣденная; народъ прямо изъ церкви собирался въ застольную, и на всѣхъ лицахъ сквозило ожиданіе чего-то праздничнаго, не совсѣмъ зауряднаго.

Ключникъ Молчанова-Хмурова, дюжій мужчина, лѣтъ сорока пяти, съ бѣлокурыми завитками на красномъ и толстомъ какъ у быка затылкѣ, въ серединѣ обѣда привсталъ изъ-за стола—и оглядѣвъ всѣхъ, точно считая молодцовъ, внушительно отдалъ приказъ: «смотри, робя, не расходишь; рогожскіе безперемѣнно придуть къ намъ-отка и зададутъ намъ отмѣстку... ихъ эва какъ тьма-тмущая, да можетъ и по дорогѣ кого прихватятъ.

— Да ты одинъ, Кузьма Исаичъ, за стѣнку постоишь, сказалъ малый стоявшій за вѣсами.

— Стоять буду, самодовольно произнесъ ключникъ, — только вы не выдавай; видишь, насъ какая пригоршня...

— Мальчишекъ-то у насъ мало, задиралъ! жалобно и нараспѣвъ отозвался приказчикъ, большой любитель народной потѣхи, не смотря на свою худобу и теще-душіе.

— Мы, дяденька, вчетверомъ пойдёмъ, визгливо вставилъ вихрастый замарашка, въ синей рубашонкѣ, утираясь рукавомъ, — да войтъ и Сенька съ братомъ дьячковскіе тожъ пойдутъ...

— А тѣ можетъ переметчики, сказалъ ключникъ, соблаговоляя отвѣчать даже этакому бойцу, — ну, да ладно. Держись только робя къ стѣнкѣ, чтобъ не оторвали. Съ рыла-то пусть подступаютъ, еще посмотримъ...

Въ такихъ переговорахъ шелъ обѣдъ; вдругъ въ избу ворвался другой мальчуганъ, рыжій, съ глазами на выкатѣ, и едва переводя духъ крикнулъ: «идутъ! идутъ!» Все мужское населеніе Молчановской усадьбы, конечно кромѣ хозяина, высыпало за ворота и размѣстилось по улицѣ вдоль наружной каменной стѣны, длинной, пестрой ниткой, въ которой нарядно перемѣшивались красныя и ситцевыя узорчатыя рубахи съ синими кафтанами и чуйками. По концамъ ея жались мальчишки-задиры малъ-мала-меньше, а въ срединѣ стоялъ краса кулачныхъ боевъ и вожакъ Молчановской артели, Кузьма Исаичъ. Бойцамъ не долго пришлось ждаты соперниковъ... Столбы пыли съ Каретной равномерно подавались впередъ, показывая, что наступаетъ рать сила могучая. Рогожскіе забіяки, побитые въ прошлое воскресенье въ своихъ палестинахъ, привели съ собой видимо невидимо народу; наличность ихъ вплотера если не вдвое превосходила молчановцевъ; но въ рядахъ рогожскихъ недоставало единодушія, а молчановскіе стояли всѣ какъ одинъ человекъ—и на этомъ основывалъ надежду на успѣхъ Кузьма Исаичъ.

Съ приближеніемъ враговъ, онъ поставилъ своихъ потѣснѣ и самъ нѣсколько выступилъ впередъ...

— Ребята, держись крѣпче, плечомъ не здавай! говорилъ онъ, бодро оглядываясь и расправляя локтевые суставы.

Рогожцы шли весело, увѣренные въ себѣ, и мѣряя

надменными взглядами малочисленную линію противниковъ, переговаривались, отпуская издѣвки...

— Прохоръ, мѣшки-то захватилъ-ли — молчановцевъ тащить? размахивая кулачищами, посмѣивался худощавый громаднаго роста кузнецъ. — Я вотъ съ этимъ толстякомъ перевѣдаюсь, говорилъ онъ, становясь насупившись противъ Кузьмы.

На крыльяхъ боевой линіи раздавался уже задорный визгъ и вой побиваемыхъ мальчугановъ; у молчановцевъ не было особенно сильныхъ подростковъ, а все мелюзга — и на нихъ-то напали парнищи лѣтъ по пятнадцати. Два сына Кузьмы Исача свалились первыми, за ними еще нѣсколько малолѣтокъ; рогожскіе парни, одолевъ ихъ, въ свою очередь наскочили на народъ здоровый и ихъ самихъ поперли назадъ... Тутъ уже и старшіе сошлись лицомъ къ лицу.

— Ты экаго вида! ли? проговорилъ кузнецъ, скаля бѣлые зубы и вытягивая кулачище къ самому носу дороднаго ключника, — Фридерикъ амператоръ...

Кузнецъ не договорилъ... Кузьма Исачъ, улучивъ мигъ похвалы, развернулся — и вмѣсто отвѣта влѣпивъ ему ударъ между плечъ, такъ и срѣзалъ его съ ногъ. Кузнецъ рухнулъ ничкомъ, перевернулся навзничъ, катясь по землѣ... Изъ носу, изо рту забила кровь ключомъ... Онъ лежалъ неподвижно въ пыли, распластавъ руки.

— Ай-да ударъ! Вотъ такъ молодецъ! прогудѣлъ громкій басистый голосъ въ тылу рогожцевъ, такъ что ближніе невольно обернулись. За рядами ихъ, стоя въ коляскѣ, широкоплечій великанъ лѣтъ тридцати, въ зеленомъ мундирѣ съ красной выпушкой, черноволосый, круглолицый, румяный, съ крупными чертами красиваго лица, восторженно любовался боемъ.

Хотя бойцамъ и въ диковинку было появленіе такой особы и первая мысль пришедшая въ голову каждому была о вмѣшательствѣ власти, но ни рогожцамъ,

ни молчановцамъ уже не до того было; кузнеца оттащили въ сторону, а на Кузьму рванулись разомъ трое.

— Не по чести! Не честно троемъ на одного! кричалъ офицеръ, но его не слушали, бой шелъ уже по всей линіи — и стѣна молчановскихъ ни на пядь не подалась. Изловчившись и собравъ всѣ свои силы, Кузьма свалилъ еще одного, а двое наступаютъ... Отъ ударовъ звенѣло въ ушахъ ключника; онъ шагъ за шагъ, отражая ихъ, подавался назадъ... Офицеръ не выдержавъ, рванулъ съ себя епанчу, выскочилъ изъ коляски, засучилъ рукава и крикнувъ Кузьмѣ: «держишься — на выручку иду!» ринулся на противниковъ молчановскаго предводителя. Могучей рукой ухватилъ онъ за воротъ нападавшаго слѣва — и тотъ перевернувшись раза три турманомъ, отлетѣлъ въ сторону и едва удержался на четверенкахъ, опираясь растопыренными пальцами рукъ...

Въ то-же время Кузьма сразилъ послѣдняго противника; что-то хрустнуло вслѣдъ за пудовымъ ударомъ въ бокъ наотмашь — малый упалъ замертво... Стѣна Рогожцевъ прорвалась... Смятеніе стало общимъ и перешло въ безпорядочное бѣгство вразсыпную...

Бой пріостановился... Кузьма остался глазъ на глазъ съ пріѣзжимъ великаномъ.

— Ну-ка, со мною теперь!.. становясь передъ Кузьмой, проговорилъ тотъ.

— Ты же ваша милость отвелъ моего врага — и мнѣ тебя бить?.. Такъ-то не приходится... Ино борсться... нерѣшительно говорилъ ключникъ.

— Берись, берись! поощрительно протягивая руки подбивалъ офицеръ, — только инъ безъ подножекъ, сила на силу...

— Что-жъ, изволь!..

Кузьма подошелъ, ослабляясь во всю ширину лица;

противники обнялись крестъ на крестъ, и дружелюбно глядя другъ другу въ глаза, стали понемногу расправляться, пробуя полегоньку другъ друга и мало-по-малу забирая силу; лица ихъ становились серьёзнѣе, у Кузьмы оно даже покраснѣло и жилы на лбу напряжились какъ веревки; послышался хрустъ, Кузьма отставилъ ногу и налегъ всѣмъ тѣломъ впередъ на грудь противника; тотъ подался немного, рванулъ Кузьму на сторону — и оба сцѣпились еще плотнѣй, тяжело дыша и обливаясь потомъ. Кузьма натужился и таки перѣгнулъ могучаго бойца навзничъ, но тотъ справился и устоялъ, потомъ въ свою очередь навалился на влючника...

Рогожцы и молчановцы не смѣли дохнуть; наступила такая тишь, что слышалось, какъ упряжная лошадь ворошила копытомъ мягкій грунтъ немошеной дороги; толпа глазъ не спускала съ бойцовъ, остававшихся неподвижными. Вдругъ произошло что-то невиданное-неслыханное... Кузьма почувствовалъ, что ноги его отдѣлились отъ земли — и въ глазахъ изумленныхъ зрителей, грузное громадное тѣло его вытянулось на воздухъ и тяжело бухнуло въ землю сапожищами, поднявъ столбъ пыли... Но Кузьма устоялъ на ногахъ — и съ улыбкой глядѣлъ въ лицо противнику...

— Молодецъ, перваго борца такого вижу!.. выпуская изъ своихъ тѣсныхъ объятій, вскрикнулъ офицеръ, — иди, братски поцѣлуемся... Какъ прозываешься?

Кузьма назвалъ себя, и трижды облобызалъ силача.

— А твою честь какъ величать? весело спросилъ онъ.

— Алексѣй Григорьевъ, какъ бы нехотя и запинаясь отвѣтилъ офицеръ.

— А можетъ прозвище еще какое?..

— И прозвище есть: Орловъ.

— Вотъ ужъ истинно въ точку-то попало; доподлинно орломъ и называть слѣдуетъ!.. степенно проговорилъ Кузьма Исaihъ, оглядываясь на своихъ.

— А мы съ тобой подѣй другъ другу—еще бы побороться... Приходи ко мнѣ...

— Добро, для че нѣтъ! да гдѣ я тебя найду?..

— Приходи въ Кремль—знаешь арсеналъ?—спроси только — графа Орлова, всѣ знаютъ... только назови мое имя, чтобъ не привели къ брату... А это на водку всѣмъ—и битымъ и чѣя взяла...

Опроставъ тяжеловѣсный кошелекъ въ пригоршень, графъ Алексѣй Григорьевичъ видимо привычнымъ жестомъ пустилъ ее вразсыпную по толпѣ; червонцы, золотымъ дождемъ блеснувъ въ воздухъ, покатались во всѣ стороны. Пока толпа съ гикомъ, давя другъ друга, подбирала ихъ, Орловъ сѣлъ въ коляску, воронные дружно подхватили и умчали ее изъ виду.

Въ Кремлѣ у арсенала взмыленные кони остановились.

Зала съ двумя громадными стрѣльчатыми окнами, на-скоро преобращенная въ кабинетъ генераль-фельдцейхмейстера, казалась такою пустынною, что двое молодыхъ людей, работавшихъ у большого стола, какъ-то исчезали въ ея просторѣ; а люди эти были не мелкаго десятка,—особенно одинъ, сидѣвшій на табуреткѣ, которому другой стоя объяснялъ какіе-то большіе чертежи, развернутые вдоль письменнаго стола. Тотъ, кому докладывалось, былъ красавецъ собой, съ правильными изящными чертами лица, дышавшаго смѣлостью, умомъ и спокойнымъ сознаніемъ силы. Въ губахъ и глазахъ съ поволокою проступало что-то страстное, но общее выраженіе лица было скорѣе задумчиво, чѣмъ оживлено. Порою впрочемъ въ глазахъ вспыхивала молнія, и необыкновенная подвижность бровей выказывала могучій характеръ. Высокій лобъ безукоризненной правильности, какъ бы скрывалъ присутствіе думъ, слѣдъ которыхъ отпечатывался только въ игрѣ складокъ между бровей. Это былъ самъ генераль-фельдцейхмейстеръ, графъ Гри-

горій Григорьевичъ Орловъ, а докладывалъ ему строительные проекты капитанъ артиллеріи Баженовъ.

— Такъ смотри же, Василий Ивановичъ, говорилъ Орловъ,—не ударь лицомъ въ грязь передъ академическими-то... Бецкій своего француза не похвалится.

— А что жь, Ламоттъ мой профессоръ и точно хорошій строитель; я бы не хотѣлъ у этого заслуженнаго человѣка отбивать работу, почтительно и вмѣстѣ благородно отвѣтилъ Боженовъ,—положимъ онъ старой школы, но все же съ большимъ талантомъ.

— Да французъ—ну и Богъ съ нимъ; мнѣ своего подавай...

Дверь съ шумомъ отворилась, и крупными шагами вразвалку вошелъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ.

— Ну что, стрѣлечья голова, какво погуливаешь на Москвѣ? подшутилъ генералъ-фельдцейхмейстеръ.

— А ты все сидишь? сказалъ Алексѣй, любовно глядя на брата,—ты бы шемелой этихъ дѣльцовъ отсюда!.. добродушно улыбаясь проговорилъ онъ, подалъ руку Баженову, и не дожидаясь пожатія, нагнулся къ плану.

— Это что у васъ тутъ?

— Да вотъ на случай, если государынѣ угодно будетъ показать Москвѣ благоволеніе, погостить здѣсь, такъ и дворецъ будетъ готовъ...

— А вѣдь славно!.. Гдѣ-жь вы думаете ставить?

— За то его и взялъ, что у молодца нѣтъ отказа, кивнулъ Григорій на Баженова,—говорить: все можно. Вотъ, какъ прикажутъ въ царицынской рошѣ замокъ построить—ну и пусть его...

— Ну, а мнѣ сооруди всероссійскую усадьбу, сказалъ Алексѣй, хлопнувъ Баженова по плечу,—молодецъ будешь!.. Вы совсѣмъ кончили? обратился онъ къ Григорію,—пойдемъ ко мнѣ, мнѣ до тебя дѣльце есть.

— Ладно!.. ступай себѣ, Василий Ивановичъ...

Григорій Григорьевичъ всталъ—братья пошли, взявшись подъ руку. Баженовъ свернулъ чертежи въ трубку—и въ свою очередь, выбравшись на крыльцо, тихо сошелъ со ступенекъ на сенатскую площадь. Яркій свѣтъ и припекъ весенняго солнца, голубое небо съ бѣлыми пушинками мелкихъ облачковъ, благодатный московскій воздухъ — все это было подъ ладъ настроенію самого Баженова. Не смотря на то, что онъ былъ почти свой человѣкъ у Орловыхъ, эта блестящая чета двухъ братьевъ красавцевъ—молодыхъ, богатыхъ, знатныхъ, сильныхъ милостью государыни и дарованной имъ властью, трогательно-дружныхъ между собой, — всякій разъ обаятельно дѣйствовала на Баженова, пробуждая въ собственной душѣ его смутное стремленіе впередъ, къ чему-то высшему, лучшему... Теперь, только что видѣвъ ихъ обоихъ вмѣстѣ, Василій Ивановичъ глубже чѣмъ когда либо но не такъ тягостно чувствовалъ свое одиночество, безцѣльность всего что онъ затѣвалъ и дѣлалъ. Онъ шелъ тихо, понутивъ голову, съ этой жутко-томительной и пріятно-грустной думой, изрѣдка поглядывая вокругъ и любясь окрестностью. Вдругъ потянуло свѣжестью воды, зеленью далекихъ садовъ — и какое-то сладкое воспоминаніе зашевелилось на сердцѣ. Баженовъ поднялъ голову—передъ нимъ синяя рябь Москвы-рѣки съ широкой, зеленѣющей панорамой Замоскворѣчья, съ его кривыми узкими улицами, верхушками безчисленныхъ церквей и колоколенъ... и... да, и съ маленькимъ домикомъ вонъ у самой у той красной церкви Климента папы римскаго.

— А чтожь?... вѣдь рано еще!... нерѣшительно приостановился Василій Ивановичъ, взглянувъ на свою семилоровую луковицу, — зайти, можетъ Федоръ пріѣхалъ...

Эта луковица и мысль о Федорѣ напѣнили ему парижское житье-бытье, Лосенку, Эмили, — но все это какъ-

то скользнуло въ умѣ Баженова. Словно радуясь личному предлогу «зайди», онъ проворно пошелъ на Москворѣцкій мостъ, тогда еще деревянный безъ перилъ, какъ и самая набережная убитая сваями, — и скоро очутился подъ окнами знакомаго сѣренькаго домика Коржавиныхъ.

Отворяя калитку съ желѣзнымъ кольцомъ, онъ забылъ и Орловыхъ, и свое одиночество, и прошлое, и планы будущаго — ему какъ-то просто и хорошо стало на душѣ. Въ прохладной тѣни ветхаго, ишистаго забора, у курятника стояла Груня, жмурясь отъ косыхъ лучей въ щеляхъ ограды и бросая изъ фартуха хлѣбныя крошки. Куры обступили ее со всѣхъ сторонъ и, кудахча, зорко выглядывая круглыми мигающими глазами, поворачивая вытянутыя шеи, подбирали остатки хозяйскаго обѣда.

— Здравствуйте! весело крикнулъ Баженовъ въ свернутый планъ, словно въ говорную трубу.

Груня дрогнула, поднявъ голову; фартукъ выскользнулъ изъ рукъ, крошки высыпались кучей наземь, куры съ кудахтаньемъ кинулись ей подъ ноги... У дѣвушки еще стояли въ глазахъ зеленныя пятна отъ солнечныхъ лучей — и она напрасно присматривалась къ тому мѣсту, откуда раздался голосъ.

— Не узнали? сказалъ Баженовъ, подходя къ ней.

— Ахъ, нѣтъ... какъ не узнать! покраснѣвъшися и заслоняя глаза ладонью, отвѣтила Груня: — милости просимъ, пожалуйста, пройдите въ горницы...

— А Федоръ Васильичъ пріѣхалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ еще... не бывалъ, съ легкимъ отѣнкомъ досады проговорила Груня и побѣжала впередъ на крылечко, прихвативъ свое простенькое лѣтнее платьице.

На этотъ разъ Баженовъ просидѣлъ весь вечеръ. Чай пили въ саду, подъ черемухой. Груня хозяйничала, видимо напустивъ на себя степенную строгость. Старушки все присматривались къ Баженову. Василій Никитичъ

заговорилъ было съ тезкой о наказѣ, о проектѣ новаго дворца, но скоро уловивъ два-три взгляда, брошенные Баженовымъ на Груню, смекнулъ старческой опытностью въ чемъ тутъ сила—и лучисто сощуривъ глаза, обратился къ молодой дѣвушкѣ.

— Скажите-тко вы мнѣ, красавица моя, Аграфена Александровна, началъ онъ шутливо, — отчего это у насъ боярышни, пока въ дѣвичество, умницы-разумницы, а какъ замужъ выскочить — либо облѣнится, либо сварливая станетъ, либо еще что похуже...

— А ужъ не знаю, Василий Никитичъ, отвѣтила Груня, такъ похоже на него сощуривъ свои глазки, что онъ невольно ухмыльнулся въ бороду, — надо-быть не великъ ихъ умъ-разумъ, коли такъ скоро весь выходитъ...иная обрадуется, что вотъ на свою волю попала...а то можетъ настоящаго лиха не видали, такъ вотъ и выдумываютъ себѣ небывалое горюшко да заботу...

— Ну, а вы нешто видѣли? удивленно проговорилъ Боржавинъ, поднимая брови и вдругъ становясь серьезнымъ.

— И, батюшка, вступилась Красухина старуха, — въ деревнѣ да въ сиротствѣ-то живучи всего насмотришься... Вѣдь она у меня всѣмъ бабамъ на селѣ — кому кума, кому сваха, кому что...

— Такъ, такъ!.. лукаво приговаривалъ Василий Никитичъ. — Ну, а вы, красавица моя, какъ же собираетесь за мужемъ жить — какъ всѣ аль на иную стать?

— Какъ Богъ приведетъ да какъ мужъ захочетъ, сказала Груня, — дѣло женское покорливое — сама выбрала себѣ господина, поздно пенять что не хорошъ: только людей смѣшить!..

Даже старушки разсмѣялись при этой выходкѣ, а Василий Никитичъ поперхнулся чаемъ и закашлялся....

Одинъ Баженовъ задумчиво и внимательно погля-

дѣлъ на дѣвушку — и вдругъ ему что-то стало ясно и несомнѣнно въ душѣ — словно солнышко выглянувъ освѣтило туманныя очертанія чего-то большого, темнаго и загадочнаго....

— Стало-быть выберете-то сами? подзадоривалъ Василій Никитичъ.

Груня промолчала, перемывая чашки, дѣлая видъ что не слышитъ.

— Ну, то-то же, въ моему Ѳедкѣ въ зубы-то не глядите... началъ было Коржавинъ и вдругъ спохватившись умолкъ. Баженовъ поблѣднѣлъ, словно его кольнуло что въ сердце. Остальной вечеръ ему какъ-то не по себѣ все было....

— Что это Василій Никитичъ говорилъ про Ѳедора? спросилъ онъ, когда Груня какъ и прошлый разъ вышла проводить его.

— Такъ, отвѣтила дѣвушка, потупясь и мгновенно понявъ о чемъ именно спрашивалъ Баженовъ.

— Нѣтъ, по чести, настаивалъ онъ, едва лада съ волненіемъ въ голосъ, — ужь не въ мужья-ль вамъ его прочать?..

— Прощайте... пора... пролепетала Груня, отворачиваясь.

— Нѣтъ, и вправду... Аграфена Александровна...

Она подняла къ нему большіе глаза, слегка застланные слезой, хотѣла что-то сказать — и не могла...

— Ну, прощайте, проговорилъ Баженовъ, — я теперь скорехонько зайду — можно? Груня слабо кивнула головой и захлопнула калитку.

ХІІІ.

Соперники.

На женской половинѣ дома Коржавиныхъ шли между тѣмъ дѣятельныя приготовленія къ свадьбѣ. У старухи Красухиной нашлось нѣсколько десятковъ рублей, Богъ вѣсть какимъ родомъ скопленныхъ и зашитыхъ по старымъ чужкамъ да въ торбочкахъ; но всего этого оказывалось мало. Надо было принарядить дочку на славу къ пріѣзду жениха, показать товаръ лицомъ, а денегъ взять негдѣ было. Дѣло дѣлалось тайкомъ отъ опекуна. Красухина продала свой приданный жемчугъ, и таки раздобылась всѣмъ необходимымъ, спѣша покончить до возвращенія Галдилина. Груня по цѣлымъ днямъ сиживала у окошечка за шитьемъ, напѣвая вполголоса деревенскія пѣсенки — «да все какія-то несвадебныя», какъ замѣчали старушки, помахивая головой, — «тихія да заунывныя...

— Чтой-то, Грунюшка, говорила ей мать, — прежде бывало въ саду поешь — по всему дому слышно; а нынче у тебя голосъ-то словно внутрь ушелъ... Такъ за сердце и хватаетъ, даромъ что тихо...

А свекровь будущая, Анна Исаевна, видала не разъ, какъ у неvěстухи за работой вдругъ опускались руки вмѣстѣ съ неоконченной пѣсенкой, глаза останавлива-

лись съ неподвижнымъ и томнымъ взглядомъ, голова клонилась, — и коль окликнешь Груню — такъ вся и дрогнетъ, а потомъ улыбнется какъ-то по дѣтски, жалостливо таково — и опять примется шить...

— И куда его такъ много-то? иногда говорила Груня матери: — чтò мнѣ все сдается, матушка, будто этого не надо?

— То-то дѣвичій разумъ — скорый а не спорый, укоризненно говорила мать: — все въ одномъ да въ одномъ-то нарядѣ живо приглядишься женишку...

— Ну, чтожь, то и хорошо; а то неравно въ глазахъ зарябитъ пестрота, меня-то самое онъ и не разсмотреть, — а тамъ повѣнчаютъ, спохватится—глядь, а я можетъ совсѣмъ не такая какъ ему надо...

— Э!.. тебя видно не переслушаешь!.. досадливо говорила Красухина, отходя.

А Груня, слегка вздохнувъ, снова подсаживалась къ окошечку, принимаясь за свои шелки да бархаты.

Наканунѣ Петрова, утромъ, Груня, гуляя въ саду, вдругъ увидала мать, бѣгущую въ радостномъ переполохѣ.

— Приѣхалъ!.. кричала Красухина еще издали: — иди-ка, иди!.. можетъ, спросить... Ну-ка въ добрый часъ, благослови Господь...

Ждали Галдилина со дня на день, но Груня мигомъ поняла, о комъ идетъ рѣчь; сердце ея внезапно и больно сжалось, такъ что она прихватила грудь рукой, а сама вся похолодѣла, помертвѣла и молча глядѣла на мать...

— Ну, чего? чего ты? Богъ милостивъ, все обойдется, успокоивала та: — и какая-жъ ты, какъ я погляжу!.. Ай не радостно?.. боязно чтоль?

— Нѣтъ, нешто... пойдемъ, матушка!.. уже оправясь и равнодушно проговорила Груня, направляясь къ кажитѣ.

Федоръ пріѣхалъ съ Марей прямо къ Хмурову. Тетка съ своей стороны, узнавъ о сватовствѣ, не теряла времени. Крѣпкія кладовыя каменозерской пустыньки растворились — и поползло на свѣтъ божій всякое добро, припасенное годами. Малаго обшили заново съ головы до ногъ. Собираясь на смотрины невесты, вырядясь въ бѣлый объяринный кафтанъ, расшитый досужными пичужками въ узоръ шелками на подобіе цвѣтовъ, въ блѣднорозовый камзолъ съ серебромъ, горделиво закидывая красивую голову и обмахиваясь раздушеннымъ платкомъ, Федоръ имѣлъ видъ побѣдоносный.

Въ отчій домъ онъ явился какъ ни въ чемъ не бывало, но радостныя слезы матери при свиданіи непривычно растрогали его; она такъ и замерла, повиснувъ на шеѣ сына. Федоръ горячо отвѣчалъ на ея ласки, поддерживая старушку въ крѣпкихъ объятіяхъ, — и въ то же время не безъ любопытства поглядывалъ на отца, котораго воображалъ себѣ вовсе не такимъ сѣдобороднымъ старикомъ. Умные проницательные глаза Василія Никитича, подъ навѣсомъ сѣдыхъ бровей, внушали ему невольный страхъ и уваженіе — и онъ ждалъ перваго слова со стороны отца, добродушно улыбаясь и готовый принять на свою голову всѣ грозы родительскаго гнѣва.

— Ну-ка, ну, покажись!.. заговорилъ Коржавинъ, осматривая сына съ ногъ до головы и видимо сдерживая свои чувства притворной насмѣшливостью: — хорошъ, неча молвить, хорошъ!.. Эхъ, баловство, баловство — все тетка! прибавилъ онъ, покачавъ головой: — ну, кайся, разбойникъ, что ты это съ Меркулычемъ-то сдѣлалъ?

— Да нешто я? отвѣтилъ Федоръ, продолжая улыбаться и при этомъ воспоминаніи, и почуявъ что отецъ шутить, — вѣдь она сама всему починъ положила... Ну, а мнѣ чтожъ!.. Онъ безпечно тряхнулъ головой и

помолчалъ. — Не я, такъ другой бы — все едино. Вѣдь это только Меркулычу простительно думать...

— Ахъ, ты безстыжая голова! перебилъ Коржавинъ, противъ воли любуясь молодцомъ: — на то ли тебя за море-то посылали? Ну-ка, скажи, чему ты тамъ путному выучился?

— Ужъ коли правду говорить, пожалуй что и ничему...

— Вотъ, люблю, что хоть не врешь! засмѣялся Василий Никитичъ: — ну, иди поцѣлуемся!

Федоръ обнялъ его, нѣсколько разъ поцѣловалъ у него руку и отвернулся...

— Батюшка!.. проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ, — батюшка, спасибо тебѣ, сударь!.. Не ждалъ... не стою, а все-бъ не стерпѣлъ, кабы что... А теперь не стыдно... не стыдно и вотъ какъ...

И внезапно прослезясь, онъ быстрымъ, гибкимъ движеніемъ сталъ на колѣна и припалъ къ ногамъ отца.

— Ну, полно, полно! зачастилъ растроганный Василий Никитичъ, подхватывая сына, — мы вѣдь не бабы... чего рюмить-то!

Коржавинъ смахнулъ рукавомъ навернувшіяся счастливыя слезы.

— Вотъ такъ-то лучше! обрадовалась Анна Исаевна, до сихъ поръ со страхомъ прислушивавшаяся къ нимъ и готовая какъ наѣдка вступить за своего птенца: — кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ... Эна-ка онъ какой, блѣдный да худой... Чай больнехонекъ еще?

— Ничего, до сватъбы заживетъ, матушка! молодцовато сказалъ Федоръ.

— То-то до сватъбы!.. смотри, не прогляди невѣсту-то!.. подтрунивалъ Василий Никитичъ.

— Да покажите мнѣ ее сперва, самодовольно проговорилъ Федоръ, сядясь и закладывая ногу на ногу, — а тамъ ужъ наше дѣло будетъ...

— Ну, не хвались — не люблю, перебилъ отецъ: — вотъ къ обѣду выйдетъ — успѣешь наглядѣться... А пока расскажи мнѣ про себя... ну, хоть про Парижъ... Надожъ мнѣ сколько-нибудь знать, что ты за человѣкъ, доподлинно...

Анна Исаевна поспѣшила въ заднія комнаты — и обѣ онѣ съ Красухиной захлопотали около Груни, то обдергивая ей голубое платье съ кружевомъ, то взбивая ей русые волосы, ниспадавшіе густыми косами на спину; хотѣли даже ее подрумянить, но Груня не далась — и лишь на усиленные просьбы матери согласилась налѣпить себѣ одну мушку. Она сама вырѣзала изъ черной тафты крошечную пчелку — и разсѣянно ставъ передъ стѣннымъ зеркаломъ, налѣпила ее надъ лѣвой бровью. Въ этомъ городскомъ нарядѣ, въ несвойственной прическѣ, спотыкаясь на высокихъ каблучкахъ сафьянныхъ башмачковъ, и уродливо отражаясь въ волнистомъ зеркалѣ, Груня посмотрѣла на себя какъ на неудавшійся портретъ и съ насмѣшливой улыбкой пошла къ обѣду. Но по мѣрѣ того, какъ она подходила къ той комнатѣ, откуда слышался молодой пріятный голосъ и веселые раскаты смѣха, сердце ея начинало биться сильнѣе, и въ головѣ кружился гадательный образъ ея суженаго... Растворивъ дверь, она какъ въ туманѣ увидала его бѣлый кафтанъ — и оробѣвъ, стала на порогѣ, не смѣя взглянуть ему въ лицо...

— Ха, ха, ха! басисто хохоталъ Василій Никитичъ! — потѣшникъ ты эдакій!.. Изъ посольскихъ переводчиковъ да въ учителя къ Бецкому, а потомъ роскошничымъ попомъ при теткѣ Марей... Тѣфу, пусто тебѣ совсѣмъ!.. И сердиться — то на вражьяго сына нельзя...

Федоръ, сидѣвшій развалился въ креслѣ, прервно и вмѣстѣ съ лѣнливой небрежностью всталъ навстрѣчу Грунѣ; скользя по полу носками врозь, онъ быстро по-

дошелъ къ ней—и не успѣла Груня отшатнуться отъ его поклона, какъ рука ея почувствовала легкое пожатіе и прикосновеніе горячихъ губъ.

— Вотъ, сударь, прошу любить да жаловать! начала старуха Красухина, входя за дочерью, — заждались мы тебя, касатикъ... Все ли въ добромъ здоровьи доѣхать изволилъ?.. говорила она, старчески любопытно взглядываясь въ нарѣченнаго зятя.

— Всенижайше благодарю васъ, Богъ миловалъ, сударыня, а безъ его воли ни единый власъ не спадетъ съ головы человѣческой, припомнилъ Ѳедоръ изъ недавнихъ бесѣдъ съ раскольниками; онъ поцѣловалъ и тещину руку и пододвинулъ кресла обѣимъ дамамъ.

Груня вдругъ подняла на него свои глаза — и прежняя усмѣшка шевельнула ея маленькія губы, въ то время, какъ она, оправляя платье, сѣла поодаль къ окну.

Старуха Красухина, тая отъ любезностей зятка, явно любовалась имъ.

— Что-жъ, батюшка Василий Никитичъ, напрасно плакался на сына-то! говорила она, улыбаясь, — ловокъ, уменъ, обходителенъ, грѣхъ сказать... соколъ соколомъ...

— Ужъ и я дивлюсь, какъ это я маху далъ! добродушно подтрунилъ Коржавинъ: — малый то на всѣ руки оказывается...

— Милости просимъ, гости дорогіе, хлѣба соли откушать! пригласила Анна Исаевна, появляясь изъ столовой, — дай Богъ тѣмъ же порядкомъ да и за княжой бы пиръ...

Ѳедоръ подалъ руку старшей Красухиной и церемонно повелъ ее къ столу.

Жениха и невѣсту посадили другъ противъ дружки, «чтобы приглядѣлись» шепнула Анна Исаевна на ушко Красухиной матери. Весь обѣдъ Ѳедоръ весело шутилъ, рассказывалъ анекдоты, прислуживалъ дамамъ и окон-

чительно очаровалъ обѣихъ старушекъ. Василій Никитичъ на этотъ разъ уступалъ ему первенство въ разговорѣ, а Груня, какъ и подобало скромной дѣвицѣ, сидѣла молча, прислушиваясь, изрѣдка взглядывая на нареченнаго мужа и потомъ, словно съ недоумѣніемъ, на старика Коржавина.

Василій Никитичъ послѣ обѣда тотчасъ пошелъ соснуть; а старушки только этого и ждали, чтобъ оставить молодежь вдвоемъ.

— Грунюшка, ты-бы пошла, касатка, нарвала-бы намъ къ чаю малинки, сказала Анна Исаевна, — вонъ тебѣ Федюшка поможетъ, — помнишь ли Федя садикъ-отъ нашъ?... Забылъ-чай, ась?..

Груня взяла тарелку и вопросительно взглянула на Федора.

— Съ превеликою охотой, сказалъ тотъ, подходя къ ней, — коли только не прислужу Аграфенѣ Александровнѣ...

И ловко скругливъ локоть, онъ поставилъ руку молодой дѣвушкѣ...

— Пожалуйста, пройдите впередъ, проговорила Груня — въ эту дверь тѣсно...

Эти первыя слова, услышанныя Федоромъ отъ невесты, произвели на него странное впечатлѣніе своей простотой — онъ видимо не такого ждалъ отъ вѣта.

Федоръ пропустилъ свою нарѣченную и молча последовалъ за ней въ знакомый садъ, гдѣ бывало рѣзвился ребенкомъ.

На дворѣ было жарко; погода съ недѣлю уже стояла превосходная; ни облачка въ чистой синевѣ. Солнце пекло такъ, что земля накалилась чувствительно ногъ и вѣтерокъ вѣялъ въ лицо нагрѣтымъ воздухомъ. Тѣмъ пріятнѣе сталъ переходъ къ прохладѣ, когда молодые люди, нагнувшись въ маленькой калиточкѣ, вступили

подъ зеленый навѣсъ листвы. Ѳедоръ не узнавалъ стариннаго пріюта. Все какъ-то разрослось, перепуталось и сплелось въ густую сѣнь, обдававшую дорожки и золотистую траву лапчатыми тѣнями листьевъ. Только кусты малины и крыжовника остались тѣми же, какими помнилъ ихъ странникъ. Да такъ же, на высокомъ шестѣ торчала скворечница надъ грядкою краснаго мака и чернозобый бѣлоносый жилецъ ея, радостно вздергивая крылышками, перевиралъ по прежнему всякіе птичьи лапѣвы...

Груня ставъ подъ яблонькой, держа въ одной рукѣ тарелку, отбирала крупныя малиновыя ягоды, прятшіяся въ темной зелени. Золотые зайчики солнца перебѣгали по хорошенькому личику дѣвушки, подернутому легкимъ янтарнымъ загаромъ. Ѳедоръ тоже сорвалъ ягодъ пять — и вдругъ, какъ будто при видѣ окрестности, напавшей на него далекой дѣтства, разсѣялась вся неловкость его положенія. Онъ въ первый разъ взглянулъ прямо въ глаза Грунѣ и улыбнулся мягко, задушевно...

— Премного благодаренъ сему случаю, что могу объясниться съ вами отъ чистаго сердца, началъ онъ, взявъ у нея изъ рукъ тарелку и отставляя на скамью подъ яблоней, — смѣю ли просить васъ, пожалуйста, присядьте... Вы можете почтете меня за невѣжу, что я такъ прямо приступлю къ такой матеріи... А я ужъ такой человѣкъ — всякое принужденіе для меня несносно...

Онъ видимо затруднялся.

— Приказывайте, сударь, я за честь почту слушать что изволите, сказала Груня, садясь на скамью и тоже взглянувъ на него изподлобья.

— Я такъ понимаю, началъ Ѳедоръ, подсаживаясь къ ней и поворачивая тарелку на скамѣ указательнымъ пальцемъ, — что у родителей нашихъ дѣло это

порѣшено... Батюшка отписалъ мнѣ, что вы чрезъ замужество желаете вызволить себя отъ опекуна... А вамъ должно быть извѣстно, что я тоже еще ни къ чему себя не устроилъ... и пока еще аттестовалъ себя весьма негоднымъ человѣкомъ...

Онъ вдругъ отодвинулъ тарелку, и поднявъ голову, добродушно усмѣхнулся Грунѣ, а потомъ досталъ платокъ, и вытеревъ себѣ лобъ, сталъ обмахиваться отъ жары...

Лицо Груни разомъ просіяло, и она участливо улыбнулась Федору.

— Да не робѣйте, продолжалъ Федоръ, не понявъ значенія ея улыбки, — я вѣдь не таковъ какъ здѣшніе мужья — останетесь при всей своей волѣ. Мое дѣло чтó? Поладимъ — ладно; а коль не по сердцу я вамъ придусь — во всемъ твое произволеніе. Я въ иностранныхъ земляхъ слава Богу потерялся, видалъ всякіе обычаи, что ни есть лучшіе. Одно слово: галанъ. Конечно, у насъ еще не распаталась старина, а въ Парижѣ — тамъ жена дѣлаетъ чтó хочетъ — мужъ ее и не спрашиваетъ, говорилъ Федоръ самодовольно, даже нѣсколько поучительно.

— Какъ же это такъ, Федоръ Васильичъ? Мало-ль чтó женѣ взбредетъ на умъ? Какой же послѣ того онъ мужъ? проговорила Груня, съ удивленіемъ поднявъ глаза на Федора, — чтóжь это вправду за законъ?

— Законъ самъ по себѣ, а житье мужа съ женой — иная статья. Тамъ зачастую подпишутъ контрактъ и обвинчаютъ ихъ, для того чтобъ ей носить его фамилію; всѣ знаютъ, что такая - то; живутъ подъ одной кровлей; случается, что и обѣдаютъ вмѣстѣ, а въ остальномъ... она себѣ, а онъ себѣ. Вотъ, хоть бы дюжъ Роанъ, первый модникъ, ѣдетъ съ актрисой, встрѣчаютъ жену его тоже съ шевалье, другъ другу пожимаютъ руки, ласково освѣдомляются о здоровьѣ и какъ ни въ чемъ не бывало расстаются... до новой встрѣчи.

— Зачѣмъ же имъ понадобилась женитьба-то? спросила озадаченная Груня.

— Да вотъ какъ намъ нынече, сказалъ Ѳеодоръ.

— Вотъ что-о! м-м-м!.. протянула невѣста, но вдругъ быстро отодвинулась отъ Ѳеодора, замѣтивъ чью-то длинную тѣнь, близившуюся по дорожкѣ къ самымъ ногамъ ея...

Поднявъ голову Груня, увидала медленно шедшаго на нихъ Баженова, и ее мгновенно поразила рѣзкая перемята въ его лицѣ: Василій Ивановичъ былъ блѣденъ, губы его видимо старались улыбнуться, но только странно кривились.

— А, такъ вы вотъ гдѣ... нашелъ наконецъ... Здорово, пріѣзжій! проговорилъ онъ.

Быстро поворотясь, Ѳеодоръ заключилъ его въ свои объятія, но тотчасъ же почувствовалъ какой-то холодъ въ объятіяхъ друга.

— Какіъ можешь? проговорилъ Ѳеодоръ.

— Нешто, принужденно отвѣтилъ Баженовъ: — добраго здоровья, Аграфена Александровна...

— Вы уже знакомы? спросилъ Ѳеодоръ.

— Василій Ивановичъ частенько навѣдывался о васъ, съ весны еще захаживалъ... сказала Груня, — всѣ его такъ полюбили...

— Значить приглянулся, сказалъ Ѳеодоръ, — да какъ не приглянуться экому молодцу!..

— Шутить изводишь, перебилъ Баженовъ, котораго повело какъ бересту на огнѣ, — потѣшайся, пожалуй...

Груня взяла тарелку и поспѣшно пошла къ дому.

— Что ты это какъ будто не въ себѣ? сказалъ Ѳеодоръ, — несуражій такой? Нездоровится чтоль?

— Да, можетъ и такъ... А ты такъ больно весель — стало поздравить можно? съ лихорадочною пытливостью заглядывая въ глаза Ѳеодору, спросилъ Баженовъ.

— Пожалуй... да что ты такъ на меня смотришь? сказалъ Ѳеодоръ, положивъ руку на плечо друга.

— Ужь совсѣмъ слажено? перебилъ Баженовъ.

— Да коли стариковъ слушать, такъ совсѣмъ, отвѣтилъ Ѳедоръ.

— А ты-то самъ какъ? спросилъ Баженовъ.

— Просто, братецъ, голова кругомъ, отвѣчалъ Ѳедоръ, — въ ней есть что-то такое... на магнитъ похоже, а въ руки не дается...

— Что-жь, по твоему, сразу — какъ Эмили... или, какъ ее? Щукина чтоль? желчно и язвительно процѣдилъ сквозъ зубы обыкновенно добрый и кроткій Баженовъ.

— То есть какъ тебѣ сказать, до Эмили ей далеко — вѣдь это сущій ребенокъ; а Щукина... кабы ты зналъ, что за душа!

— Да ты, Ѳедя, прости меня, ужъ о душѣ-то помолчалъ бы!.. съ сердцемъ сказалъ Баженовъ и круто повернувшись, прошелся по дорожкѣ...

Все это было ново Ѳедору въ его пріятелѣ.

— Ну, что-жь пойдѣмъ въ избу что-ли? сказалъ онъ Баженову.

— Нѣтъ, мнѣ ужъ домой пора — я тамъ совсѣмъ протился...

— Такъ-то рано? Да мы съ тобой и поговорить путемъ не успѣли... Постой же, я хоть провожу тебя немного. Покалякаемъ.

— Да что съ тобой, вѣтреникомъ, калякать-то? говорилъ Баженовъ, уже идя по двору, — все тотъ же вѣтеръ у тебя въ головѣ, если не хуже... Вздумалъ сравнить кого-же съ Аграфеной Александровной!.. Да ты знаешь ли, что за сокровище тебѣ достается?..

— Инъ вразуми, пожалуй, буде не въ тяготу! нѣсколько насмѣшливо проговорилъ Ѳедоръ, задѣтый за живое его холодностью.

— Ты смекаешь ли, что будетъ за жена изъ этого ангельскаго созданія? продолжалъ Баженовъ оживляясь, — сердце — золото, умъ — не женскій, по кротости

голубица... и ко всему этому невертливость, искренность... хозяйство любить, всегда за дѣломъ... Да нѣтъ, что тутъ толковать — ты не поймешь, хоть до утра говорить... Прощай, братецъ!..

— Ну, коли не удостоиваешь больше на-сегодня, такъ хоть другой разъ приходи; а то невольно помнится, что снѣсъ напала въ капитанскомъ-то чинѣ...

— Ахъ, ты шутъ гороховый, туда же! невольно засмѣялся Баженовъ, протягивая руку: — ладно, зайду... вашъ гость.

И друзья разстались.

— Ну, Аграфена Александровна, въ тотъ же вечеръ говорилъ Федоръ своей невѣстѣ, — спасибо Василю Иванычу, вотъ ужъ истинно умный человѣкъ, открылъ мнѣ глаза на васъ...

— А что? что онъ говорилъ? съ живостью перебила Груня, и большіе сѣрые глаза заискрились не со вѣсьмъ обычною живостью.

— Да ужъ расхваливалъ-расхваливалъ до небесъ — и сердце-то у васъ золотое... и ангельское-то вы созданіе... и никогда-то я не пойму васъ съ моею простою беззавѣтной... Вотъ въ этомъ только и ошибся... Судить все по старому, а того и не подумалъ, что для васъ я способенъ преобразиться... просто другимъ человѣкомъ стать...

— Ой-ли? почти прошептала Груня съ выраженіемъ блаженства во всѣхъ чертахъ кроткаго лица.

Федоръ, объяснивъ это въ свою пользу, страстно припалъ губами къ ея рукѣ...

Онъ долго не могъ заснуть въ эту ночь, въ своей дѣтской свѣтелкѣ; полная луна двумя широкими снопами врывалась въ окна — и въ голубоватой бѣлизнѣ этихъ столбовъ свѣта, возникалъ прелестный образъ Груни, въ невѣдомой до сихъ поръ Федору чистотѣ и дѣвственности... Сладко и жутко закипало въ немъ что-то новое...

неиспытанное... Но вдругъ жгучая мысль, словно молнія промелькнувъ въ головѣ, кольнула его въ сердце съ нестерпимою болью...

— Ба! не *его* ли ужь она? вскрикнулъ онъ, вскочивъ съ постели:—Ну, да еще увидимъ чья возьметъ! Помѣряемся, Василій Ивановичъ!

XIV.

Рпеқунъ.

Запасшись двумя копіями съ перечня Коржавина, Сила Силычъ поскакалъ изъ Москвы къ воеводѣ въ Каширу, надѣясь не только удивить весь честной народъ съ приказною челядью, но еще и удостоиться благосклонной улыбки несовсѣмъ ему знакомаго сановника. Въ свою очередь, воевода съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія надежнаго человѣка, слава котораго какъ дѣльца гремѣла по уѣзду, — и вотъ наконецъ прибылъ посланный. Подѣхавъ на тройкѣ къ воеводскому правленію, Галдилинъ самоувѣренно влетѣлъ въ присутственную камеру и настоятельно потребовалъ свиданія съ градоначальникомъ.

— Ну, что, мой дорогой, что? какъ у васъ? привезъ? встрѣтилъ его самъ воевода, въ дверяхъ, засыпавъ вопросами.

— Привезъ, государь мой, отвѣтилъ Галдилинъ съ низкимъ поклономъ, — да кабы зналъ и вѣдалъ, твоя милость, какихъ трудовъ-то стоило!.. забиралъ справки по всей Москвѣ, а приказныхъ что ни есть всѣхъ вдоль и поперекъ знаю...

— А ты, другъ, не горюй, что поистратился—ино что можно и съ лихвой возвратимъ... Было бы дѣло...

— А ужь дѣло первый сортъ — вся суть какъ на ладони выложена, говорилъ Сила Силычъ, подавая толстую тетрадь, — четыре крестовика стоила одна копія.

— Ого-го! Должно-быть покладено разума малая толика! самодовольно сказалъ воевода, взвѣсивая на ладони рукопись, — да это что же такое?

— Что требуется вашей милости — тутъ все есть; какъ чему быть слѣдуетъ...

— Ну, давай; прочитаемъ мы сами, а чего не разберемъ, такъ ты пояснишь.

— Когда прикажетъ, твоя милость, навѣдаться?

— Да такъ недѣльки черезъ двѣ понавѣдайся... къ самымъ къ выберамъ и поспѣешь...

Галдилину эта отсрочка припалась какъ нельзя больше съ руки. Наслышась въ Москвѣ о томъ, что депутатамъ будетъ положено жалованье, Сила Силычъ замыслилъ дѣло не малое: ему хотѣлось быть выбраннымъ отъ двухъ уѣздовъ разомъ — и въ Каширѣ, и въ Веневѣ. Оставивъ одну копію съ коржавинскаго перечня воеводѣ, онъ поѣхалъ въ Глазово посовѣтоваться съ попомъ Матвѣемъ, а затѣмъ тотчасъ бы и въ Веневъ; но разныя хозяйственныя упушенія и хлопоты задержали его въ усадьбѣ до самаго назначеннаго дня...

Между тѣмъ, воевода, получивъ копію, въ тотъ же вечеръ позвалъ подъячаго и велѣлъ читать.

Долгое время сановникъ слушалъ внимательно, изрѣдка подхвалявая, потомъ и совсѣмъ замолчалъ...

— Ты пропусти маленько; гляди-ко, подалъ-то что? сказалъ онъ наконецъ.

Подъячій перевернулъ, поторопясь просматривая, листы три, но и далѣе шло все тоже: говорилось все о посадскихъ, какъ ихъ лучше устроить, да чтобы мужики пошли жить, да самосудъ какой-то завелся бы у нихъ...

— Ишь ты какая ересь!.. Мужикъ мужика судить будетъ... Какой же это порядокъ? Что-то, братъ, не

такъ?! совѣтовался воевода съ дѣльцомъ: — да этотъ Галдилинъ-то самъ изъ посадскихъ чтоль, что ему ихъ дѣло такъ близко?..

— Нѣтъ, изъ приказныхъ...

— Такъ чтожь это они ему дались такъ? съ недоумѣніемъ говорилъ воевода.

— Да, эна ваше... ство, тутъ эки соколы насажены, вдругъ ослабился подьячій, — говорится, чтобъ воевода въ городскія дѣла не мѣшался... Да толь еще!.. вона, говорить, что добро бы было, кабы воеводу учащывали тѣ же самые выборные посадскіе каждое лѣто! Ишь какіе попечители!..

— Да какое жъ тутъ добро! Просто бредни какія-то! ворчалъ воевода, — да ты, Иванъ Акустичъ, разбираешь ли? О воеводѣ-то, о воеводѣ-то гдѣ? Посадскіе прахъ ихъ дери! А ты мнѣ воеводу-то подай! Посадскихъ-то можетъ научаетъ по ихъ дѣлу, а воеводу-то еще ладнѣй! Коли бы не было мелкой рыбки, такъ и шукѣ бы дѣлать было нечего...

— Да чтó, ваше-ство, вона смотрю, пробѣгая глазами говорилъ усердный дѣлецъ, — о воеводѣ-то тутъ и совсѣмъ нѣтъ... вонъ и конецъ.

— А коли нѣтъ, такъ на кой прахъ мнѣ эта грамота! Просто значить, коли явится этотъ мошенникъ, пристрасти ты его, чтобъ онъ со мной экихъ игрушекъ не игралъ, и посадскихъ у меня не бунтовалъ, а не то я ему въ очію пропишу притчу о рабѣ неисполнившемъ волю господина своего — понимаешь? Чтожь онъ, вражій сынъ, за посмѣхъ я ему чтоль достался?! говорилъ воевода, грозно расхаживая по горницѣ...

Когда Сила Силычъ явился навѣдаться, подьячій перепугалъ его на смерть, говоря, что воевода велѣлъ спросить: есть ли у него голова на плечахъ, — и что за такіе наказы бьютъ и плакать не велятъ.

— Ты ужъ лучше и не показывайся воеводѣ, а по-

воротивъ оглобли, скачи тѣми же пятами въ Москву, коли подлинно тамъ былъ, да наплюй въ глаза тому мошеннику, который тебя увѣрилъ, что это самое дѣло и есть...

— Да кто-жь это изъ васъ такъ разсудилъ? вступился за собственное достоинство Галдилинь, не въ состояніи еще придти въ себя при такомъ неожиданномъ проявленіи воеводскаго гнѣва, — самъ, братъ, я слышалъ, какъ по Москвѣ хвалили это самое писаніе... Этого самаго Коржавина хотѣли въ депутаты, — стало, понимаютъ получше вашего...

— Прямой ты Галдилинь — галдишь-галдишь, а въ толкъ не возьмешь... Посылалъ воевода тебя для себя — а тутъ о мужикахъ... Чужую крышу неча крыть, когда своя течетъ; а ты промысли, какъ теперь воеводамъ быть...

Твердо убѣжденный въ великомъ умѣ Василя Никитича, Галдилинь порѣшилъ, что здѣшній воевода просто глупъ, — скрѣпя сердце отказался отъ надежды быть за двухъ депутатовъ и поспѣшилъ въ Веневъ, чтобы хоть своего уѣзда не упустить. Но тамъ знакомые люди просто на смѣхъ его подняли, разъяснивъ наконецъ, что горожане съ посадскими одна статья, а помѣщики съ крестьянами — другая, воеводы же съ приказнымъ людомъ — и совсѣмъ третья.

Тутъ только понялъ Галдилинь свой промахъ — и какъ всѣ невѣжды, гнѣвъ свой перенесъ на Коржавина, считая его главнымъ виновникомъ афронта въ Каширѣ и Веневѣ. Всю дорогу до Глазова онъ проклиналъ Василя Никитича на всѣ лады, повторяя про себя угрозу, что не оставитъ ни единого волоска въ сѣдой бородѣ этого стараго пса. Досада и ярость лишили его сна и ѣды, онъ метался въ жару на дорожныхъ пуховикахъ кибитки, говорилъ что-то непутное и въ усадьбу его привезли безъ памяти, въ жесточайшей горячкѣ.

Сила Силычъ провалялся до самого Петрова дня, и едва оправившись, поспѣшилъ въ Москву. Съ самой заставы онъ не чаялъ, какъ добраться до дому Коржавинныхъ, чтобъ поскорѣй сорвать сердце.

У кружала на Коровьемъ валу окликнулъ прїѣзжаго одишъ изъ подъячихъ, которыхъ Галдилинь пайвалъ бывало, развѣдывая о наказѣ.

— Чего тебѣ? услышавъ знакомый голосъ Антипыча и остановивъ возницу, отозвался Сила Силычъ.

— Никакъ, милостивецъ, на свадьбу спѣшишь? говорилъ Антипычъ, подходя къ кибиткѣ.

— И ты, лѣшій, туда-жъ насмѣхаться! Какая тамъ чортова свадьба? крикнулъ Галдилинь.

— Какая чортова? Извѣстно, Коржавинъ сосваталъ твою боярышню за своего сына... Въдѣ тебѣ приходится посаженнымъ быть...

— Что ты врешь тутъ, приказная строка! да съ тобой-то я расправлюсь! злился Сила Силычъ, высовываясь изъ кибитки; но тутъ ужъ изъ рассказовъ подъячаго дѣло разъяснилось — и Галдилинь закипѣлъ пуще прежняго.

— Ты коли что, Сила Силычъ, ищи меня на Балчугѣ — я тамо-тка буду — знаешь? крикнулъ Антипычъ вдогонку...

Черезъ нѣсколько минутъ кибитка въѣхала на дворъ Коржавинныхъ, гдѣ ужъ какъ-то привыкли къ отсутствію грознаго опекуна — ждали - ждали, да и ждать перестали.

Галдилинь засталъ Василя Никитича, прохаживающимся по комнатѣ, очень грустнаго и до того углубленнаго въ свои мысли, что онъ даже не поднялъ головы при появленіи новаго лица. Такое невниманіе Галдилинь объяснилъ совсѣмъ другой причиною — явнымъ пренебреженіемъ къ своей персонѣ.

— Чтожъ ты, чортовъ сынъ, ломаешься? разразился Сила Силычъ, простоявъ минуты двѣ и не въ силахъ

удерживать накипѣвшую ярость, — дуракомъ что ли круглымъ считаешь, что и не видишь человѣка — я-ли-ста не я...

Поднявъ голову и придя въ себя, Васицій Никитичъ поглядѣлъ удивленными глазами на своего ругателя и только рукой махнулъ. — Отстань, пожалуй, нехотя проговорилъ онъ, — не до тебя!

— Тебѣ не до меня, да мнѣ до тебя! рывкнулъ Сила Силычъ, подступая къ нему, — какую ты мнѣ чертовщину намаралъ тамъ... какъ его въ перечнѣ что ли... перечница и есть она чортова... А я повѣрилъ какъ доброму человѣку! — Все одно плутовство твое — знаю я для чего...

Лицо Васиція Никитича приняло выраженіе обиднаго сожалѣнія — и покачавъ слегка головой, онъ вполголоса спокойно вымолвилъ только: «знаю, знаю, все такіе умники какъ вы. Другой народъ — не то бы было»...

И онъ принялся ходить изъ угла въ уголъ.

— Ты дураками-то ставить гораздъ, а самъ-то дуракъ и есть писаный!.. Дуракъ и я, что тебѣ повѣрилъ... Да чортъ ли зналъ твои расчеты!.. Тебѣ, одно слово, нужно было меня-то удалить. Да я вѣдь не потерплю — еще не ушло время...

— Какіе расчеты? Что ты мнѣ это поешь? сказалъ Василій Никитичъ, остановясь.

— Да ты не прикидывайся такимъ праведникомъ...

— А ты, Сила Силычъ, въ себѣ аль не въ себѣ? Чего ты ко мнѣ присталъ?

— Я же къ нему присталъ, душегубцу-бездѣльнику! Онъ же съ меня голову рѣжетъ, я-жь его и трогаю...

— Да въ чемъ дѣло? Говори начистоту.

— Вѣдь ты подбилъ Красухину выдать за своего сына дочку?

— А, вотъ оно что! усмѣхнулся Коржавинъ. — Нѣтъ не подбивалъ, она сама этого хочетъ...

— Иуда! Предатель! Чегожь тутъ-то запираешься! Я ужъ все знаю... Но этому не бывать! слышь, не бывать!.. А я тебя еще упеку въ доброе мѣсто, чтобъ ты бунтовскихъ писаній посадскимъ противъ преержавшей власти не сочинялъ... Вотъ ужъ, дай срокъ, выбѣгу на Красную площадь, да и закричу: слово и дѣло!..

— Ну, тебя же и схватятъ да и посадятъ какъ сумасшедшаго... Не знаешь чтоль, что еще блаженной памяти императоръ Петръ III это повывелъ, такъ что такимъ ябедникомъ какъ ты и вѣру-то ять не будутъ...

— Добро жъ, стой ты у меня!.. и Галдилинъ въ бѣшенствѣ бросился на Коржавина, задѣвъ и поваливъ скамью; на грохотъ паденія прибѣжалъ Федоръ и сзади схватилъ Галдилина.

— Караулъ! разбой! закричалъ тотъ, вырываясь, — ограбили, убили человѣка!...

— Оставь его, Федя, сказалъ Коржавинъ, — неравно замаешься...

Галдилинъ, схвативъ за воротъ Федора, наступалъ уже на него, крича: «ты что за человѣкъ? Вонъ отсюда!»

— Какъ вонъ? сына-то моего? спокойно вступился Коржавинъ, — онъ такой же хозяинъ какъ и я здѣсь въ домѣ...

— А такъ это ты-то врагъ и есть? проревѣлъ Галдилинъ, и отступивъ на нѣсколько шаговъ, язвительно засмѣялся, дрожа отъ бѣшенства, — дрянъ, молокососъ! — вишь какое художество изобрѣлъ — жепиться!.. Да ты бы спросилъ, кто за тебя отдастъ!.. Да что ты за птица?.. и онъ топалъ ногами, заливаясь неестественнымъ хохотомъ...

— Что я за птица? начиная выходить изъ себя, отозвался Федоръ, — а на первый разъ такая, что сгребу тебя въ охапку да и выброшу за окошко.

Гвалтъ и разгаръ ссоры собралъ всѣхъ домашнихъ

Боржавина; пришла Анна Исаевна, выглянули Красухины; при видѣ ихъ неистовство Галдилина усилилось. Онъ съ кулаками подступилъ къ помѣщицѣ.

— Ты что, старая вѣдьма, надумала? Рада что меня выпроводила — и пошла кутить да мутить! — Ладно — уйму! На то я и онекунъ...

— Ну, ужъ это шалишь, обыкновеннымъ голосомъ сказалъ Боржавинъ, — еще никакому опекуну такихъ правъ не предоставлялось — вѣдь здѣсь братъ не Веневъ и не Кашира.

Слово «Кашира» подѣйствовало на Силу Силыча какъ красное сукно на быка.

— Ахъ ты бездѣльникъ, еще и глумишься, послѣ того какъ подвелъ у воеводы! заревѣлъ онъ, — да ужъ за одну эту пакость я посулился не оставить ни одного волоса въ твоей бороде.

И онъ опять рванулся къ Боржавину; но Василий Никитичъ вдругъ выпрямился во весь ростъ и схватилъ его руки какъ желѣзными клещами.

— Потихе, потихе! говорилъ онъ, сдерживаясь самъ, хотя глаза его грозно сверкали, — неровенъ часъ движу — не было бы худо...

— А такъ у васъ тутъ шайка! вы душегубствовать?! кричалъ Галдинъ съ пѣной у рта, — думаете, что на чужой сторонѣ и управы не найду...

Съ этими словами Галдинъ кинулся къ двери, но съ порога еще разъ обернулся къ Красухинимъ: — а вы... живо!... собирайся въ деревню; чтобъ завтра же выѣхать... Я васъ въ этомъ вертепѣ не оставлю...

И Сила Силычъ ушелъ, оставляя за собой на крыльцѣ и по двору словно звуковой слѣдъ ругани и ворчанья...

По уходѣ его, старуха Красухина залилась слезами. Груня крѣпилась, но сердце защемило при послѣдней угрозѣ опекуна — и предчувствіе чего-то недобраго охва-

тило ее... Мысль о томъ, чтобы теперь покинуть Москву, надрывала ей душу...

— Что жъ это будетъ, Ѳеодоръ Васильичъ? спросила она, подойдя къ нарядченному. Ѳеодоръ, растерявшись, несвязно говорилъ: «нѣтъ, какъ можно!.. Нужно что-нибудь изобрѣсть... Онъ не посмѣетъ...

— Ну, на это плоха надежда, горько усмѣхнувшись сказала Груня.

— Какъ же ты думаешь, батюшка? обратился Ѳеодоръ къ Боржавину, разводя руками.

— Да мнѣ чтожъ! вѣдь не мнѣ жениться-то, сказалъ Василій Никитичъ, смѣривъ сына насмѣшливымъ взглядомъ, — небось я вѣдь у тебя не просилъ заступы, когда онъ грозился вырвать мою бороду...

— Тутъ не шутки! возразилъ Ѳеодоръ, какъ-то бессильно хорохорясь, — во Франціи это было бы дѣло нѣсколькихъ минутъ, а здѣсь я вашихъ порядковъ не знаю... Вѣдь этотъ болванъ чай и рапиры въ руку не умѣетъ взять...

— Ну, да ладно! съ сердцемъ сказалъ Боржавинъ, — тутъ надо дѣло дѣлать — пугнуть его; а онъ — рапиры...

— Что же, заявить комиссару или въ префектуру подать сертификатъ?..

Василій Никитичъ засмѣялся.

— Ахъ, ты голова-голова! ишь какъ офранцузился!.. Вотъ бы брянулъ-то при комъ-нибудь... Нужно, братецъ выждать, что тутъ будетъ, — а тамъ и видно будетъ какъ дѣйствовать...

— Ну, какъ знаете, говорилъ растерявшійся Ѳеодоръ, — а я вотъ что... я схожу къ Баженову! словно обрадовавшись вспомнилъ онъ по привычкѣ обращаться къ пріятелю во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Сердце у Груни такъ и ёкнуло при этомъ имени.

Она сама подала Федору шляпу и проводила его на крыльцо.

— Ступай, радость моя, да спѣшишь, говорила она, — онъ поможетъ... хоть совѣтъ дастъ...

Галдилинь отъ Коржавина прямо отправился въ кружало на Балчугъ. Подъячій уже былъ что называется на второмъ взводѣ, но увидѣвъ входящаго Силу Силыча скомандовалъ еще стекляницу травника.

— Голубчикъ, Антипычъ, не выдай! заговорилъ Галдилинь, — Коржавинъ-то взаправду мошенникъ первой руки, а сынишка его — истый душегубецъ... Оно и я имъ страху задалъ, да этого мало... Я имъ покажу себя. Пиши челобитную...

Антипычъ проворно вынулъ изъ шапки двухкопѣечный листокъ гербовой бумаги, отцѣпилъ отъ пояса чернильницу, провелъ рукой по губамъ и приготовился писать.

— Бай же, въ чемъ дѣло.

— Инъ пиши, Антипычъ, что выпроводивъ меня по обманному обычаю изъ столиціи, этотъ мошенникъ Коржавинъ сговорилъ опекаемую мною дѣвицу за своего сына... Вѣдь и у отца спрашиваютъ, а безъ опекуна какъ же?

— Ну, нѣтъ, это братъ стой!.. Такъ ничего не выйдетъ; надъ тобой же засмѣются, что въ родню лѣзешь... говорилъ Антипычъ, щелкая перомъ, — ты что-нибудь всклепи — вѣдь не стануть повѣрять.

— Да чтожь всклепать-то?

— Ну, примѣрно, поѣхалъ я (имярекъ), изъ царствующаго града Москвы, по дѣламъ своимъ въ Каширу, и оставилъ денегъ своихъ тысячу рублей и триста рублей на дворѣ у посадскаго московскаго Василья Коржавина и всякихъ животовъ рублей же на тысячу и больше—и въ отсутствіе мое оный Василій Коржавинъ обманнымъ обычаемъ опекаемую мною дворянку Красухину за сына

своего насильно выдалъ и достатки мои себѣ присвоилъ и меня при возвращеніи съ двора своего побоями выбилъ и животовъ моихъ лишилъ. А на учтивый спросъ мой...

— Ну, инъ ладно, пиши, пиши!.. потирая руки замѣтилъ Сила Силычъ.

— На учтивый спросъ мой оный Василій и сынъ его Федька принялись меня бить смертнымъ боемъ и живота бы воистину лишили, да окольные люди отняли меня у оныхъ кровопійцъ.

— Ну это, братъ, Антипычъ, не ладно — ино станутъ смотрѣть боевые знаки...

— Дохтура можно подкупить, дай ему алтынъ десять — настрочить-те такой обыскъ что любо два; это я тебѣ уже устрою. У насъ есть важный дохтуръ подъ тотъ случай — съ чувствіемъ изобразить... Вотъ те и вся недолга, готова! иди въ магистратъ и проси управы на озорниковъ немотчасъ, чтобы оные безобразники изъ града не утекли—и за карауломъ привести и въ острогъ посадить впредъ до рѣшенія по существу... А тѣмъ временемъ завтра можешь и увести своихъ бабъ. По челобитью твоему пошлютъ за оговоренными, а ты своихъ барынекъ-то и увози...

Сила Силычъ винулся въ магистратъ.

На счастье его, ратманы были еще въ сборѣ—и нѣсколько алтынъ, подсунутые кому слѣдуетъ, возымѣли настолько сильное дѣйствіе, что указъ о захватѣ и приводѣ мнимыхъ обидчиковъ былъ подписанъ тутъ же и врученъ челобитчику. Галдилинь снова раскошелился, и посыльные изъявили согласіе слѣдовать за нимъ неотложно для выполненія по указу объ арестѣ Боржавиныхъ.

XV.

Выборъ.

Въ самомъ концѣ Петровскаго арсенала въ Кремлѣ, окнами къ его вѣковой оградѣ, отведено было небольшое помѣщеніе архитектору капитану Баженову, у котораго дѣла было по горло и все спѣшное, а сосѣдство твердыни отпускало свѣтъ весьма скупо, солнца же и совсѣмъ не было видно. Полумракъ этотъ, къ которому молодой человѣкъ привыкъ очень скоро, получилъ даже особенную прелесть въ глазахъ Баженова: онъ шелъ въ ладъ къ его мечтательному настроенію. Полное одиночество и этотъ полусвѣтъ могли привить расположеніе къ созерцанію человѣку и болѣе живому, чѣмъ по складу своего ума, по наклонностямъ и характеру былъ Баженовъ. Продолжительная работа, соединенная съ трудомъ механическимъ, располагаетъ къ думамъ невеселаго свойства. А у Баженова къ тому же запала новая забота — и съ усиленіемъ ея возрастало недовѣріе къ самому себѣ.

Со дня первой встрѣчи, образъ Груни неизгладимо врѣзался въ памяти Баженова, представляясь незванный-непрошенный мысли художника и въ то время, когда онъ меньше всего могъ ею заниматься. Даже обдумывавая планы не только декоративныхъ фасадовъ, но и самыхъ

прозаическихъ сооружений, Баженовъ припоминалъ ея черты,—нить мыслей задумчиваго композитора внезапно обрывалась — и соображенія размѣровъ замѣнялись мелькавшимъ представленіемъ домика у св. Климента, за которымъ зеленѣлъ травяной коверъ двора, а за нимъ рѣшетка сада — и на дорожкѣ къ нему словно изъ земли выростала Груня... Или вдругъ чуткій слухъ влюбленнаго поражался звонкимъ смѣхомъ дѣвушки — онъ собирался заговорить съ ней, и сталкивался съ существенностью, полумракомъ своего кабинета и ворохомъ чертежей, снова поднималъ циркуль и принимался за прерванные служебныя занятія. Иной разъ Баженовъ и самъ гналъ отъ себя эти мысли, которыя считалъ преступными, такъ какъ зазноба его была уже невѣстой другаго.

— Прощай, Груня! мысленно повторялъ онъ съ болью въ сердцѣ: — какъ мнѣ жаль ея! Не жалѣлъ-бы, еслибъ не этотъ головорѣзъ Федька!.. Развѣ такой мужъ нуженъ для Груни?..

Отвлекаясь въ этихъ мечтахъ, художникъ самъ чувствовалъ, что работа его не спорится. Приглашеніе поторопиться получалъ онъ уже два раза — и, наконецъ, вѣстовой принесъ ему записку отъ генераль-фельдцейхмейстера, съ непремѣннымъ приглашеніемъ, пожаловать сегодня къ четыремъ часамъ съ чертежами. Баженовъ, сбросивъ кафтанъ отъ нестерпимой жары, въ одномъ камзолѣ, работалъ съ полнымъ рвеніемъ, сился вознаграждать потерянное время, какъ вдругъ за спиной ему послышались торопливые шаги. Онъ быстро обернулся и увидалъ встревоженнаго Федора.

— Выручай, Василій Ивановичъ, бѣда стряслася немалая! говорилъ тотъ запыхавшись, и сѣлъ, утирая платкомъ покраснѣвшееся лицо.

— Бѣда? какая? съ кѣмъ? чуть не выкрикнулъ послѣдняго вопроса Баженовъ, котораго кольнуло въ сердце предчувствіе чего-то недобраго.

— Со всѣми съ нами... и съ отцомъ... и со мною... и...

— Съ Красухиной? перебилъ Василій Ивановичъ.

— А ты ужь знаешь?

— Говори, говори! перебилъ Баженовъ.

Федоръ несвязно разсказалъ ему все случившееся.

— Ну что-же?... какъ же ты?..

— Да что же я тутъ подѣлаю?..

— Какъ что? да развѣ не жаль потерять?

— Жаль-то — жаль!.. Да ты подумай, каково съ такимъ звѣремъ связываться... За него вишь власти...

— Какія власти? всякаго дурака ты готовъ слушать и вѣрить ему... Да что-жь ты — трусишь что-ли? Въ Парижѣ ты былъ не таковъ.

— Въ Парижѣ, братъ, люди...

— Ну, ты разсуди, что можетъ этотъ Галдилинь сдѣлать противъ желанія матери и дочери?

— А просто увезти ихъ, какъ онъ и распорядился...

— Кто распорядился? чѣмъ? уже вспыхнулъ Баженовъ, — да что ты думаешь, развѣ мы въ волшебномъ царствѣ что-ли живемъ? На что же матушка государыня?

— Да кто-жь ей что повѣдаетъ? А онъ вѣдь опекунъ и правительствомъ приставленъ...

— Что ты вздоръ все толкуешь! Я въ жизнь не повѣрю, чтобы у меня кто вырвалъ, чего я не хочу отдать... Самъ значить хочешь отступиться.

— Какое, хочешь! да все какъ-то сомнительно, говорилъ Федоръ, — можетъ еще на то ея воли нѣтъ — вѣдь послѣ того, что ты знаешь, отъ нея еще ничего не было. Какъ тутъ дѣйствовать — я и ума не приложу; чтобы не было суеты изъ ничего...

— Какъ? говори правду — вѣдь объясненіе было...

— И было, и нѣтъ — начиналъ...

— Ну, а она... отшучивается что-ль?

— Нѣтъ, въ шутки-то не пускалась, а и говорить ничего не говоритъ... Да ты меня не спрашивай! Ты лучше скажи, какъ-бы ты самъ на моемъ мѣстѣ поступилъ...

— Если бы я любилъ? сказалъ Баженовъ, поднимая голову, и Ѳедору показалось, что красивое лицо его словно засіяло.

— Ну, положимъ, если бы любилъ... запнулся Ѳедоръ.

— Тогда... Ну, да что-жъ тутъ толковать — не выдалъ бы, да и вся недолга...

— А если бы это кому нибудь было противно? задумчиво и нерѣшительно выговорилъ Ѳедоръ.

— Э, да ты что-то утаиваешь! воскликнулъ Баженовъ, — она тебѣ видно просто никакой надежды не подала — абшидъ прописала...

— А хоть бы и такъ? ну?

— Я вижу, ты просто потерялъ голову! внезапно повеселѣвъ, сказалъ Баженовъ, и быстро накинувъ кафтанъ, хлопнулъ друга по плечу: — ну, пойдемъ, я тебѣ покажу, что въ этихъ случаяхъ дѣлають...

Пріятели шли спѣшно, изрѣдка и отрывисто лишь переговариваясь, — и то больше Ѳедоръ, старавшійся уяснить себѣ мысли пріятеля, дѣлалъ ему вопросы, на которые сосредоточенный Баженовъ отвѣчалъ одними междомѣтіями. На плавномъ москворѣцкомъ мосту, Ѳедоръ долго вглядывавшійся въ шедшаго впереди ихъ дороднаго человѣка межъ двумя солдатами съ ружьями на плечахъ и съ сержантомъ впереди, вдругъ пріостановился — и взявъ за руку Баженова, проговорилъ вполголоса: «вотъ онъ и есть, Галдилинъ-то; гляди-ко, солдатъ куда-то ведетъ!.. Ужъ не къ намъ-ли?» растерянно прибавилъ онъ.

— А хорошо, кабы къ вамъ! это было бы на

руку! язвительно и не безъ примѣси злобы отозвался Баженовъ, прибавляя шага.

Пріятели шли позади, держась въ возможно близкомъ разстояніи, но не нагоняя; а какъ только Галдилинь съ своимъ эскортомъ повернули въ ворота дома Коржавиныхъ, Баженовъ стиснулъ руку Федора и бѣгомъ заставилъ его пробѣжать остальное разстояніе.

Галдилинь шелъ по двору, съ сіяющимъ лицомъ, держа въ рукахъ ордеръ магистрата о захватѣ и представленіи начальству посадскаго Василя Коржавина съ сыномъ вмѣстѣ, учинившаго воровство и подвохъ въ ущербъ пріѣзжему дворянину Силѣ Галдилину.

Распахнувъ настежь двери и ни на кого не смотря, вошелъ онъ въ комнату, гдѣ сидѣли съ перепуганными лицами хозяева и постоялицы Коржавиныхъ. Василій Никитичъ, съ недоумѣніемъ въ лицѣ, привсталъ и степенно ждалъ что будетъ.

— Вотъ, господинъ сержантъ, оный и есть Василій Коржавинъ, указывая пальцемъ на него величественно проговорилъ Галдилинь.

Груня, стоявшая у окна и пугливо глядѣвшая на вошедшихъ вооруженныхъ солдатъ, вдругъ съ изумленіемъ различила за плечами ихъ знакомые облики Федора и Баженова, котораго сначала не узнала, потому что онъ былъ въ полной формѣ и съ такимъ гнѣвнымъ выраженіемъ лица, какого никогда не видывала она въ кроткихъ чертахъ Василя Ивановича.

— А что касается сына его Федора, продолжалъ Галдилинь,—то ты, господинъ сержантъ, изволь отца допытаться, куда онъ его скрылъ...

— Федоръ Коржавинъ здѣсь, сказалъ Баженовъ, выходя впередъ.

Солдаты глянули на него и взяли на караулъ, а сержантъ вытянулся передъ капитаномъ.

— Коли на лицо оба, такъ изволь вашество распо-

рядиться! съ низкимъ поклономъ проговорилъ Галдилинь, принимая его за наличнаго представителя власти и передавая ему въ руки ордеръ. — Спасибо тебѣ, что потрудился пожаловать... Вотъ тутъ все въ грамотѣ прописано...

Баженовъ взялъ ордеръ и сталъ пробѣгать глазами. Боржавины и Груня съ матерью, почувявъ защиту, невольно подвинулись и столпились около него. Сержантъ тоже подобострастно глядѣлъ на капитана, какъ бы ожидая приказаній.

— Да ты-то самъ кто такой? пробѣгая глазами поданную бумагу, отнесся Баженовъ къ Галдилину.

— Сила Галдилинь, какъ тутъ значитъ, отвѣтилъ тотъ.

— Какого чина, спрашиваю я...

— Изъ подъячихъ, ваша милость, бывший веневской воеводской канцеляріи.

— А не дворянинъ? строго сдвигая брови, сказалъ Баженовъ.

— Все едино, вашество!.. заминая допросъ, продолжалъ Галдилинь, у котораго отчего-то прежняя увѣренность вдругъ смѣнилась робостью.

— Такъ ты признаешься, что ты самозванецъ и лгунъ, взглянувъ на сержанта проговорилъ Баженовъ, — онъ воромъ называетъ человѣка почестіе себя, котораго всѣ знаютъ. А правда-ли, что самъ онъ изъ подъячихъ—это должно подтвердиться документомъ—гдѣ у тебя видъ?

— Какой тамъ видъ? пятакъ изъ дверямъ, проговорилъ Галдилинь.

— Съ которымъ пріѣхалъ, коли взаправду веневскій подъячій, сказалъ Баженовъ: — абшидъ отъ воеводы на проѣздъ до Москвы, коли тебя отпустили.

— Зачѣмъ отпущать?.. я самъ пріѣхалъ... лепеталъ вполголоса Галдилинь.

— Василий Никитичъ, да вы знаете его? обратился Баженовъ къ хозяину.

— Знаю подъ такимъ именемъ, какъ онъ самъ назвался, а онъ мнѣ никакого абшида не предъявлялъ, улыбаясь проговорилъ Коржавинъ.

— Когда нѣтъ абшида, стало ты бѣглый... Чего смотрите? взять его! проговорилъ Баженовъ сержанту:— ведите его въ Кремль на арсенальную-гаубтвахту и тамъ подождать меня: я только донесу его сіятельству, какіе по Москвѣ ухари разгуливаютъ.

Сержантъ, услыхавъ слово самозванецъ, давно уже ощупывалъ въ рукахъ веревку—и теперь мгновенно доставъ ее, отчеканилъ: «слушаю, ваше высокоблагородіе». Не успѣлъ Галдилинъ опомниться отъ испуга, какъ уже руки его были скручены—и по командѣ сержанта «налѣво кругомъ, маршъ!», онъ уже шагаль между двумя гренадерами тою же дорогой, по которой недавно шелъ такимъ павлиномъ.

Съ исчезновеніемъ ихъ, водворилась тишина; всѣ были озадачены внезапностью разыгравшейся сцены, вначалѣ принимавшей грозный характеръ, — Федоръ стоялъ какъ въ столбнякъ; Груня глядя на него, улыбалась; мать ея тихонько плакала; Василий Никитичъ обнялъ Баженова и съ чувствомъ проговорилъ: «спасибо, Василий Ивановичъ! другъ узнается въ бѣдѣ—вотъ ужъ истинно выручилъ—и такъ неожиданно»...

При этихъ словахъ старуха Красухина бросилась въ ноги Баженову, такъ что онъ едва успѣлъ подхватить ее.

— Спаси, отецъ!.. говорила она, захлебываясь слезами, — докончи свои благодѣянія... заступись... не выдай нечестивцу... Мы твои по гробъ вѣрные слуги.

— Полноте, матушка, все пойдетъ къ лучшему, успокаивалъ ее Баженовъ, поддерживая старушку, — мнѣ сейчасъ надо спѣшить къ генералъ-фельдцейхмейстеру, отпустите со мной Аграфену Александровну, я представ-

лю ее графу Григорью Григорьевичу и расскажу все— онъ вступится за ея сиротство...

— Вотъ, что дѣло, то дѣло! сказалъ Василій Никитичъ,—слушайте его, матушка, все будетъ ладно; я сейчасъ пойду вскричу одноколку заложить... Времени терять неча...

Старушки принялись обряжать Груню, и скоро молодая дѣвушка, разодѣтая въ лучшее платье, вышла подъ руку съ Баженовымъ на крыльцо.

Василій Никитичъ самъ усадилъ ихъ въ домодѣльный экипажъ, запряженный рослымъ воронымъ битюкомъ. Баженовъ взялъ возжи, и едва повернувъ изъ воротъ погналъ что есть духу.

Какъ только одноколка миновала дома два, лица обоихъ молодыхъ людей приняли выраженіе напускной сдержанности; Баженовъ старательно правилъ битюкомъ, который бѣжалъ слегка переваливаясь и насторожа уши, словно чуя себя въ чужихъ рукахъ; Груня старалась глядѣть всторону отъ Баженова, — но мало-по-малу, живописная обстановка тогдашней Москвы съ ея садами, деревянными срубами купеческихъ хоромъ, и каменными домами вельможъ, производила свое дѣйствіе на глаза молодой дѣвушки, засидѣвшейся въ четырехъ стѣнахъ. Улыбка незамѣтно тронула ея маленькій ротикъ, когда за Балчугомъ синей лентой развернулась рябь Москвы-рѣки и съ воды потянуло затхлой прохладой; глаза весело перебѣгали по зубчатой стѣнѣ и башнямъ нагорнаго Кремля, по узорчатой мозаикѣ Василя Блаженнаго, видѣвшейся издали вкупѣ со всѣми прочими соборами. Груня тихо и набожно перекрестилась на золотыя главы, жарко сіявшія на послѣполуденномъ солнышкѣ...

— Аграфена Александровна, заговорилъ Баженовъ, медленно поворачивая къ ней голову, — что же мнѣ сказать графу — просто просить заступы отъ опекуна или съ тѣмъ что вы замужъ идете?

Лицо его было блѣднѣй обыкновеннаго, и онъ съ трудомъ выговорилъ послѣднія слова.

— Это вы объ Ѳеодорѣ Васильичѣ говорите? чуть слышно переспросила Груня, покраснѣвши и потупляя глаза.

— Да, нетерпѣливо отвѣтилъ Баженовъ съ выжидающимъ взглядомъ.

— Вотъ я на васъ пошлюсь, Василій Ивановичъ, проговорила Груня, — посоветуете ли вы мнѣ? какъ вы скажете — такъ тому и быть.

И она впервые подняла на него ласковые, молящіе глаза.

— Что мнѣ совѣтовать?! взволнованно воскликнулъ Баженовъ, передернувъ возжами: — какъ мнѣ совѣтовать вамъ въ такомъ дѣлѣ?! Нѣтъ, пожалуйста, ослобоните, Аграфена Александровна... конечно, Ѳеодоръ мнѣ пріятель... а все-таки правду тамъ не приходится... да вы сами видѣть можете...

— Какъ же вы прежде мнѣ про него не то говорили? Помните, впервой какъ зашли къ намъ...

— Тогда иное дѣло было, тяжело вздохнувъ отвѣтилъ Баженовъ, — тогда еще я... я еще не зналъ васъ...

Онъ отвернулся и усиленно задергалъ возжами.

— Говорятъ, онъ вѣтреникъ большой руки, начала Груня, смѣлѣе взглядывая на Баженова, — да вѣдь есть пословица: былъ молодцу не укоръ... какъ полагаете?.. Вы сами-то, Василій Ивановичъ, простите мои глупыя слова, имѣли къ кому склонность аль нѣтъ?..

— Доселѣ, нѣтъ еще, почти прошепталъ Баженовъ. — Да что обо мнѣ толковать! не мою судьбу рѣшить сей минуты... ваша-то какъ?

— А такъ, что просите вашего милостивца, заступился бы онъ за насъ съ матушкой, а покинуть ее моего желанія нѣтъ...

— Голубушка, Аграфена Александровна, не томи-

те вы меня, умолялъ Баженовъ, — молвите хоть словечко вдомекъ... какая бы тому причина?

— Да грѣшно было бы повѣнчаться, когда есть иные кто помилѣе, застѣнчиво сказала Груня, понуривъ голову.

— Груня, радость моя, вскрикнулъ Баженовъ, — сколь же счастливо, что Федору вспало на мысль кинуться ко мнѣ, а я вѣдь было положилъ больше къ вамъ ни ногой...

Все какъ-то закружилось у него въ глазахъ, кровь прилила къ головѣ и сердцу, онъ страстнымъ взглядомъ словно весь такъ и впился въ Груню, забывъ и битюка, и красную площадь, и все на свѣтѣ...

— А ну, коли я скажу графу Григорью Григорьевичу, что самъ на тебѣ женюсь — пойдешь, Груня, радость моя?

Груня, улыбаясь, подобрала выпущенныя имъ возжи, и ловко управивъ сбившимся битюкомъ, подняла на Баженова кроткій, привѣтливый взглядъ...

— Коли будетъ на то воля матушки, я согласна, тихо проговорила она.

— Нѣтъ, ужъ теперь и матушкѣ не отдамъ!.. восторженно вскричалъ Баженовъ.

Одноколка съ гуломъ и грохотомъ вкатила въ Никольскія ворота и направилась къ Арсеналу. Остановив лошадь у крыльца, Баженовъ передалъ возжи солдату, соскочилъ и подалъ руку Грунѣ.

— Не посылаю за мной графъ? спросилъ Баженовъ, входя изъ корридора въappartementъ, занимаемый генераль-фельдцейхмейстеромъ.

— Два раза уже посылать извоили, отвѣчалъ адъютантъ.

— А есть кто у него?

— Никого.

— Подождите меня здѣсь, сказалъ Баженовъ сму-

щенной дѣвушкѣ, усаживая ее въ пріемной залѣ, а самъ пошелъ въ кабинетъ.

Непривычный глазу просторъ пріемной залы съ громадными окнами и отсвѣтами ихъ на блестящемъ полу—какою-то робостью сжималъ сердце Груня.

Бесѣда начальника съ подчиненнымъ тянулась томительно-долго—и ни одинъ звукъ разговора, какъ ни старалась уловить его Груня, не долеталъ до ея слуха. Она уже начинала тосковать и непрошенныя слезы наворачивались на ея рѣсницы. Но тутъ растворилась дверь и раздался звучный голосъ: «ну, ну! показывай же невѣсту-то!...»

Покраснѣвъ какъ маковъ цвѣтъ, Груня увидала передъ собой молодаго генералъ-фельдцейхмейстера подъ руку съ Баженовымъ.

— Полюбите его, сударыня, не останетесь въ накладе, привѣтливо сказалъ графъ Григорій Григорьевичъ, — дорогой чедовѣкъ! золотое сердце!... Я самъ охотно благословлю васъ въ добрый часъ... А о самозванномъ опекунѣ вашемъ перестаньте думать — раздѣлаться съ нимъ — мое ужь дѣло...

Счастливый Баженовъ возвращался съ свсей невѣстой, какъ можно болѣе замедляя обратный путь по московскимъ улицамъ. Онъ гордо и высоко держалъ голову, правя лошадью и покрикивая на прохожихъ толпившихся на мосту. Изрѣдка онъ обращалъ лицо къ Грунѣ, любовно взглядывая ей въ глаза и каждый разъ встрѣчая такой же отвѣтный взглядъ. Лица ихъ дышали кроткимъ, успокоеннымъ счастьемъ

XVI.

Что посеяно, то пожинается.

Пріѣздъ Галдилина, вся кутерьма которую онъ надѣлалъ, чуть было не состоявшійся арестъ, наконецъ вопли и плачь женщинъ, — ничто повидимому не затронуло Василя Никитича настолько, чтобы онъ вышелъ изъ тягостной апатіи. Новое горе — уже нѣсколько дней скрываемое отъ домашнихъ и тѣмъ сильнѣй угнетавшее его — поразило его внезапно, въ самомъ разгарѣ желѣмыхъ имъ надеждъ. Эти надежды, такъ было помолодившія главу дому Коржавиныхъ, обѣщали ему не только обширное поле дѣятельности, но и обильную жатву добра въ будущемъ. Самолюбіе, даже въ самомъ благородномъ значеніи этого слова, до сихъ поръ было послѣднею струною въ Коржавинѣ — для него въ сущности было все равно: онъ или не онъ будетъ дѣйствовать въ пользу согражданъ, лишь бы благодѣтельные преобразованія коснулись ихъ быта — и изъ загнаннаго забитаго посадскаго выработали честнаго гражданина, способнаго понимать законность, дѣйствовать съ сознаниемъ достоинства и съ желаніемъ приносить помощь водворенію общаго благосостоянія. Работая надъ своимъ перечнемъ, онъ не щадилъ ни старыхъ силъ, ни времени, ни денежныхъ тратъ на справки, прово-

диль какъ юноша ночи безъ сна, пренебрегалъ даже торговыми своими дѣлами—и все таки ошибся въ расчетѣ.

Думая о пересозданіи своего сословія, или лучше сказать объ уничтоженіи всего выросшаго въ средѣ его вѣками предразсудковъ, невѣжества, дикаго произвола, своекорыстія и нежеланія отдѣльныхъ членовъ приступить къ самодѣтельности, ради тупаго немогузнайства и ограниченныхъ расчетовъ,—онъ забывалъ, что ему придется имѣть дѣло съ тѣми самыми людьми, которые допускали все это.

Когда дошло до дѣла, равнодушные къ безобразію настоящаго, члены этой клики рѣшили, что счастье, само дается имъ въ руки — что слѣдуетъ только употребить маленькую хитрость, и желанія ихъ увѣнчаются успѣхомъ; а желанія эти заключались въ вещахъ самыхъ невинныхъ и далеко не затруднительныхъ, какъ имъ казалось. Эти разумные мужи-граждане желали, на примѣръ, для удовлетворенія своей кичливости, чтобъ имъ позволили покупать крестьянъ и деревни, не на посессионномъ правѣ для развитія фабрикъ, а чисто на помѣщичьемъ.

Хотѣли они высокихъ ранговъ и золотыхъ мундировъ, съ одной стороны—чтобъ показать свое значеніе предъ чиновниками взаправду, а съ другой — чтобъ эти мундиры были грозой на бѣдныхъ мѣщанъ, межъ которыхъ первостатейные думали разыгрывать роль князьковъ. Мундиры для удовлетворенія честолюбія этихъ самозванныхъ *patres conscripti*—Василій Никитичъ въ проектѣ своемъ еще допускалъ въ пользу тѣхъ негоціантовъ, которые заведутъ заграничную торговлю сами «и на своихъ корабляхъ,» вставилъ онъ для большей убѣдительности; но никакъ не могъ переварить идеи помѣщичьяго права надъ одnogорожанами, вся вина которыхъ заключалась въ томъ, что они еще не разжи-

лись. Поэтому, на правѣ патроната и кліентизма и произошелъ первый разладъ.

Ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить слабѣйшей сторонѣ т. е. составителю проекта и трудно было вступить въ сдѣлку, такъ какъ почтенные обладатели толстой мошны, для пущаго усиленія своей значительности, требовали еще права самосуда, понимая его опять по своему. Они напимѣръ находили очень разумнымъ и вполне естественнымъ, чтобы первостатейнымъ предоставить право сѣченія и прочихъ наказаній своей прислуги, безъ всякаго контроля и отвѣтственности, — «для лучшаго порядка», какъ они говорили, прямо ссылаясь на права родительскія и на патриархальность отношеній хозяина къ прикащикамъ и ниже. Идеи Василя Никитича объ учрежденіи вспомогательнаго банка, для пособія начинающимъ торговлю, сперва какъ будто и поманили его успѣхомъ, когда удалось ему довольно наглядно разъяснить непрерывное возрастаніе дохода. Но злой судьбѣ Коржавина угодно было, чтобъ на засѣданіи въ числѣ прочихъ очутился и Молчановъ-Хмуровъ. Тотъ ни какъ не могъ забыть отказа Василя Никитича ѣхать на Вѣтку, искалъ всякаго случая придратъся — и теперь высказанная имъ посылка, съ точки зрѣнія его очень логичная, навѣяла на своекорыстныхъ капиталистовъ страхъ и опасенія за свою будущность.

— Коли эти голыши да на наши денежки расторгутся, такъ мы-то причѣмъ останемся? говорилъ Хмуровъ купцамъ, — у него теперя-тко нѣтъ, онъ въ банкѣ займетъ, на мои денежки барышъ возьметъ, барышу-то будетъ болѣе чѣмъ росту. Нѣ-ѣ-ѣ-тъ, коли бы онъ барышъ за проценты отдалъ — ну это выгодно было бы...

— За что-жь ему проценты платить, коли барышомъ не пользоваться? спрашивалъ Василий Никитичъ.

— Да вѣдь барышъ-отъ мой, а онъ значитъ торговалъ у меня на отчетѣ...

— Нѣтъ, онъ бралъ на свой страхъ, а не на отчетъ.

— А! на страхъ?! Ну, а коли истранижить ихъ—денежки-то значитъ пропали коли на страхъ, самодовольно поглаживая бороду говорилъ Хмуровъ.

— Да вѣдь съ порукой... съ тремя поручителями!.. не уступалъ Василиій Никитичъ, начиная горячиться.

— А почему я знаю, есть ли у поручителей-то?.. Можетъ всѣ на кругъ обдуваютъ... Да и то не ладно: вѣдь онъ нынѣ займетъ пятьсотъ рублей, на тотъ годъ тысячу, а тамъ и до двадцати дойдетъ, — тогда ему и чортъ не братъ — станетъ такой же купчина какъ я...

— Да давая ему торговать, вы расширяете коммерцію. Чтожъ деньгамъ - то безъ движенія лежать? — все равно что въ землѣ закопать!.. Вѣдь въ займы даете же...

— Эка ты что смѣнилъ! ядовито засмѣялся Хмуровъ, — даемъ, да кому? — барамъ — еще бы не давать! — зато подъ какіе росты, да и втянешь въ неоплатные, тутъ ужъ все за безцѣнокъ идетъ... Дѣло на чистоту.

— Какъ на чистоту — самое черное дѣло: находить выгоду въ томъ, что другой разоряется!.. вспылилъ Коржавинъ.

— А по твоему какъ же! — вотъ у насъ теперь положимъ десять лавокъ суконныхъ, да и то покупщиками сбиваемся; а какъ двадцать заведется, такъ въ мою лавку и не заглянуть... А я себѣ въ бирюльки играй?.. Неча сказать — уважилъ!.. Да не обидно бы еще было, когда бы у такожь христіанина какъ я торговля шла — ну, свой свояку поневолѣ другъ, — а какъ голыши-щепотники стануть у тебя изъ-подъ носу кусы-то выхватывать,

такъ вотъ ужъ подлинно обидно, что на свои деньги купилъ себѣ ворага.

Въ средѣ купцовъ, большею частью старообрядцевъ, пронесся одобрительный ропотъ.

— Да вѣдь нѣмцы же торгуютъ, тоже не вашего толка? чтожъ такая страсть на тебя напала, что наши бѣдняки разживутся?! еще горячѣе вступился Василій Никитичъ, почувавъ откуда вѣтеръ дуетъ, — давай Богъ всякому!.. Коли бы русскому народу побогаче стало — и всѣмъ бы лучше было — и государству подати бы вносились исправнѣе, и голода бы уменьшились, иное бы и вздешевѣло...

Тутъ ужъ нѣсколько человѣкъ разомъ поднялись и заговорили всѣ вмѣстѣ.

— Ишь ты, краснобай! всѣхъ братъ не напитаешь! А то еще вздешевѣетъ — намъ-то что за польза! Намъ чѣмъ дороже тѣмъ лучше! слышались голоса въ поддержку Молчанову-Хмурову.

Василій Никитичъ махнулъ рукой и, разсерженный до негодованія, вышелъ изъ комнаты. Водворилось молчаніе.

— Чтожъ это онъ — и тягу? Причемъ же онъ насъ оставилъ? заговорилъ кто-то.

— Чего оставилъ? говори: слава Богу, что впору высказался! отозвался Хмуровъ, — вишь какой ворогъ-то! онъ бы тебѣ посадилъ на шею всю эту гольтепу безпятую — всю бы въ купцы понадѣлалъ насчетъ нашего кармана...

На слѣдующія совѣщанія Коржавина уже не звали. Наступилъ день выборовъ. Василій Никитичъ нарочно пошелъ въ ряды мимо недавнихъ пріятелей — никто ему не кланяется.

— Ну что, какъ у васъ? спросилъ онъ у одного изъ маловліятельныхъ, который казался на видъ по-проще.

— Да то-есть насчетъ чего?

— Съ депутатами-то, съ депутатами-то какъ вы?

— Да не знаю, какъ старшіе, отвѣтилъ тотъ, почесывая въ затылкѣ. — Говорять, будто ужь имѣють на примѣтъ...

— Обижаться-то тутъ нечего, они бы выслушали, я бы ужь отстаивалъ ихъ интересы.

— Не знаю... какъ сказать... да, конечно... отвѣчалъ купецъ, и каждое слово его тяжелымъ молотомъ било по сердцу Коржавину. — Да кажется, они ужь выбрали. Прощенья просимъ! отчеканилъ скороговоркой и скрылся.

Совсѣмъ уничтоженный потащился Коржавинъ по желѣзному ряду... Тамъ, въ одной изъ лавокъ, рыжеволосый парень, размахивая руками, во все горло вѣщалъ новость.

— И баринъ-ать какой преотпѣнный! Какъ онъ нашихъ принялъ! Все господами да хозяевами величалъ, и присѣсть просилъ — чего говорить стоите... И я значить съ полнымъ удовольствіемъ принимаю... На то, говорить, я князь Голицынъ есть—и Москва, говорить, моя родимая сторона, чтобы вы, господа посадскіе, безъ сумленія оставались. А ворогамъ, говорить, вашимъ ничто не выдамъ... И нашъ Хмуровъ ему про это самое, про золотые-то кафтаны, челобитье всучилъ... Хорошо, говорить, благо что надоумили, будетъ все по вашему: меня государыня знаетъ и не смѣняетъ на кого-нибудь...

Коржавинъ понялъ, что въ депутаты прочили князя Голицына — и сердце его болѣзненно сжалось.

— О иначе не совсѣмъ ладно, виѣшался въ рѣчь одинъ изъ пожилыхъ мужиковъ, — какъ эвона Алексѣй заговорилъ, чтобы намъ крестьянъ покупать, а князь-отъ какъ свиспетъ—да протяжнотакowo ровно иволга... «Эна, говорить, васъ куда метнуло! — не широко ли, говорить,

крылья распускаете? — а дворяне-то на что?».. Ужь на что Алешка рѣзокъ, а тутъ сробѣлъ — потому нельзя — князь!..

И Василій Никитичъ, услыхавъ это, благословилъ ту рознь, которую проклиналъ до сихъ поръ — само собою складывалось то, за что онъ боролся. Но тѣмъ же менѣе мысль о томъ, что князь легкомысленно будетъ относиться къ насущнымъ потребностямъ общества, отравляла ему душу...

— Господи, кабы не было страданій, не почувствовалъ бы, что человѣкъ есмь! твердилъ онъ себѣ въ утѣшеніе, возвратившись домой. Но ему все-таки было горько — такъ горько, что впоследствии ни Галдилинъ, ни вся неурядица не производили уже на него впечатлѣнія.

Проводивъ Груню съ Баженовымъ, Василій Никитичъ не вернулся въ горницы, а прошелъ въ садъ — и побродивъ часа два по тропинкамъ, присѣлъ на ту лавочку, гдѣ такъ недавно еще Федоръ объяснялся съ Груней.

Съ лужаекъ вѣяло живительнымъ запахомъ скошенной травы; солнце пронизывало листву ослѣпительными лучами и черныя тѣни листьевъ вырѣзывались на освѣщенной зелени и поперегъ дорожекъ. Скоро пришелъ Федоръ; подсѣвъ къ отцу, онъ пробовалъ нѣсколько разъ заговаривать о томъ о семъ, но тотъ ему ничего не отвѣчалъ, и Федоръ окончательно-было занялся чтеніемъ «Маріанны» Бомарше, изрѣдка отрывочными выходками выражая свое недовольство топорнымъ переводомъ. Вдругъ, куртины за двѣ, въ кустахъ раздались голоса Груни, старухи Красухиной и Баженова.

Говорили какъ-то всѣ разомъ, оживленно и словно торопясь.

— Вотъ я давеча назвалъ васъ матушкой невзначай, а теперь выходитъ вправду, слышался голосъ Баженова, — не препятствуйте нашему счастью... Аграфена Александровна мнѣ сказала, что коли вамъ не про-

тивно, такъ она за меня идетъ охотою... Графъ Григорій Григорьевичъ вызывается быть посаженнымъ...

— Батюшка, отзывалась Красухина, — ужли жъ я ворогъ своему дитяткѣ, — спаси тебя Господь, что при-
зрѣлъ сироту...

И старческій голось зазвенѣлъ какъ - то радостно, шутливо обращаясь къ дочери: «Какъ же ты, голубушка моя, говорила, что за перваго встрѣчнаго не пойдешь?..

— Да оно и впрямь не такъ, матушка! онъ не встрѣтился, а самъ сюда пришелъ, отыскалъ меня, говорила Груня.

— Ну, дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь!

Что-то больно кольнуло Федора, и онъ какъ пригвожденный остался на мѣстѣ. Всегда вѣтреный, въ эту минуту онъ впервые почувствовалъ, что теряетъ навѣки невѣдомое благо, котораго цѣну вполнѣ не сознавалъ; тутъ было все — и оскорбленное самолюбіе, и досада на самого себя, и обида отъ предпочтенія, чего онъ никогда не хотѣлъ даже и представлять себѣ возможнымъ...

— Батюшка, Василий Никитичъ, извини! проговорила Красухина, появляясь первою впереди молодой четы, — и ума не приложу, какъ это Груняша сладила... Безъ воли Божіей и волюсь, говорится въ писаніи, не спадаетъ съ головы человѣческой — стало судьба; такъ ужъ ей видно на роду написано...

— Слава Богу, въ счастливый часъ да въ добрый, отвѣтилъ Василий Никитичъ, — вѣдь Аграфенъ Александровицъ съ нимъ жить; стало: когѣ выбрала — тому и вѣнецъ...

Лицо Федора приняло при этихъ словахъ выраженіе необычайной ярости, онъ стиснулъ зубы и посмотрѣлъ на отца. Но сановитый Коржавинъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить этого взгляда, и лицо освѣтилось доброю улыбкою, когда онъ обратился къ Баженову.

— Поздравляю, Василий Ивановичъ, боярышня добрая, и за тобою — чувствую — не пропадетъ...

Еще злѣе исказилось лицо Ѳедора. Баженовъ съ явною неловкостью подошелъ къ нему, какъ-то пошевеливая плечами и глядя въ землю.

— Ну, Ѳедя, не гнѣвись, будемъ друзьями по старому! Уладить-то я уладилъ, да не совсѣмъ такъ вышло, принужденно сказалъ Баженовъ.

— Коли въ сорочкѣ родился, твое счастье при тебѣ! язвительно процѣдилъ Ѳедоръ сквозь зубы, съ нахальствомъ взглянувъ на Груню, — ну, а дружбу-то побереги про другихъ; впрочемъ, желаю всякаго благополучія, а мнѣ тутъ нечего дѣлать...

И онъ быстрыми шагами пошелъ по тропинкѣ къ дому; на крыльцѣ встрѣтилъ мать и проворчалъ: «это чортъ знаетъ что дѣлается!.. прозѣвала невѣстку-то?!. На! изъ-подъ носа утащилъ».

На удивленный взглядъ Анны Исаевны, онъ дико захохоталъ и бросился наверхъ въ свою свѣтелку.

Анна Исаевна, съ перепуга сотворивъ молитву, поспѣшила въ садъ.

— Что съ малымъ-отъ сдѣлалось? не рехнулся ли? повторяла она про себя.

Узнавъ въ чемъ дѣло, она такъ близко къ сердцу приняла это огорченіе, что жалко было глядѣть на старуху.

Баженову окончательно стало неловко.

— Прощайте, матушка! прощай, радость моя! говорилъ онъ, откланиваясь, — завтра увидимся, привезу къ тебѣ моего старика со старухой.

Какъ только Баженовъ съ Груней вышли изъ сада, вся принужденность и неловкость жениха исчезли; онъ глядѣлъ на свою нарѣченную съ выраженіемъ такого сіяющаго блаженства, словно все тяжелое, гнетущее было покончено и далеко-далеко за нимъ, а впереди открывалось одно свѣтлое, новое, манящее...

— Точь въ точь во снѣ, говорилъ онъ Грунѣ, пожимая ея руку,—и понять не могу, какъ у меня хватило смѣлости давеча открыться тебѣ, моя голубка!.. Такъ это внезапно сдѣлалось, ровно кто бы подтолкнулъ меня!..

— Тебѣ ужь трудно было... а я-то, Василій Ивановичъ!.. застѣнчиво краснѣя отозвалась Груня,—сколько разъ бывало провожаю тебя вотъ къ этой самой калиткѣ — и какъ захлопнется она за тобой, точно камень какой завалить мнѣ сердце; такъ бывало и оторвется все—таково грустно станеть—и сама бывало не знаю, къ чему оно такъ—анъ оно вонъ къ чему...

— Дорогая моя, желанная! шепталъ Баженовъ, впервые привлекая ее къ своей груди,—никакія силы теперь не оторвутъ тебя отъ моего сердца...

И онъ въ забытіи приклонилъ къ ней зардѣвшееся лицо... Груня слабо отстранялась, невольно уступая невѣдомому ей обаянію близости милаго человѣка...

— Пстой... погоди... увидятъ неравно, боязливо молила она,—скоро я стану твоя навсегда, крѣпко-на-крѣпко... Буду тебѣ вѣрной рабой, воля твоя мнѣ законъ будетъ... А своей воли у меня и теперь ужь нѣтъ, съ тихимъ счастливымъ вздохомъ докончила Груня, безсильно опустивъ голову на грудь Баженова...

Федоръ видѣлъ изъ окна своей свѣтелки молодую чету, недвижно, безмолвно стоявшую у воротъ въ тѣсномъ объятіи и забвеніи всего окружающаго. Не зная самъ что дѣлаетъ, онъ побѣждалъ внизъ и на крыльцо, но уже не захватилъ Баженова...

Груня, захлопнувъ калитку и повернувшись, такъ и дрогнула всѣмъ тѣломъ: въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нею стоялъ Федоръ, скрѣстивъ руки на груди—и видимо усиливался казаться спокойнымъ, въ упоръ глядѣлъ на нее сверкающимъ взглядомъ.

— За что же ты такъ насмѣялась надъ мною, Агра-

Фена Александровна? началъ онъ сорвавшимся голосомъ, — ты, кажись, не такъ рѣшала, когда я прїѣхалъ.

— Помнится, я ничего не рѣшала, Ѳеодоръ Васильичъ; порѣшилъ ты, отвѣтила Груня холодно.

— Я? понятился Ѳеодоръ.

— Ты вонъ на томъ самомъ мѣстѣ говорилъ, какими ты мужемъ будешь; а нынѣ и на дѣлѣ показалъ, каковъ ты мнѣ защитникъ есть, отвѣтила она и подошла къ матери, шедшей съ Анной Исаевной къ дому. Старушки шли тихо и обѣ плакали — одна съ горя, другая съ радости. Добравшись до крыльца, обѣ сѣли на первой приступчѣ, подгорюнившись.

— Не привелъ Богъ намъ породниться съ вами, матушка! начала Анна Исаевна, вздохнувъ.

— Что дѣлать, матушка, на все Божья воля, суженного конемъ не объѣдешь — и сама ума не приложу, какъ все свертѣлось.

А Ѳеодоръ пошелъ искать отца въ саду.

— Здравствуйте, Василий Никитичъ! проговорилъ онъ, насмѣшливо раскланиваясь передъ старикомъ, — мы съ вами оба значить въ дуракахъ... Славно женилъ сына!.. Ха, ха, ха!

— Ахъ ты, пустозвонъ - мальчишка! отозвался тотъ, — да вѣдь въ эту дудку мое дѣло тебѣ проиграть — вѣдь не кто другой, а ты самъ все это подстроилъ...

— И тутъ опять я же виноватъ? перебилъ Ѳеодоръ, разставивъ руки.

— Да какъ же не ты? вѣдь тебѣ жениться-то было — начто-жь ты не понравился?..

— Понравится?.. Пусть ей чортъ понравится, а Васька Баженовъ еще наплачется съ ней: провела меня — и его проведетъ.

— Ну, не дуракъ ли ты, коли врешь безъ памяти?..

— Подлинно, дуракъ, что повѣрилъ тебѣ, будто ты и вправду путное дѣло затѣялъ...

— Это что? ты никакъ меня корить вздумалъ? сказалъ приподнимаясь Коржавинъ, — только знай, что меня хоть ослы и лягаютъ, а я еще не совсѣмъ обезсилѣлъ... Я же тебѣ все простилъ—и ты въ такую горькую мнѣ минуту осмѣливаешься надо мной издѣваться...

— Простилъ? да тебѣ другаго ничего и дѣлать не оставалось! — считаться хочешь — давай!..

И онъ сталъ прямо передъ отцомъ въ носу борца, готоваго отбивать удары.

— Съ кѣмъ считаться, безумецъ?—отцу съ сыномъ?

— Да былъ ли ты мнѣ отцомъ, когда завезъ за границу да тамъ и бросилъ?

— Я старался дать тебѣ образованіе... а ты что дѣлалъ?

— То же что и всѣ молодые люди—кто жъ молодъ не бывалъ!?— это твои же слова. Я вѣдь не уродомъ родился...

— Нѣтъ, а сталъ уродъ... Изъ тебя думали сдѣлать человека а вышелъ пустомеля, не годный ни на что путное.

— Да изъ тебя то что вышло? сказалъ Федоръ, — ты хвалишься своимъ умомъ—на чтожь его хватило?

Василій Никитичъ поглядѣлъ на сына въ нѣмомъ изумленіи, словно не вѣря ушамъ, и долго не могъ собраться съ надлежащимъ спокойствіемъ, чтобъ отвѣтить ему.

Федоръ стоялъ передъ нимъ выжидая.

— Ты чтожь въ самомъ дѣлѣ—судить меня чтоли задумалъ? блѣднѣя отъ негодованія проговорилъ Коржавинъ.

— Ахъ не по шерсти! язвительно отвѣтилъ Федоръ, — гдѣ жъ оно хваленое свободомысліе? Какой же ты послѣ этого послѣдователь отца нашего, Вольтера?..

Василій Никитичъ плюнулъ и пошелъ изъ сада.

— Правъ ты, Боже, меня наказуя! говорилъ онъ про себя, — во истину я заблуждался, думая, что можно давать свободу неразумнымъ... Я смѣлъ думать, что неразуміе пройдетъ, а оно только въ гору растетъ, когда нѣтъ твердаго основанія и нѣтъ узды, держащей въ границахъ... Зло отягощеніе, но не добро и распушенность.

Эпilogъ.

1771 годъ въ Москвѣ, годъ мороваго повѣтрія, напомнилъ своими ужасами — сцены едва-ли повторявшіяся въ теченіи предшествовавшихъ 4-хъ вѣковъ. Русскій человекъ, всегда сосредоточенный подъ наплывомъ обстоятельствъ неблагопріятныхъ, съ развитіемъ бича эпидеміи одичалъ, ожесточился, потерялъ отличительное свойство своей природы: довѣрчивость, и взаимъ этой врожденной человекѣкѣ наклонности перешелъ въ противоположную крайность, совсѣмъ несвойственную: боязнь предательства, подозрительность. Если въ обыкновенное время человекъ, одержимый этой несчастной страстью, не бываетъ похожъ на себя; то можно представить себѣ, до чего доводили людей суевѣрный страхъ и сознаніе безвыходности положенія въ ту грозную годину, когда смерть мгновенно схватывала свои жертвы — и жертвъ этихъ считать было некому. Жители несчастной столицы походили на дикую толпу безумныхъ, которыхъ выводилъ изъ апатіи на одно мгновеніе ужасъ гибели, леденящій кровь и мутившій рассудокъ; а когда разсѣявался этотъ припадокъ, несчастные какъ-бы теряли сознаніе и бродили безцѣльно, не сознавая опасности своего положенія, — забывъ, что у нихъ были

когда-то милые сердцу, и впадая въ убійственное равнодушіе, останавливающее всякую самодѣятельность. Такъ по крайней мѣрѣ было съ большинствомъ.

Люди привязанные къ формальной сторонѣ религіи— конечно удерживали смутное понятіе о необходимости выполнить ея обрядовыя требованія, готовясь къ смерти, затѣмъ впадали въ малодушіе, дѣлались какъ дѣти—и въ такомъ состояніи становились жертвой небольшой массы безстрашныхъ или злодѣйски-беззаботныхъ собратій, даже во дни мора считавшихъ важнѣйшей цѣлью своего существованія пріобрѣтеніе. Нужно ли прибавлять, что для этихъ проходимцевъ не было ничего святаго и что политика ихъ, среди общаго потемнѣнія, приводила къ самымъ блистательнымъ результатамъ, выставляя ихъ самихъ какими-то высшими существами, чуть не благодѣтелями впадавшихъ въ слѣпое отчаяніе.

Во имя вѣры и совѣсти, эти рыцари пріобрѣтенія требовали отъ состоятельныхъ но слабодушныхъ своихъ пациентовъ жертвованія всѣмъ ихъ состояніемъ на хорошее дѣло. Пріобрѣтя нравственную власть надъ слабыми, они конечно развѣ въ рѣдкихъ только случаяхъ встрѣчали съ чьей либо стороны признаки явнаго сопротивленія. Но одна возможность такого упорства дѣйствовала возбуждительно на самыхъ сдержанныхъ— и потому подбиратели къ рукамъ чужихъ недостатковъ въ случаѣ разсчета на противорѣчія, съ подобными упрямыми поканчивали втихомолку, благо можно было сослаться на чумную эпидемію при внезапномъ даже переселеніи съ сего свѣта въ другой міръ.

Извѣстно, что обладатель достатка бываетъ менѣе храбрымъ чѣмъ бѣднякъ. Въ страшные дни эпидеміи, истина эта подтверждалась тысячами примѣровъ въ бѣлокаменной Москвѣ. Люди состоятельные оказывались невольными обогащателями своихъ исконныхъ враговъ,

вполовину только сознавая, что они теряютъ, и не подозрѣвая совсѣмъ, что ихъ обирадываютъ. Зато поживлявшіеся на ихъ счетъ пріобрѣтали самоувѣренность, надменность и величіе передъ своими кліентами, обратившимися въ это скромное состояніе изъ недавнихъ патроновъ.

Говоря проще, люди безсовѣстные создавали себѣ капиталы грабительствомъ напуганныхъ заразой. Наживавшимися оказывались величающіе себя людьми древняго благочестія, а жертвами ихъ — простые души христіанъ господствующей церкви. Здѣсь не было середины. Испуганное стадо вѣрныхъ совсѣмъ потерялось по убіеніи высокопреосв. Амвросія этомъ отчаянномъ усилии изуверовъ и бездѣльниковъ, очень опасавшихся замученнаго ими архіерея и потому поспѣшавшихъ съ нимъ кончить.

Мать Марѳа, неизбѣжно появлявшаяся всюду, гдѣ вода начинала мутиться и общала мало-малыски прибыльнѣйшій уловъ рыбы, не измѣнила себѣ и въ этотъ разъ. На другой день по убіеніи Амвросія, карета ея медленно двигалась по улицамъ Москвы, то и дѣло объѣзжая многочисленныя рогатки, которыми оцѣплены были зачумленные кварталы. Марѳа съ любопытствомъ поглядывала на заколоченные верота и ставни нѣкоторыхъ домовъ, усугублявшихъ своимъ видомъ общее впечатлѣніе безлюдья и выморочнаго затишья на улицахъ. Вмѣстѣ съ свѣжимъ осеннимъ вѣтеркомъ въ открытыя окна кареты изрѣдка нотягивало горьковато-смолистымъ дымомъ — то горѣли на перекресткахъ мозжевеловые костры и возлѣ нихъ что-то дѣлали какіе-то люди въ темныхъ смоляныхъ балахонахъ.

— Сворачивай! назадъ! проѣзду нѣтъ! кричали они иногда сильными голосами, иногда молча пропускали экипажъ, которому лрезъ два три переулка приходилось объѣзжать новую рогатку...

На Красной площади пришлось и вовсе остановиться. Все пространство отъ самаго Василья блаженнаго до Никольской кишѣло народомъ. Въ глазахъ рябило это море головъ, гомозившихся словно громадный муравейникъ. Красныя, пьяныя, освирѣпѣлыя лица проскакивали тамъ и сямъ, чередуясь съ суровыми обликами раскольниковъ, въ толпѣ блѣдныхъ напуганныхъ горожанъ. Глухой ропотъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ словно повисъ надъ площадью, тамъ и сямъ слышалась брань, поднимались драки. Высоко выдѣляясь надъ толпой, облитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, видѣлась сѣдая обнаженная голова Еропкина, въ генеральскомъ мундирѣ, верхомъ разѣзжавшаго въ общей давкѣ и повидимому уговаривавшаго разъяренную чернь... Массы народа напирали со всѣхъ сторонъ къ нему, съ угрозами и проклятьями. Старика оттѣснили въ Спасскія ворота, народъ хлынулъ за нимъ... Вдругъ изъ темной арки ихъ словно молнія мелькнула въ бѣломъ облакѣ—и непривычный уху москвичей гулъ пушечнаго выстрѣла шарахнулъ толпу назадъ... Въ разныхъ мѣстахъ застонали голоса. Сверкнулъ еще огонекъ—и съ ревомъ и визгомъ пронеслось что-то большое тяжелое, хлонувъ по каменной стѣнѣ и осыпавъ известью съ обломками кирпича...

Марѳа, высунувшись изъ дверцы, кричала кучеру, чтобъ онъ гналъ скорѣе прочь; перепуганный бородачъ задергалъ возжами и направилъ было въ разрѣженный промежутокъ бѣгущихъ, какъ вдругъ, вмѣстѣ съ третьимъ гулкимъ облакомъ изъ воротъ Спасской башни, карета съ трескомъ повалилась на бокъ. Марѳа, едва выскочивъ, наткнулась на какого то человѣка, навзничъ лежавшаго съ оторванной рукой, въ лужѣ крови, на раздробленномъ колесѣ, и судорожно вздрагивавшаго ногами?

— Ну чего сталъ? озлобленно крикнула она своему

извозчику, — отпрягай живѣе!.. не ночевать тутъ... всѣхъ перебьютъ.

И она сама, помогая ему, бѣлыми нѣжными руками сорвала постромки одной лошади, подобрала возжи, и вскочивъ по-мужски верхомъ, пустилась вскачь на перерѣзъ бѣгущихъ. Выстрѣлъ бухалъ за выстрѣломъ, ядра жужжали вдоль по Ильинкѣ, гдѣ особенно сгустилась волна бѣглецовъ... Но Марѳа уже миновала опасную черту и мчалась къ Сущеву. Въ эти дни ужасовъ мора, мятежа, убійствъ и разбоевъ невѣроятное стало до того обыкновеннымъ, что видъ одиноко-скачущей женщины ни въ комъ не возбуждалъ удивленія — и Марѳу даже не окликнули ни у одной изъ рогатокъ вполѣ до усадьбы Молчанова-Хмурова...

Широкій дворъ ея, нѣкогда оживленный, теперь былъ пустъ какъ тѣ улицы, что недавно проѣзжала Марѳа; только пятеро или шестеро смоляныхъ балахонниковъ и тутъ бросались въ глаза, точно ихъ по всему городу плодила зараза. Длинными баграми тащили они изъ напоребицы и за тѣмъ поволокли по землѣ какое-то громадное черное тѣло. Лошадь подъ Марѳой захрапѣла и попятилась, наостривъ уши, вытянувъ морду по направленію къ страшнымъ фигурамъ, въ темныхъ блестящихъ балахонахъ, въ круглыхъ шляпахъ, наподобіе погребальныхъ, изъ подъ которыхъ вмѣсто чело-вѣчьяго облика глядѣла маска съ птичьимъ носомъ, наполненномъ ароматными травами... То были колодники, обязанные убирать трупы зараженныхъ, а покойникъ которому они отдавали послѣдній долгъ — Кузьма Исаичъ, краса кулачныхъ боевъ и гроза рогожцевъ...

Увидя страшныхъ людей, влекущихъ свою добычу, мать Марѳа, у которой помутилось въ глазахъ, поспѣшно забѣжала за каменное строеніе, и переведа духъ, прошла заднимъ ходомъ въ домъ. Никого.

Поднялась на лѣстницу. Пусто.

Ни одинъ звукъ не показывалъ присутствія живыхъ существъ. Сердце у Марѣы, умѣвшей владѣть собой и не легко поддававшейся страху, невольно сжималось. Собравъ всѣ свои силы, дошла она до крестовой модельной хозяина—и тамъ никого. Только постукивали открытыя окна, захлопываемыя и размахиваемыя вѣтромъ. Мать Марѣа заперла два изъ нихъ передъ образной, и помолясь иконамъ, нарочно произнесла громко: «Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй насъ»!

— Кто тутъ? безсильнымъ голосомъ отозвался Молчановъ-Хмуровъ гдѣ-то близко.

Марѣа пошла на голосъ къ пологу и увидѣла со всѣмъ перемѣнившимся, ослабѣвшаго, не давно еще здороваго и свѣжаго, Хмурова, лежавшаго въ лихорадкѣ.

— Что съ тобой, Сидоръ Дементычъ?

— Да вотъ, матушка, какъ перевернуло!.. особенно когда Кузьму у меня—исправный былъ такой ключникъ—подхватилъ это морь... Людишки, какъ сама это видишь, всѣ разбрелись—вотъ и лежишь какъ собака... ты-то хоть меня не покинь...

— Какъ можно покинуть!—не только такому благодѣтелю какъ ты, а и простой душѣ христіанской не пригоже умереть безъ покаянія. Вонъ Илья-то Алексѣвичъ Ковылинъ—знаешь?—истинно Божій человекъ, заводитъ страннопріимницы; ужъ я съ тобой посижу, ктонибудь придетъ, такъ я на часокъ какой къ нему юркну, пришлютъ сидѣлицъ, али ты можетъ соблаговолишь чтобы повольтыгѣ туда переселиться.

— Всего бы лучше, матушка, кабы ты сама осталась; можетъ и полегчаетъ...

— Да и безперемѣнно полегчаетъ. Давно ли боленъ-то? участливо спрашивала Марѣа.

— Да третій день ужъ. Глянулъ я, какъ это Кузьму-то стало коробить, такъ и сталъ самъ не свой.

— Испугъ, вѣстимо дѣло, внезапность! утѣшала Марѳа.

Бесѣда съ Марѳой, ея первыя распоряженія поселили въ больномъ надежду и бодрость — ему видимо стало лучше.

Часа два спустя Марѳа увидѣла двухъ мальчиковъ да еще какого-то старика, прохаживавшихся по двору, — и выйдя изъ образной, кликнула чтобы пришли.

На счастье мальчуганы попались толковые, послушные, заобычные, въ домѣ жили не малое ужь время; именемъ хозяина, мать Марѳа приказала разыскать по конторѣ бумаги и письменныхъ принадлежностей, настрочила цидулу почтеннѣйшему Ильѣ Алексѣвичу, красѣ и столпу православія и древляго благочестія по всей Москвѣ, призывая его на совѣтъ и на содѣйствіе въ настоящихъ обстоятельствахъ по случаю болѣзни богача Хмурова. Часъ спустя посланіе честной матери получено по назначенію и возбудило не малую радость въ ласковомъ Ильѣ Алексѣвичѣ. Прислужника онъ велѣлъ чаемъ напоить, искусно выпросилъ, что и какъ дѣлается, и распорядился присылкою въ усадьбу больнаго своихъ сторожей, сторожихъ и прислужницъ въ распоряженіе матери Марѳы. Для лучшаго же успѣха и единства дѣйствій, самъ явился засвидѣтельствовать ей свое нижайшее почитаніе.

Въ подозрительномъ Хмуровѣ новый гость произвелъ положительно хорошее впечатлѣніе. Да и какъ бы могъ онъ произвести иное дѣйствіе, когда обладалъ самой счастливой наружностью.

Высокій ростъ, черты пріятныя, тонкія, длинная русая борода, глаза съ смиренно-кроткимъ выраженіемъ, голосъ тихій съ интонаціей вкрадчивости, рѣчь красная, пересыпанная у мѣста текстами и ссылками на писанія столповъ старообрядства — Денисовыхъ да протопопа Аввакума. При рѣдкихъ отвѣтахъ хозяина, Ковылинъ

почтительно умолкалъ, кланяясь и слушая съ усерднымъ вниманіемъ, возраженій почти не дѣлалъ — и до того обворожилъ больного, что тотъ почувствовалъ себя здоровымъ, принялъ предложеніе посѣтить новаго знакома на слѣдующій же день съ матерью Марою и дѣйствительно сдержалъ слово.

На утро, въ рыдванѣ на подушкахъ, больной привезенъ Марою къ новому благопріятелю. У него уже нѣсколько такихъ же друзей вели бесѣду — и имъ словоохотливый Илья Алексѣвичъ пересказалъ, какъ онъ получилъ благодать предъ лицомъ градоначальника, вызвавшись устроить на свой страхъ и коштъ предъ рогожскимъ въѣздомъ въ городъ родъ подвижнаго карантинна и при немъ въ помѣщеніяхъ, которыя намѣрены для того отвести, пріютъ для бѣгущихъ изъ города и заболѣвающихъ, отдѣляя ихъ конечно отъ здоровыхъ.

— Затѣйка-то моя, государь мой милосливый, такъ генералу значить показалась, что тутъ же онъ и разрѣшилъ: «дѣлай, дѣлай, говоритъ, хочешь и приказъ дамъ; послужи, братецъ, обществу!» Такъ Исусъ сладчайшій и умягчилъ его сердце, истинно по божью смотрѣнію. Наше дѣло теперь чисто — никого не боимся, хозяйничай да стройся. Кликнемъ конечно къ благопріятелемъ. Души христіанскія-моль, поусердствуйте Господу Богу, ради спасенія нашего. Сидоръ Дементычъ навѣрно не откажетъ также своей лептой...

— Охотно, други мои, отвѣчалъ Хмуровъ, — въ вашей бесѣдѣ христіанской только мнѣ больному да хилу и осталось отводить душеньку... Сколько вамъ примѣрно требуется?

— Да два ста мужикамъ черкизовскимъ придется взнестъ, да сотенки четыре — ужъ это самой малой мѣрой — стройку начать, а тамъ что Господь Богъ дастъ...

И самъ Илья Алексѣвичъ, смотря умильно на гостя, ждалъ его отвѣта.

— Инъ быть по вашему — шесть сотенокъ отвалимъ вамъ, коли безперемѣнно требуется; только вы родимые не передавайте лишняго.

— Не лишняго, отецъ, какое тутъ лишнее! Ужь о препитаніи нашей страннопріимницы печись наше дѣло; мы на это помощи и не просимъ. Морить христіанъ не пригоже — ужъ пріютить, такъ чтобъ и сыты были.

Разщедрившись однако настолько, Сидоръ Дементыичъ чрезъ нѣсколько минутъ завелъ длинную рацею о дурныхъ временахъ, о малыхъ прибыткахъ, о добываніи по́томъ и кровью своихъ капиталовъ съ молодости до старости и о прочемъ. Марѳа возразила, что на то Господь и даетъ одному изъ рабовъ своихъ много талантовъ, чтобы тотъ удѣлялъ меньшей братіи.

— Все матушка такъ, да вѣдь трудно и сгношиться-то! Меньшая-то братія также могла бы поусердствовать — поработать...

— Да коли не дано!

— Раздавай, раздавай, а можетъ и долго проживешь — ну и то думать надо, чѣмъ бы похорониться.

— Не такая пора, Сидоръ Дементыичъ, чтобы о сокровищахъ земныхъ пешихъ — смерть передъ нами и за нами, — кто изъ насъ поручится, что всѣ мы доживемъ хоть бы до утра — и ты самъ съ разсвѣтомъ будешь въ состояніи ворочать рукой или ногой...

— Ахъ, какая ты! — вѣдь живой о живомъ и думаетъ.

— Да вонъ смотри! и она указала на другую сторону улицы, гдѣ изъ заколоченнаго дома сверху сбрасывали на телѣгу трупы.

— Вѣдь все жили, можетъ-быть и разсуждали какъ ты, а теперъ ничего не надо.

Неожиданность страшнаго зрѣлища произвела потрясающее дѣйствіе на стараго капиталиста. Холодъ прошелъ по всему тѣлу какъ бы ледяной рукой; потемнѣло

въ глазахъ, и силы быстро стали оставлять его. Едва дотащившись до широкой скамьи, онъ опустился на нее въ полубезпамятствѣ.

Черезъ минуту остались только Марѳа да Ковылинъ. Призванный докторъ - нѣмчинъ, не смотря на больного, зажавъ себѣ носъ, у дверей что-то начертилъ на бумажкѣ, и поспѣшилъ на другой визитъ. Пароксизмы лихорадки между тѣмъ стали поражать Молчанова чаще и чаще съ усиливающейся жестокостью.

— Тебѣ бы не мѣшало, Сидоръ Дементычъ, и распорядиться ино, неровенъ часъ, гдѣ и что у тебя есть, намекнула Марѳа.

— Да развѣ думаешь ты, мать честная, что и впрямь мнѣ жить не долго? трусливо говорилъ больной, впадая въ еще большее уныніе.

Ему становилось видимо тяжелѣе. Къ вечеру онъ сталъ жаловаться на стѣсненіе въ груди и на опухоль какую-то подъ мышкой. Наступилъ жаръ и больной просилъ безпрестанно пить, но жажда все усиливалась, нѣмецкое лекарство не произвело никакого дѣйствія. Поенье богородицыной травой изъ рукъ матери Марѳы настолько же оказывалось пригоднымъ. Молчановъ сталъ метаться. Дыханіе становилось все тягостнѣе. Лицо побагровѣло, а потомъ стало темнѣть.

— Ишь ты, Каинъ какой! Вѣдь ужъ смерть на носу, а все ничего не бایتъ! вырвалось у Ковылина, и онъ распорядился вмѣстѣ перенести умирающаго въ сарай со скамьею.

Въ ту же ночь, какъ только стемнѣло, Марѳа съ сладкорѣчивымъ Ильей Алексѣвичемъ явилась въ опустѣломъ жилищѣ Молчанова-Хмурова. Къ разсвѣту прибыли тѣлеги — и пошло на нихъ нагруженъе всего что попадалось. Тяжелые небольшіе боченки съ желѣзными обручиками, стоявшіе подъ кроватью владѣльца опустошаемыхъ теперь хоромъ и кладовыхъ, бережно перене-

сены были въ рыдванъ Ковылина—и когда мать Марѳа вынесла божье милосердіе въ ризахъ горѣвшихъ золотомъ и каменьями, рыдванъ уже уѣхалъ, а ей предложена бричка, причемъ стоявшій подлѣ кучера приказчикъ Ильи Алексѣевича новѣдалъ честной матери, что рабъ божій Сидоръ болѣе въ живыхъ не обрѣтается. Марѳу передернуло, черты ея миловиднаго лица на мигъ приняли выраженіе какого-то звѣрства; но совладѣвъ съ собой, она сѣла въ экипажъ и поѣхала по направле- нію къ Рогожской.

Всходя на лѣстницу съ бременемъ иконъ, она увидѣла у заднихъ воротъ какой-то черный ящикъ, встаскиваемый баграми на роспуски,—и только вздохнула, инстинктивно догадавшись, что это должно-быть остатки Молчанова, наслѣдствомъ котораго она торопилась теперь раздѣлиться.

— А ты, Илья Алексѣевичъ, боченочки-то про себя всѣ прибралъ? спросила она, входя.

— Нѣтъ, матушка, на нужды призрѣваемыхъ; все меньшей братіи—себѣ я ничего не оставляю, сказалъ Ковылинъ.

— Но ты, отецъ, не забудь, что у меня есть меньшія сестры, которыя тоже должны имѣть свою часть.

— Оно конечно, честная мать... ты бы раньше сказала, какъ ты хочешь устроить тамъ—киновію что-ль при нашемъ пріютѣ... Ино какъ рассудишь — я такъ и сдѣлаю.

— И то добро будетъ своей чередой, а Каменозерской-то киновіи выдѣли.

— Ну и киновіи этой будетъ, коли она — какъ хочешь ее назови—коли устроимъ, твое ужь дѣло называть будетъ.

— А до того выдѣли — неотступно.

— Да чего выдѣлять-то? Не какіе несмѣтны богат-

ства—всего тыщенки три-четыре... Ты думаешь, что у него въ боченкахъ?..

— Да я лучше тебя знаю что... Ты ужь на этотъ счетъ морочь другого...

— Ну, снужи!.. Серебро, вотъ-те Христосъ — серебро... Сама можешь посмотрѣть.

— Да гдѣ жь они?

— Вонъ, посмотри.

Марѳа побѣжала въ уголокъ и схватила одинъ изъ опорожненныхъ боченковъ.

— Да тутъ ужь ничего не увидишь — все охоло-стиль, грабитель!

— Нѣтъ, ты мать скорѣе грабительница, что у сырыхъ отнять хочешь!

— Отдай честью, а не то найду дорогу...

— Чистая тебѣ дорога, мы эту пѣсню-то слыхивали. Сама песеть беремя иконъ въ золотыхъ окладахъ, а меня грабителемъ называетъ — и божьяго-то милосердія не пощадила!

— Провались ты, извергъ! прохрипѣла Марѳа со злобой и ушла не прибавивъ слова.

Благоразуміе не оставило Марѳы и при пастоящемъ случаѣ. Зрѣло обдумавъ, что Илья Ковылинъ такъ нахально поступаетъ, предварительно угладивъ себѣ путь передъ кѣмъ слѣдуетъ, — она съ одною ношею иконъ да однимъ боченочкомъ изъ девяти, почему-то имъ неусмотреннымъ во время, сочла за благо убраться къ себѣ на сѣверъ какъ можно поспѣшнѣе изъ зачумленной столицы.

Уже послѣ нея, присланный императрицею Григорій Григорьевичъ Орловъ уничтожилъ энергическими мѣрами панику въ народѣ. Изворотливый Ковылинъ успѣлъ во-время забѣжать къ распорядителю судебъ въ древней столицѣ и выхлопоталъ себѣ открытый листъ, развязывавшій ему руки для дальнѣйшихъ предпріятій,

объ успѣхѣ которыхъ можно судить по быстротѣ сооруженій на арендованныхъ черкизовскихъ участкахъ, гдѣ къ заморозкамъ успѣли подняться обширныя усадьбы, чуть не цѣлая слобода, а къ веснѣ завелась богатыя общезжитіемъ и обиходною обстановкою монастыря. Собраніе средствъ на все это относилъ смиренный Ковылинъ къ милосердію божію и провидѣнію, по волѣ котораго, какъ говорилъ онъ, и создавалась Преображенская обитель; въ тоже время основался и другой пріютъ извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ рогожскаго кладбища и давшій начало поговоркѣ: «на рогожѣдохнуть, на Иргизѣпопа дадутъ».

На долю начальницы Каменозерской киновіи, изъ наслѣдства Хмурова перепало все таки вдосталь; но на бѣду Марѣы, Илья Алексѣевичъ Ковылинъ безцеремоннымъ выдѣломъ далъ ей урокъ, которымъ она не замедлила воспользоваться на мѣстѣ въ Олонцѣ. Вслѣдъ за возвращеніемъ ея, на Вытегрѣ представился подходящий случай разставанья съ симъ свѣтомъ и его обманчивыми прелестями нѣкоего мужа честнаго отъ среды исповѣдниковъ древняго благочестія. Мать Марѣа приглашена была утѣшать болящаго и такъ ловко распорядилась, овладѣвъ всѣмъ его наличнымъ достояніемъ, что возбудила явное порицаніе въ мѣстныхъ учителяхъ, наставникахъ и такихъ же самозванныхъ настоятельницахъ какъ она, поднявшихъ противъ нея поголовное возстаніе. Не побѣду торжествовать приходилось ей въ скромной пустынкѣ, а надо было, заботясь о личной безопасности, выбирать новое мѣсто жительства. Съ деньгами предприимчивая мать Марѣа не долго думала—и перенеслась въ Макарьевскіе предѣлы на Керженецъ, а оттуда въ еще болѣе укромныя палестины лѣсовъ иргизскихъ. На Иргизѣ въ то время уже сложилась сильная община раскольниковъ, привлеченныхъ указомъ императрицы отъ 14 декабря 1764 го-

да. Обнадеженные монаршею милостию, что имъ на мѣстѣ новаго поселенія простятся всѣ прежнія преступленія, предоставится полная воля жить въ крестьянствѣ или въ купечествѣ, дастся земля подѣ поселенія и льгота на 6 лѣтъ съ сохраненіемъ предержащими властями отъ всякихъ обидъ,—старообрядцы сотнями потянулись туда изъ за польскаго рубежа, съ Вѣтки и другихъ укромныхъ мѣстъ прежняго жительства. Съ одной ватагой переселенцевъ въ Нижнемъ столкнулась случайно мать Марѳа—и побесѣдовавъ съ вожаками, порѣшила примкнуть къ этимъ искателямъ счастья.

Бѣличкамъ своимъ, неразлучнымъ спутницамъ во всѣ мѣста, Марѳа наказала называть себя матерью Маргаритой,—говорить, что они ѣдутъ изъ за польскаго рубежа, что у нихъ на Руси знакомыхъ нѣтъ и что онѣ, возвращаясь въ отечество извѣстное имъ только по имени, не поставлены въ необходимость отъ кого либо зависѣть; что она сама все отеческое достояніе принесетъ въ жертву будущей общинѣ и намѣрена на мѣстѣ новаго водворенія основать обитель для пріюта всѣмъ, кто будетъ просить о принятіи въ братство. Странники охотно позволили присоединиться къ нимъ такой имянитой боярынь, очарованные ея умомъ, обхожденіемъ, привѣтливостью и щедростью. При такихъ условіяхъ, по прибытіи на мѣсто, на Большой Иргизъ, верстахъ въ 90 отъ Волги, на берегахъ озера Калачъ, насупротивъ преображенскаго Филаретова, быстро возникъ новый скитъ матери Маргариты, названный Покровскимъ.

Скоро молва о новой обители, сооруженной съ замѣчательною изысканностью, разнеслась по всему окологде, конечно съ преувеличеніями, можетъ-быть навѣянными вѣрно-расчитаннымъ положеніемъ, которое сразу приняла Марѳа. Въ новой средѣ она порывалась къ широкой, общественной дѣятельности и распростра-

ненію своего вліянія на все сосѣдство; богатство, котораго она не считала нужнымъ скрывать, знатное происхожденіе, приписываемое ей спутниками,—все давало ей право на такую дѣятельность. Недоставало только новаго выступить, но и этотъ случай не замедлилъ.

Марѣ очень полюбилось ближайшее село Мечетное (гдѣ нынѣ городъ Николаевскъ). Она частенько наѣзжала туда со своими бѣлицами, принимала участіе въ вечернихъ сходбищахъ поселянъ, большая часть которыхъ были Вѣтковцы и разсуждали на этихъ сходкахъ о дѣлахъ вѣры, о Никонѣ, о Петрѣ и прочихъ назидательныхъ предметахъ. Разумѣется, тонкій изворотливый умъ начетчицы Марѣ не могъ не приобрести ей друзей. Разъ подъ вечеръ, въ одну изъ пятницъ, когда въ Мечетномъ совсѣмъ покончился торжокъ, торганы и прасолы убирались во свояси, обыватели или больше обывательницы уже высыпали изъ своихъ домишекъ на завалянки и скамейки у воротъ подъ ветлами, чтобъ отвести душу божественной бесѣдой,—къ одному изъ домовъ, отличавшемуся отъ другихъ и большей обширностью, и лучшей постройкой, и прибитой надъ воротами вербой въ знакъ пріема на упокоеніе нуждающихся въ пріютѣ, подъѣхала брика на парѣ взмыленныхъ вороныхъ. Изъ брики вышла, покрытая темнымъ платкомъ, въ темномъ одѣяніи, сановитая настоятельница Покровскаго монастыря. Навстрѣчу ей спѣшно сбѣжала хозяйка дома, не разъ уже принимавшая мать Маргариту во время ея посѣщеній Мечетнаго, и въ свою очередь пользовавшаяся широкимъ гостепріимствомъ въ ея обители.

Хозяйка была купчиха, занимавшаяся солевознымъ промысломъ. На этотъ разъ она поразила Марѣю какою-то суетливою торжественностью, но вмѣстѣ съ видимымъ стѣсненіемъ, какъ будто она и хотѣла что-то сказать и боялась.

— Что новаго, матушка? спросила Марea.

— Новаго-то? Да какъ вамъ сказать? есть и новости— и очень важныя, да только до времени приходится помолчать...

— Чтожь за тайна?

— Тайна-то не тайна; а какъ сказать: не всѣмъ вмѣстить и уразумѣть самую-то суть. Да что! заговорила она вдругъ съ таинственнымъ видомъ, приближаясь къ Марей,—ужь тебѣ-то я повѣдаю, ты вѣдь не кто другой: у меня эвотка царь гостить.

— Царь! воскликнула Марea, привскочивъ со скамьи въ крайнемъ изумленіи.

— Онъ самый батюшка и есть.

— Какой такой? допытывалась Марea съ улыбкой явнаго сомнѣнія, но не безъ тревожнаго чувства,—какой тамъ у тебя царь?

— Да онъ-же самый, говорю тебѣ, батюшка нашъ Петръ-отъ Федорычъ.

Марea при этомъ имени пристально поглядѣла на хозяйку.

— А кого-жь въ Питерѣ-то хоронили? проговорила она внушительно и строго.

— Не знаю, мать, робко и довѣрчиво отозвалась та, — да ужь, надо полагать, не его милость, коли онъ здѣсь.

И она понизила голосъ до чуть-слышнаго шопота.

— Ты знаешь, малолѣ что бають, всего не переслушаешь... А на счетъ этого ужь не опасайтесь: истинно онъ самый есть. Есть эвотка у насъ отецъ Герасимъ, вездѣ онъ значитъ бывалъ и въ Питерѣ знаемъ, такъ онъ божился, что это самый батюшка и есть... Слышь, идетъ царство свое забирать — понимаешь?

Лицо Марей выражало полнѣйшее недовѣріе и нѣчто похожее на ужасъ, но она совладѣла съ собой, заявивъ

даже рассказчицѣ желаніе посмотрѣть, кто таковъ этотъ явившійся батюшка.

— Оно можно; теперятко онъ отдыхаетъ, кажется... На вышкѣ держу, все надежнѣе... А вороговъ-то у него—сама знаешь, кака тьма! Такъ велѣлъ «покажѣсть»—говорить—буду въ рабѣемъ зракѣ... пусть меня ради слабые не блазнятся...» Да тебѣ-то можно! только я все таки, матушка, его поспрошаю: можно ли когда...

И ступая на цыпочкахъ, хозяйка вышла на повѣть и поднялась на вышку.

Оставшись одна, Марѳа не шутя задумалась. Новость была слишкомъ поразительна и заманчива. Свѣтлый умъ настоятельницы быстро провидѣлъ и оцѣнилъ всю вѣскость подобнаго слуха въ отдаленной мѣстности съ рѣдкимъ, разбросаннымъ, разноплеменнымъ населеніемъ, при ничтожности наличныхъ военныхъ силъ на всемъ Заволжьи, да еще посреди раскольниковъ, которые такъ уважали покойнаго императора за первыя дарованныя имъ льготы. И Марѳѣ вдругъ вспомнилось далекое прошлое, ея хлопоты у Теплова и его слова: «коли сами каши не заварите, беспокоиться нечего». Да вѣдь коли объявился—значитъ сподручно, думала она: «чему быть, того конемъ не объѣдешь—мое дѣло плыть по теченью...

— Пойдемъ, пойдемъ, голубка, соизволяетъ! шепнула хозяйка, вернувшись и взявъ за руку мать Маргариту, торопливо повела ее къ стремянкѣ, по которой всходили на вышку.

Тамъ была всего одна свѣтелка съ тремя окошками на югъ, востокъ и западъ; близко отъ дверей стояла широкая скамья, покрытая ковромъ. На коврѣ сидѣлъ въ красной рубахѣ мужчина лѣтъ тридцати шести, смуглый, съ жесткой короткой, окладистой бородой, съ крупными характерными чертами, съ отпечаткомъ силы воли и рѣшительности въ выраженіи черныхъ глазъ, впалыхъ подъ нависшими густыми бровями.

Онъ былъ широкъ въ плечахъ, средняго роста и крѣпкаго сложенія.

— Добро пожаловать, заговорилъ онъ при входѣ Маргариты и хозяйки. — Любопытство аль усердіе привело тебя къ намъ? молвилъ онъ, устремивъ проницательный взглядъ на Марю; но та не потупилась, а съ поклономъ отвѣтила:

— Слышали мы, что нѣкая великая персона въ странствіяхъ обрѣтается... и нынѣ временно въ нашихъ краяхъ пребываетъ...

— Да, путь предстоитъ не близкій — иначе доберемся, отвѣтилъ тотъ, — далъ бы Богъ наследника только повидать...

— М-м-мъ! многозначительно протянула мать Маргарита.

— А тебѣ-то странствовать приходилось? бывала гдѣ? спросилъ тотъ въ свою очередь.

— Мы изъ Польши — бывали въ Питерѣ и въ Москвѣ.

— Давно?

— Въ Питерѣ лѣтъ десять назадъ, а въ Москвѣ и въ прошломъ году.

— А слыхала о наследникѣ Елисаветы Петровны?

— И видывать приходилось...

— М-м-мъ! въ свою очередь протянулъ сидѣвшій, — а ты, хозяйка, попотчивала бы насъ чѣмъ нибудь съ гостей, обратился онъ къ той.

Хозяйка не заставила повторять приглашенія — и вышла.

Оставшись наединѣ съ Марею, постоялецъ круто повернулся къ ней и прямо спросилъ:

— А узнаешь?

— Бого? возразила Марья, смѣло глянувъ ему въ глаза.

— Коли припомнишь наследника при Елисаветѣ Петровнѣ...

— На нѣмца словно походилъ... а впрочемъ... съ запинкой произнесла Марѳа, — можетъ и запомнила — давно было.

— То-то давно! произнесъ постоялецъ, выправившись въ весь ростъ и грозно сверкнувъ на нее очами, — коли не помнишь — лишняго не ври; а я такой человѣкъ: коли мнѣ кто дружить — и я тому другъ, а кто вредить захочетъ — не легко приходится...

— На кого бы гнѣваться-то! мы черницы въ дѣла мірскія не мѣшаемся — молимъ Бога о благодѣющихъ и въ власть держащихъ; въ споры не вступаемъ, препятій не чинимъ, а смѣлому — города и съ пригородами! коли рука владыка — бери!

— О, да ты вижу баба умная! Коли такія найдутся, такъ еще потягаемся съ врагами. Неподалеку жительствоуешь?

— По сосѣдству.

— Ино по времени навѣстимъ. Ты мнѣ совсѣмъ полюбилась...

— Всякому свой талантъ! отозвалась, отшучиваясь Маргарита, увидя входящую хозяйку съ угощеніемъ.

Въ тотъ же вечеръ Марѳа разузнала на селѣ, что новый знакомецъ ея недавно прибылъ на Иргизъ съ Сожи, съ Вѣтки, назвался казакомъ, разъ въ праздничный день вышелъ на улицу подъ ветлы, послушалъ-послушалъ, да и себѣ повелъ рѣчи — «рѣчи вольныя, крамольныя, непристойныя», а объ себѣ говорилъ намеками да недомолвками, что похуже будутъ и самыхъ рѣчей его.

Вскорѣ затѣмъ, уже дома въ Покровскомъ, до Марѳы дошелъ слухъ, что новый знакомецъ схваченъ жителями Мечетнаго, связанъ и доставленъ въ Малыковскій округъ, откуда его переслали въ Казань и заключили въ тюрьму. Марѳа столько видала уже на

своемъ вѣку, что мимолетное знакомство не имѣло для нея никакого значенія; но образъ удалаго искателя державы противъ воли вставалъ по временамъ въ ея воспоминаніи—и не разъ безсонною ночью мерещились ей эти черные, зловѣщіе глаза.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Слава матери Маргариты и вліяніе ея упрочивались во всемъ околodкѣ. Множество всякаго люда стекалось въ Покровский монастырь — послушать краснорѣчивой настоятельницы, поучиться уму-разуму; добродѣтели приношенія зажиточныхъ старообрядцевъ потекли въ кладовыя новѣй обители; новыя сестры то и дѣло прибывали съ просьбой принять ихъ въ общежитіе. Словомъ, все шло какъ не надо лучше; но не такъ думала повидимому сама настоятельница. Сановитую мать Маргариту чаще и чаще видали молчаливою, уединенною отъ сестеръ, замкнутою въ себѣ; въ самыхъ чертахъ ея все еще моложаваго красиваго лица залегала печать какой-то упорной, сосредоточенной и ничѣмъ не удержимой думы. Чаще и чаще замѣчали сестры, что восковая свѣча не гаснетъ по ночамъ въ покоехъ настоятельницы, слышали тяжелые шаги ея и скрипъ дубовыхъ половицъ въ ея опочивальнѣ. Въ отношеніи къ своимъ черницамъ она день ото дня становилась строже и властительнѣе; прежнихъ ласковыхъ словъ «любовь твоя», «свѣтъ мой», съ которыми бывало обращалась настоятельница къ сестрамъ, не слышать стало въ обители.

— Знать задумала что, говорили старыя ея бѣдички, — какъ упадетъ ей въ голову новое, всегда такая бывало.

Разъ какъ-то, поздней осенней порою, въ темную ночь, когда Марѣя особенно долго не спалось и она тихими шагами, скрестивъ руки на груди, ходила изъ угла въ уголъ по своей опочивальнѣ, — въ стекла одного изъ

оконъ раздался тихій звукъ, словно оно хрустнуло. Мар-
еа не обратила вниманія, но звукъ повторился еще и
еще разъ. Настоятельница подошла къ окну — кто-то
снадворья осторожно бросалъ комочками рыхлаго снѣгу.
Мареа вглядѣлась въ темную фигуру, рисовавшуюся на
бѣлой порошѣ, — и что-то знакомое показалось ей въ
осанкѣ поздняго гостя...

Не говоря ни слова сестрамъ, она накинула тѣло-
грѣйку и сошла на широкій монастырскій дворъ. Тамъ,
въ тускломъ свѣтѣ мѣсяцѣ, представало ей памятное
смуглое лицо, съ черной бородой и черными какъ уголь
глазами...

— Никакъ это ваша милость? выговорила Мареа,
сплеснувъ руками въ радостномъ испугѣ: — какъ же
это Господь помогъ изъ-за крѣпкихъ стѣнъ уйти?..

— На крѣпкія стѣны — разрывъ трава да удалая
голова, отвѣтилъ ночной гость не ломая шапки, — а
ты меня обогрѣй да приюти на время, неровенъ часъ
и я тебѣ своей высокой милостью пожелаю...

— Ну, теперь вижу, что ваша милость доподлин-
но молодецъ, проговорила Мареа, взявъ гостя за ру-
ку, — не даромъ изъ ума не шелъ... Обитель моя ко
услугамъ персоны вашей...

И она повела гостя къ себѣ въ образную, разбу-
дивъ мимоходомъ одну вѣрную сестру Пелагею. Черни-
ца съ просонья глазамъ не вѣрила, глядя на овчинный
полушубокъ и высокую шапку нежданнаго посѣтителя —
и не зная чему дивиться, разбойничему ли его виду или
Мареиной почтительности передъ нимъ.

Прошла зима — постоялецъ Марейнъ далъ себя знать
по всему Заволжью. Онъ уже не искалъ ночлеговъ,
скитаясь бездомнымъ странникомъ. Глухая молва, не-
уловимыми струями пробираясь въ народѣ, всюду несла
дивную вѣсть, якобы императоръ Петръ Ѳеодоровичъ
живъ и явился на Яикѣ вѣрному своему казаче-

ству, что у него силы несмѣтныя и идетъ онъ забирать царство подъ свою руку, а крѣпости сами отворяютъ ему ворота, царицынымъ же войскамъ неудача за неудачей, да и тѣ передаются батюшкѣ. Заволновались раскольникыи скиты на Иргизѣ, поднялись киргизы съ башкирами, а крѣпостная вольница да заводская голь безчинствовали, не видя надъ собой уѣма. Извѣстія объ успѣхахъ чуть не сказочныхъ какой нибудь ватаги—мутили умы простаго народа въ самой Москвѣ, не только за Окой въ мирныхъ до того тульскихъ краяхъ. Крѣпостное населеніе отъ этой грозы ожидало себѣ воли, возлагая всѣ надежды свои на приходъ батюшки Петра Федоровича, глухо волновалось и ожидало его. Помѣщики теряли голову и робко заискивали въ зависящихъ отъ нихъ крестьянахъ. Угрозы приближающейся бурей, со стороны подвластнаго народа своимъ повелителямъ, входили даже въ обычай, ни въ комъ не возбуждая сомнѣнія въ законности такого порядка вещей. Конечно, дерзость крестьянъ и дворовыхъ усиливалась, когда въ барскомъ домѣ были женщины.

Докатилась молва и до Глазова. Переселясь туда въ чужиное время, чета Баженовыхъ, по созженіи московскаго дома разъяренною чернью, должна была провести цѣлыхъ двѣ зимы, а на третью дѣла требовали Баженова въ Москву, и онъ поѣхалъ оставивъ въ усадьбѣ молодую жену съ тещей. Аграфена Александровна, за три счастливые года супружества, окончательно выровнялась и развилась въ прелестную молодую женщину. До сихъ поръ ихъ привольная жизнь и тихое семейное счастье ничѣмъ не нарушались,—но полное счастье рѣдко бываетъ продолжительнымъ — и вотъ съ отѣздомъ Баженова явилось первая невзгода въ лицѣ бывшаго опекуна. Буйный Галдилинъ, не показывавшійся при хозяинѣ, неожиданно наѣхалъ съ угрозами; Баже-

нова не пустила его къ себѣ на глаза, приказавъ старостѣ выпроводить его съ безчестьемъ — и на угрозы отвѣчать угрозой. Взбѣшенный Галдилинь поклялся, что онъ дастъ себя знать. Прошло недѣли три, объ немъ почти забыли, какъ вдругъ однажды старуха Красухина, выѣхавъ на молодьбу, тотчасъ же воротилась домой и не совѣмъ спокойно передала слышанное отъ знакомаго мужика, будто-бы Галдилинь въ самомъ дѣлѣ направилъ путь къ главному притону возмущенія и даже будто бы передался мятежникамъ, прося у нихъ защиты въ мнимой несправедливости; — что его тамъ, будто бы, произвели въ полковники и дали слово явиться въ Глазово погостить и ввести во владѣніе чѣмъ онъ только пожелаетъ.

Такое извѣстіе, въ справедливости котораго мужикъ божился, не могло не всполошить помѣщицъ. Подобные примѣры расправы по жалобамъ — были въ порядкѣ вещей. Новость эта не могла не дѣйствовать и на простой народъ, въ особенности когда у бывшего опекуна оказался на селѣ вліятельный благопріятель. Прослышавъ о походе своемъ своего бывшего покровителя, попъ Матвѣй сталъ собирать къ себѣ мужиковъ, и предлагалъ имъ, заранѣе, въ угодность батюшкѣ, какъ онъ называлъ губителя заволжскаго дворянства, раздѣлаться съ помѣщицами самимъ, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Сперва онъ будто бы шутя попробовалъ почву, а потомъ неоставлялъ при всякомъ случаѣ поучать темную свою паству, къ несчастію производя впечатлѣніе и поселяя въ отуманенныхъ головахъ — простыхъ, хотя и добрыхъ людей — не одни уже сомнѣнія, а почти увѣренность.

Положеніе Груши съ матерью стало небезопасно.

Въ одно утро, только что встали въ Глазовскомъ помѣщицкѣмъ домѣ, какъ толпа всѣхъ сельскихъ обывателей съ чадами привалила къ крыльцу, требуя, чтобъ

явилась къ нимъ барынька. Та не долго заставила ихъ ждать—и съ рѣшительнымъ выраженіемъ лица вышла на крыльцо.

— Что вамъ нужно, голубчики? не безъ внутренняго волненія спросила ихъ Аграфена Александровна Баженова, остановясь на послѣдней ступенькѣ и обводя испытующимъ взглядомъ толпу.

— Да мы къ милости твоей! раздалось нѣсколько голосовъ.

— Что же вамъ требуется? сдержанно проговорила Баженова.

— Да то-есть примѣрно сказать, ничего! почесывая въ затылкѣ отвѣтилъ Оома, живавшій обыкновенно въ пастухахъ, мужичина росту громаднаго, недавно еще бывшій тише воды ниже травы, — мы теперича тебя... осмѣлюсь доложить... опушшаемъ...

— Что?

— Да чтобы ты, барынька, оставила, значить, намъ... на всю нашу волю все какъ есть; а мы-ста тебя дѣлать неча... опушшаемъ... какъ слѣдуетъ, можешь хоша сегодня къ сожителю значить отъѣхать... Забирай, ужь что съ тобой дѣлать, и божье милосердіе, а коровушекъ и лошадушекъ намъ ужь предоставь... потому пора ужь и намъ поисправиться.

— Что это онъ баетъ, добрые люди, пьянъ онъ чтоль? все еще съ улыбкой обратилась Аграфена Александровна къ прочимъ, хотя и очень хорошо поняла, куда вѣтеръ дуетъ.

— Никакъ нѣтути, это онъ значить объявлять какъ міръ рѣшилъ, тряся рыжей бородой счелъ за нужное поддержать Оому одинъ изъ бобылей.

— Какой міръ? да насчетъ чего? спрашивала Баженова, сдвигая брови.

— Да ужь матушка не изволь сумлѣваться — потому долго ждали, а теперь наше время пришло...

— Развѣ вы мной не довольны?

— Нѣтъ, оченно довольны, а потому значить опускаемъ съ честью, со славой, загуторили бабы.

— Да съ чего это вы, ребята, и вы, бабы? вы словно помѣшались? Кто это васъ настроилъ такой вздоръ городить?

— Какой матушка вздоръ, всякому до себя придать! послушъ-ко вонъ, какъ въ Саратовской - то стонѣ справляются съ господами... Да и батюшка говоритъ... отецъ Матвѣй, дай ему Богъ здоровья...

— А, такъ это онъ!.. А гдѣ староста?.. круто спросила Баженова, возвысивъ голосъ.

— Пѣтра-то чтоль? Онъ значить у васъ былъ старостой, а мы его значить ссадили, потому онъ намъ не гождь... Мы теперь сами на своей волѣ... И батюшка говоритъ: не плошайте ребята — идетъ царь государь свое забирать — и вы значить свое забирайте...

— Какой это царь-государь — Пугачъ - отъ чтоль? Емелька?

— Какъ можно батюшку такъ срамить? Емелькой-то его кто обзываетъ — наши враги... А люди-то не то говорятъ, послухай-ко! А мы-те, Аграфена Александровна, ты у насъ барынька хорошая, мы-те и въ дорогѣ оборонимъ, коли угодно...

— Да нечего оборонять, я никуда не поѣду, смѣло перебила Баженова, — а мужу я ужъ написала, вотъ ужъ приведетъ роту другую солдатъ, такъ и попъ Матвѣй языкъ прикусить... Подумайте объ этомъ, да въ обманъ не давайтесь; а Емельку на выручку не ждите, его ужъ тамъ разбили; говорятъ вамъ, онъ воръ и самозванецъ, а не государь...

Сказавъ это, она повернулась и пошла въ домъ. Толпа ностояла, погудѣла какъ обезматоченный улей, и повалила къ попову двору. Матвѣй долго отсиживался, наконецъ вышелъ недовольный, угрюмый. До него ужъ дошли слухи о томъ, что было на барскомъ дворѣ.

— Чего пришли! сердито окликнул онъ своихъ прихожанъ.

— Да пришли твоей святости поклониться. Аграфена-тъ Александровна не то говорить, а говорить намъ всѣмъ бѣда будетъ, а тебѣ первому за наученье...

Попъ перетрусился.

— Ахъ вы, разбойнички! накинулся онъ на крестьянъ, — да что вы это затѣяли супротивъ помѣщицы... бунтовать!.. да какъ же вы смѣли къ ней явиться-то?

— Ну вотъ-те и разъ! сказалъ Ѳома, — вишь у тебя батяка вечеръ одни рѣчи, а на утро другіе...

— Ослы, да вѣдь я говорилъ, когда батюшка придетъ — ну самъ и разсудить; а коли нѣтъ его — неча и говорить! вывернулся отецъ Матвѣй.

— Экій криводушникъ! раздались голоса въ толпѣ. — Самъ сомутилъ насъ, а теперь и на попятный... иди-иди, добро! безстыжіе глаза!

Толпа, ругаясь, разошлась по домамъ. На счастье, благое расположеніе обывателей не имѣло возможности переимѣниться. На другой день къ вечеру неожиданно прикатилъ Василій Ивановичъ въ сопровожденіи двухъ офицеровъ и капральства какого-то изъ гарнизонныхъ полковъ.

Гроза временно миновала, но вѣсти Баженовъ изъ Москвы привезъ неутѣшительныя. Даже въ отдаленной Невской столицѣ озабочены были успѣхами самозванца, передъ которымъ падали такія большія крѣпости какъ Озерная и Татищева, взятая и разграбленная послѣ упорнаго сопротивленія. Государыня еще старалась придать шутливый оттѣнокъ извѣстіямъ о маркизѣ де Пугачевѣ, сообщаемымъ ею за границу чрезъ Вольтера и другихъ корреспондентовъ, — но уже принимала рѣшительныя мѣры къ обузданію мятежа.

Бибииковъ, посланный противъ Пугачева съ значительнымъ войскомъ, организовалъ въ Казани еще ополченіе

изъ мѣстнаго дворянства; генераль-майоръ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ стоялъ съ своимъ отрядомъ близъ Оренбурга; отовсюду прибывали свѣжія войска. Но тѣмъ не менѣе, успѣхъ все еще оставался сомнительнымъ, а волненія въ крѣпостномъ населеніи становились день ото дня сильнѣе и необузданнѣе. Помѣщики гурьбами переселялись въ Москву. Оставаться долѣе въ Глазовѣ становилось опасно — и Баженовы послѣдовали примѣру прочихъ.

Въ Москвѣ Баженовы нашли много переизмѣнъ за послѣдніе два три года. Коммисія новаго уложенія, которой тацъ увлекся на первыхъ порахъ Василій Никитичъ Коржавинъ, съ восторгомъ перечитывавшій «Наказъ» императрицы, — скоро показала, какъ мало подготовлены всѣ сословія для такихъ коренныхъ преобразованій; отдѣльныя депутатскія коммиссіи переведены были въ Петербургъ и работали еще надъ частными вопросами, но древняя столица погрузилась въ обычный застой, а вскорѣ наступили тяжкія годы туредкой войны, моровой язвы, мятежа московской черни и затѣмъ пугачевщины; государынь было не до преобразованій. Въ самой внутренней политикѣ чувствовалось наступленіе переворота. Григорій Григорьевичъ Орловъ, до сихъ поръ бывшій душой всѣхъ начинаній, сталъ терять свое значеніе. Новое свѣтило, въ лицѣ Потемкина, всходило надъ Россіей знаменіемъ другой эпохи. Баженовъ, теряя своего покровителя, замкнулся въ скромной домашней жизни въ Москвѣ, и, всегда наклонный къ созерцательности, отдался начинавшему распространяться франкмасонству. У Баженовыхъ постоянно гостилъ неутомимый Федоръ, изъ бывшаго соперника ставшій другомъ дома, и почти все время проводилъ въ мистическихъ бесѣдахъ съ мартинистами.

Василій Никитичъ, лишась доброй Анны Исаевны, во время чумы, тяжелѣе чувствовалъ это одиночество.

Разочарованный неудачею въ комисіи, отъ которой ждалъ такъ много, онъ видимо старѣлъ, хилѣлъ и начиналъ искать утѣшенія въ религіозности, конечно не впадая въ суевѣріе, которому такъ способны предаваться люди слабохарактерные и тупѣющіе. Даже къ мартинистамъ относился онъ скептически. Въ рѣдкіе пріѣзды къ отцу, заводилъ съ нимъ разговоръ о мартинистахъ Ѳеодоръ, бросившійся въ эту крайность изъ подражанія Баженову, въ домѣ котораго нечувствительно всасывалъ онъ модныя вѣрованія, привязываясь къ нимъ далеко не такъ искренно какъ хозяева. Онъ просто игралъ въ мартинизмъ. Отецъ, раза два подмѣтивъ такую сторону, больше не спорилъ и видимо удалялся, такъ что холодность между ними усилилась. Василій Никитичъ чаще и чаще размышлялъ о ничтожествѣ человѣка и всего земнаго. «Пока живетъ, говаривалъ онъ Баженову,—мечтаешь о себѣ много. А какъ начнутъ пилить со всѣхъ сторонъ, такъ едва-едва найдется силы, чтобъ выносить все это. А тутъ недуги, старость, раздражительность—и невольно идешь наперекоръ всему, за что когда либо ратовалъ»

При первыхъ слухахъ о самозванцѣ и волненіяхъ въ крѣпостномъ сословіи, Коржавинъ еще разъ оживился было до чего-то въ родѣ вспышки...

— Вотъ оно! горестно воскликнулъ онъ, придя къ Баженову,—кабы дворяне съ господиномъ Сумароковымъ и другими прочими тогда не возстали противъ освобожденія крестьянъ — ничего бы этого не было... А впрочемъ, судьбы Божіи неисповѣдимы! прибавилъ онъ, понутивъ сѣдую голову.

Но неумолимая личная судьба готовила ему новый ударъ, какъ-бы предназначенный для того, чтобы окончательно сломить желѣзную натуру богатыря, до конца стоявшаго на почвѣ законности въ самомъ своемъ свободомысліи.

Неожиданное горе обрушилось на всю семью Коржавинныхъ и навсегда разъединило ея членовъ—во многомъ, какъ въ добрѣ такъ и въ злѣ, опережавшихъ свой вѣкъ. Изъ Петербурга пришло письмо, въ которомъ Ерофей, горько плачась на судьбу, увѣдомлялъ, о потерѣ единственного своего счастья — жены, которая умерла отъ ужаса, когда его, самого Ерофея, схватили и посадили въ укромное мѣсто для допросовъ—и вся бѣда эта разразилась надъ бѣднякомъ по случаю участія сестры въ пугачевщинѣ. Пока Ерофея, опредѣленного на службу ея ходатайствомъ, выпытывали да выспрашивали, онъ лишился мѣста, а воротясь домой, не могъ даже найти могилы жениной.

Читая эти строки, Василій Никитичъ глазамъ не вѣрилъ. Какъ! Марѳа, его сестра, взята подъ стражу на улицахъ осажденного Оренбурга за возмутительные подговоры, и на допросѣ выдала себя, а черезъ то и брата и всю семью. Потрясенный до глубины души, старикъ заперся въ своей одинокой свѣтелкѣ, стоналъ, рыдалъ и въ отчаяніи бился головой объ стѣны, никому не видимый, подъ наплывомъ овладѣвшаго имъ отчаянія.

— Родные — враги наши! повторялъ онъ. Но плача принимался за укоризны самому себѣ: «Да ты-то что за праведникъ! какъ будто и правъ, что оборвалъ такъ беззащитную! А она теперь, быть можетъ въ нуждѣ, въ горѣ, томится въ сырой тюрьмѣ... Боже, Господи, буди воля Твоя! видно наступила пора расчетовъ за вольныхъ и невольныхъ. И опять тутъ сыръ-боръ загорѣлся отъ этой же злосчастной Марѳы!...» Коржавинъ не имѣлъ силы лично вступить въ сношенія съ Марѳой — онъ послалъ къ сыну, зовя его прибыть скорѣе. Но Федоръ не отозвался. По окольнымъ еще слухамъ объ участіи тетки и захватѣ дядѣ въ Петербургѣ, Федоръ забралъ себѣ въ голову, что и ему грозитъ гибель неминуемая.

Обуреваемый противуположными ощущеніями, Ѳеодоръ наконецъ прибѣгнулъ къ Баженову и напрямки объявилъ ему рѣшительное намѣреніе покинуть Россію и поселиться навсегда въ Парижѣ.

— Ты подумай, говорилъ онъ другу, — что здѣсь дѣлать людямъ нашего десятка? Вонъ отецъ всю жизнь рвался послужить обществу, вѣдь его и головой и силой на это Богъ не обидѣлъ, — ну, на чтожь онъ похожъ теперь? истощился дарма. Скажешь, робокъ, дескать придерживался порядку и власти; ну, такъ вотъ тебѣ тетка Марѳа — эта ни передъ какой стѣнкой не задумается, очертя голову кинулась — а что толку?.. Или вонъ, дядя Ерофей, ужь совсѣмъ мокрая курица — такъ ему въ чужомъ пиру голову свернули... Нешто и мнѣ того-жь дожидаться? слуга низайшій — тамъ у насъ во Франціи я еще на что и пригожусь...

— Ужъ не знаю, куда ты можешь пригодиться! усмѣхнулся Баженовъ, — да не въ томъ дѣло — а сердце-то развѣ тебѣ ничего не говоритъ? Кинуть старика въ такомъ горѣ — ѣхать невѣсть куда, невѣдомо зачѣмъ?

— Да чѣмъ же я ему здѣсь-то помогу? Выпутается, такъ и безъ меня выпутается, а мнѣ вѣдь не цѣловаться же съ нимъ! чистосердечно отвѣтилъ Ѳеодоръ.

Баженовъ только головой покачалъ, видя это неизлѣчимое тупое себялюбіе. Онъ понялъ, что втолковать Ѳеодору естественныхъ чувствъ нельзя — напрасный трудъ.

Онъ далъ ему взаймы денегъ и выпроводилъ изъ Москвы съ знакомымъ евреемъ черезъ польскую границу. Спустя недѣлю по отъѣздѣ Ѳеодора, Баженовъ навѣдался къ Василию Никитичу — и со всею свойственною ему бережностью и вниманіемъ къ лѣтамъ скорбнаго старика передалъ послѣднюю новость о сынѣ.

Отецъ не вдругъ повѣрилъ этому неожиданному бѣгству — но когда Баженовъ представилъ ему самыхъ убѣ-

дительныя доказательства этого исчезновенія, старикъ только рукою махнулъ

— Одинъ народился я на семь свѣтѣ, одиноко приходится и закрыть глаза, проговорилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Между тѣмъ, виновница всѣхъ бѣдствій была далеко не въ такомъ безысходномъ положеніи, какъ думали ся родственники. На переѣздѣ изъ Оренбурга въ Казань, куда отправили закованную Марѳу подъ небольшимъ конвоемъ, — какъ снѣгъ на голову налетѣла шайка Хлопуши, одного изъ главныхъ сподвижниковъ Пугачева. Конвой перерѣзали, Марѳа была освобождена — и вновь потерялась въ разливѣ матажа.

Изъ начальниковъ арміи Бибикова, всѣхъ отважнѣе былъ молодой генераль-майоръ Петръ Михайловичъ Голицынъ. Живой, отважный, красавецъ князь сгоралъ отъ нетерпѣнія выступить въ дѣло — и вотъ наконецъ пришло давно желанное порученіе. Ему поручено было заслонить своимъ корпусомъ московскую дорогу, имѣя операціонную линію отъ Казани до Оренбурга. Но еще цѣлыхъ два мѣсяца прошло въ переправѣ черезъ Каму, соединеніяхъ съ полковникомъ Бибиковымъ и Мансуровымъ и переходахъ къ Оренбургу. Солдаты, большею частію старые, были изнеможены и роптали на усталость и лишенія, которымъ подвергались въ жестокую стужу, при степномъ разореніи и безлюдьи, или въ явно-возмущавшихся поселкахъ. А между тѣмъ до Голицына доходили подзадоривающіе слухи объ успѣхахъ его товарищей. Майоръ Муфель съ одной полевой командой разбилъ значительную шайку у Самары; гвардіи поручикъ Державинъ, будущій пѣвецъ Фелицы, съ тремя фузелерными ротами усмирить киргизскіе скиты и раскольниковыя слободы... Голицынъ проклиналъ степныя дороги, вялость солдатъ — и самъ впереди всѣхъ подавалъ примѣръ соратникамъ.

Однажды позднею ночью, сквозь ревъ бурана носы-
палась приглушенная снѣгомъ, частая какъ горохъ, пе-
рестрѣлка въ передовомъ отрядѣ. Голицынъ прискакалъ
туда во весь опоръ, въ одномъ мундирѣ, но нашелъ
только трупъ майора Елагина, убитого въ этой сшибкѣ.
Солдаты говорили, что въ нападеніи участвовалъ самъ
Пугачевъ и что скопища мятежниковъ отступили по на-
правленію къ Новосергіевской крѣпости. Голицынъ ра-
зослалъ нѣсколько развѣдочныхъ отрядовъ по окрест-
ности, самъ двинулся къ Переволоцкой и наконецъ
соединился съ ними подъ Татищевой, гдѣ по донесе-
ніямъ засѣлъ самозванецъ съ намѣреніемъ упорно за-
щищаться.

Утромъ 22 марта, красавецъ князь, на росломъ дон-
скомъ жеребцѣ, выѣхалъ передъ войска, и долго осма-
тривалъ крѣпость въ зрительную трубу, не вѣря гла-
замъ. Передъ нимъ, вмѣсто ожидаемаго пожара, по-
слѣ созженія Татищевой въ прошломъ году, — возвы-
шались бѣлыя какъ снѣгъ валы и бастіоны, свержав-
шіе на солищѣ тысячами алмазныхъ искръ; приглядѣв-
шись, князь понялъ, что укрѣпленія эти построены дѣй-
ствительно изъ снѣга при содѣйствіи мороза. Яркая бѣ-
лизна ихъ, въ сочетаніи съ темной лазурью чистаго
неба, слѣпила глаза.

— Каковъ разбойникъ! обратился Голицынъ къ сто-
явшему возлѣ него генералу Фрейману: — и гдѣ онъ толь-
ко нахватался такой мудрости по части фортификаціи?!

Фрейманъ премычалъ что-то, пожимаясь отъ рѣзкаго
холода, во главѣ своей колонны; а Голицынъ, снова под-
нявъ трубу къ глазамъ, устремилъ глаза на крѣпость.

На одномъ изъ возвышеній ей показалась кучка людей,
между которыми выдѣлялся чернобородый молодецъ въ
красномъ казакинѣ, верхомъ на сѣрой лошади.

Голицынъ отдалъ приказъ выслать небольшой от-
рядъ для возможной развѣдки, что дѣлается въ крѣпости.

Человѣкъ триста солдатъ тронулись въ обходъ, пользуясь прикрытіемъ снѣжныхъ бугровъ и овраговъ.

Между тѣмъ главныя силы, медленно подвигаясь, подошли на растояніе пушечнаго выстрѣла.

Голицынъ, время отъ времени подносявшій трубу къ глазамъ, вдругъ передалъ ее Фрейману, съ которымъ ѣхалъ рядомъ во главѣ колонны гренадеровъ.

— А что вы скажете, вѣдь это самъ своей перерожденной мошенникъ и есть—въ красномъ-то кафтанѣ? Послать развѣ ему гостинца?... Пугнемъ немножко, а?

Фрейманъ флегматически скомандовалъ остановиться—и велѣлъ выдвинуть одно орудіе.

— Съ передка долой! зазвенѣлъ дѣтски-веселый голосъ молодого офицера. Степенный усачъ озабоченно раздувалъ фитиль, пока юноша спѣшившись подбѣжалъ къ орудію и долго-старательно наводилъ его...

Голицынъ опять осматрѣлъ въ трубку дальнія укрѣпленія, гдѣ по прежнему гомозилась кучка верховыхъ и пѣшихъ мятежниковъ.

— Господинъ офицеръ! закричалъ князь,—наводите лѣвѣе къ крайнему бастиону...

Онъ продолжалъ еще смотрѣть, когда вслѣдъ за ~~этимъ~~ «пали!» словно домъ рухнулъ и подъ Голицынымъ дрогнула лошадь, въ воздухѣ пахнуло порохомъ, легкій крикъ нѣсколькихъ голосовъ привѣтствовалъ первый выстрѣлъ.

Князь, не отрывая глазъ отъ трубы видѣлъ, какъ всадникъ на сѣрой лошади поднялъ руку, словно грозя кому-то, и повернувъ назадъ медленной рысцей поѣхалъ въглубь крѣпости.

— Тото же, по щелямъ, по щелямъ, тараканы запечные! проговорилъ Голицынъ, посмѣиваясь и оглядывая лица гренадеровъ, которые держали себя какъ-то степенно-строга, почти сурово.

— Жарко имъ будетъ, ваше сіятельство! поддержалъ

адъютантъ князя, горячившій свою вороную лошадь, все еще неуспокоенную послѣ выстрѣла.

— Je crois bien! а пока — diable! — холодно вато!.. И князь, кутаясь въ бурку, опять подскочилъ къ Фрейману.

Кучка на валу крѣпости тотчасъ же скрылась, какъ только посланный на развѣдку отрядъ показался изъ-за снѣжныхъ бугровъ холмистой мѣстности. Тихо и медленно подавались впередъ солдаты, сверкая на солнцѣ какъ бы живою щетиной штыковъ. Голицынъ напряженно слѣдилъ за ними въ подзорную трубку, съ минуты на минуты ожидая пальбы съ крѣпости, но вдругъ изъ-за угла бастіона вихремъ вылетѣла конная ватага мятежниковъ и казалось смяла подступавшихъ... все смѣшалось въ одну нестройную кучу.

Князь ахнулъ и обернулся къ полковнику Бибикову, крича ему, чтобъ тотъ отрядилъ въ подмогу своихъ егерей. Но уже два эскадрона конницы, съ саблями наголо, неслись съ другой стороны на перерѣзъ мятежниковъ, а вдоль пологихъ скатовъ съ возвышенностей, четко выдѣляясь на бѣлизнѣ снѣговъ, быстро скользили вразсыпную человекки въ зеленыхъ мундирахъ, останавливались и будто ударъ кнута хлопалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ. То были бибиковскіе егеря, на лыжахъ бѣжавшіе къ укрѣпленіямъ.

— Ага! заварилась каша! самодовольно потирая руки, покрикивалъ Голицынъ, разѣзжая по рядамъ, — вотъ мы ему вору покажемъ, каково имѣть дѣло съ настоящимъ-то войскомъ! Съ Богомъ, ребята, не унывай! Артиллерія впередъ!

Вязнувшія въ снѣгу лошади тяжело тащили лафеты. Князь самъ, выскакавъ впередъ, указывалъ, гдѣ разставлять орудія, съ восторгомъ приветствовалъ первый грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ и захлопалъ въ ладоши, когда бѣлыя стѣны далекой твердыни стали понемногу, словно тая, осыпаться подъ ударами ядеръ.

Вдругъ слышалось быстрое жужжанье, шлепнуло что-то, стоявшій подлѣ Голицына адъютантъ опрокинулся назадъ вмѣстѣ съ лошадыю, надъ крѣпостью показались бѣлые дымки и гулъ далекой канонады больно отозвался въ сердцѣ князя... Чаше и чаще бухали свои пушки, гудѣли вражьи — и князь понялъ, что не такъ легко достанется побѣда, какъ онъ это представлялъ себѣ, выскакавъ передъ фронтъ.

Цѣлыхъ три часа длилась пальба съ обѣихъ сторонъ, не умолкая ни на минуту. Выведенный изъ терпѣнія, Голицынъ махнулъ платкомъ Фрейману и въ колоннѣ барабаны треща забили наступленіе. Скоро, въ ту же подзорную трубку, князь увидалъ солдатъ, которые съ ожесточеніемъ лѣзли, карабкались на обледенѣлый валъ, скользили, падали, вставали, опять лѣзли, кололи штыками защищавшихъ стѣны, отходили, стрѣляли, снова и гуще толпами взбирались на стѣну...

Крѣпость была взята, самъ Пугачевъ едва пробился и ускакалъ съ 60-ю казаками, оставивъ до 3,000 плѣнныхъ и множество убитыхъ. Это была первая значительная побѣда.

Къ вечеру морозъ началъ крѣпчать — и что еще хуже, лицо рѣзала вьюга. Въ крѣпости, защищаемый стѣною обледенѣлаго вала, — на барабанѣ, покрытомъ буркой, сидѣлъ утомленный князь Голицынъ; костры только дымились и головни то и дѣло трещали и тухли съ паденіемъ снѣга. Приводили толпами, связанныхъ зря, плѣнныхъ. Комисаръ, лаконически опрашивая, заносилъ имена ихъ въ списокъ. Голицынъ почти не слушалъ, занятый посторонними мыслями, уносившими его далеко отъ боевой ночевки. Вдругъ онъ встрепенулся, услышавъ отвѣтъ женскаго голоса: «Маргарита въ иночествѣ». Онъ поднялъ голову — и въ полумракѣ отсвѣтовъ костра, его поразила красота, хладнокровіе и какая-то отвага въ лицѣ женщины, взятой при такихъ обстоятельствахъ. Что-то зна-

комое припоминалось ему въ ея голосѣ, въ этихъ чертахъ... Но гдѣ онъ и когда видалъ ее — онъ рѣшительно не могъ припомнить. Приказавъ подвести ее ближе, князь невольно вздрогнулъ.

— Быть не можетъ! невольно проговорилъ онъ вслухъ.

— Отчего не можетъ быть?... тихо отвѣтила Мар-еа, — вы не признаете меня? — такъ и быть, ужъ я помогу вашей памяти. Каковъ вамъ показался маскерадъ въ Головинскомъ дворцѣ на коронаціи государыни?..

— Неужели она? прошепталъ Голицынъ.

— А вѣдь теперешнее наше свиданіе не могло бы придти въ голову ни мнѣ ни вамъ...

— Какъ вы попали сюда? давно вы имѣли несча-стіе попасться въ плѣнъ къ злодѣю?..

— Да, я имѣла несчастіе... и Мар-еа недоговорила.

— Такъ что же вы? обратился Голицынъ къ комисару, — какъ вы не различаете плѣнныхъ отъ кра-мольниковъ?.. Вы должны были поспѣшить къ особѣ...

— Да какая же это особа, ваше превосходитель-ство? Нашихъ же была... должно хозяина ихъ, вмѣ-нялся стоявшій тутъ казакъ.

— Что это онъ говоритъ? обратился пораженный Голицынъ къ Мар-еѣ.

Она молча потупила голову. Голицынъ понялъ ея смущеніе.

— По крайней мѣрѣ скажите, какъ и что я могу... нетвердо выговорилъ онъ.

Не поднимая глазъ, Мар-еа какъ бы про себя ска-зала: «все можете, отъ васъ зависитъ»...

Голицынъ велѣлъ отвести ее и содержать подъ осо-бымъ карауломъ.

Впослѣдствіи, во время казни Пугачева и его сообщни-ковъ, по ходатайству Голицына Мар-еа была освобождена въ Москвѣ, но уже не застала въ живыхъ ни Василия,

ни Ерофея Никитичей. Лишенная всего своего состоянія, безпріютная, одинокая, она навсегда погребла себя въ одномъ изъ женскихъ монастырей и только изрѣдка навѣдывалась у Баженовыхъ о Ѳеодорѣ.

Василію Ивановичу тоже не счастливо было въ послѣдніе годы царствованія Екатерины. Неудачная постройка дворца въ Царицынѣ, который не понравился государынѣ, холодность ея къ художнику за его мартинизмъ, затѣмъ невзгоды всякаго рода, доводившія талантливаго строителя до послѣдней крайности—преслѣдовали Василія Ивановича въ теченіи почти двухъ десятилѣтій его жизни. Онъ былъ поочередно сельскимъ хозяиномъ, наставникомъ юношества, подрядчикомъ строительныхъ работъ, управляющимъ типографской компаніи, считался опаснѣйшимъ адептомъ общества франкмасоновъ — была пора когда всякая служба была для него закрыта. Въ это тягостное время сказалося въ полной мѣрѣ и силѣ то безцѣнное благо, которое онъ приобрѣлъ въ лицѣ Груни. Преданная, любящая какъ въ первый годъ замужества, Баженова безропотно дѣлила всѣ лишенія домашняго очага. Въ ней одной находилъ поддержку. Василій Ивановичъ въ минуты упадка духа, и почерпалъ новыя силы на борьбу, которую втайнѣ уже начиналъ считать безплодною. Но вдругъ, за четыре года до кончины Екатерины, судьба его переѣнилась къ лучшему. Онъ получилъ неожиданно должность старшаго архитектора Адмиралтейства и затѣмъ бездну заказовъ и порученій.

Воротясь въ Петербургъ, Баженовъ уже не нашелъ почти никого изъ прежнихъ друзей и знакомыхъ кромѣ Бецкаго. Лосенки не было въ живыхъ; бывшій начальникъ Баженова, Кокориновъ, женатый на племянницѣ Прокофія Акинфіевича Демидова, самоубійствомъ кончилъ жизнь свою, доведенный до петли происками и наговорами Салтыкова Бецкому; самъ же майоръ и оной ака-

деиіи конференцъ - секретарь Александръ Салтыковъ, вскорѣ затѣмъ проворовался и былъ обличенъ въ похищеніи 10,000 р. изъ академическихъ суммъ. Сумароковъ, переселившійся въ Москву съ конца 60-тыхъ годовъ, терпѣлъ еще большую нужду чѣмъ въ Петербургѣ; всѣми покинутый и забытый, онъ спился съ круга и умеръ въ нищетѣ, такъ что московскіе актеры похоронили его на свой счетъ. Бывшаго покровителя Василя Ивановича также не стало: Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, потерявъ прежнее вліяніе, скончался въ припадкахъ бѣшенства и темная молва обвиняла въ этомъ Потемкина, отъ руки котораго — по такимъ же слухамъ — палъ на дуэли и князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, начинавшій входить въ милость у Императрицы. Но Баженовъ уже не нуждался въ чѣмъ бы то ни было покровительствѣ, поддерживаемый самимъ наследникомъ престола.

Воцарился Павелъ — и разомъ изъ коллежскихъ совѣтниковъ произвелъ его въ дѣйствительные статскіе, для него одного учредивъ новую должность вице-президента Академіи художествъ. Это былъ блистательный закатъ бурнаго дня жизни художника, при другихъ обстоятельствахъ конечно явившагося бы въ иномъ свѣтѣ, а не въ качествѣ официального лица и любимца императора, какимъ онъ теперь является для незнавшихъ обстоятельствъ его жизни. Игрушка судьбы — онъ получилъ отъ нея одну только подачку — это надежду на безбѣдную старость и обезпеченіе вдовы, которой онъ былъ обязанъ лучшими часами своей жизни.

Въ тихой пристани дома Баженовыхъ нашелъ себя пріютъ и нашъ самовольный изгнанникъ, искатель приключеній, Федоръ, потерявшійся-было въ буряхъ французской революціи, гдѣ онъ бросался изъ крайности въ крайность, мѣняя постъ чиновника королевскаго на комисарство конвента и затѣмъ вступая въ ряды вандей-

цевъ, — и наконецъ возвращенный родинѣ, которая приняла его устарѣвшаго и развѣявшаго свои когда-то богатые силы. Прежніе идеалы, навѣянные въ Россію энциклопедистами и озарившіе своимъ фальшивымъ блескомъ первые годы царствованія великой императрицы, померкли въ сіяніи новыхъ, чисто русскихъ цѣлей, къ которымъ стремились усилія матери отечества. Новые люди, воплощавшіе въ себѣ здоровое пониманіе истинныхъ потребностей страны въ данную минуту, стояли вокругъ престола. Послѣднему представителю отживавшихъ началъ, такъ поздно явившемуся на родину, не было мѣста на жизненномъ пиру.

Федоръ остался тѣмъ же легкомысленнымъ острякомъ и отрицателемъ до самой старости — и только утѣждалъ ее подѣ часъ сочиненіемъ безсильныхъ пасквилей на новое, непонятное ему время, которое пѣлъ уже Державинъ и разилъ своей беспощадной сатирой даревитый Фонъ-Визинъ.

— К О Н Е Ц Ъ . —

PG 3470

.P24

S4

1872

A0000002163772